

Маленькие женщины

ЛУИЗА ОЛКОТТ

МАЛЕНЬКИЕ
ЖЕНЩИНЫ
ЗАМУЖЕМ

NO LONGER PROPERTY OF
SEATTLE PUBLIC LIBRARY

Маленькие женщины

ЛУИЗА ОЛКОТТ

МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ ЗАМУЖЕМ

Перевод с английского

Москва
ЭНАС
2009

УДК 82-31(73)

ББК 84(7)

053

**Перевод с английского
А. ШАРАПОВОЙ**

**Оформление серии
С. ГЕРАСКЕВИЧА**

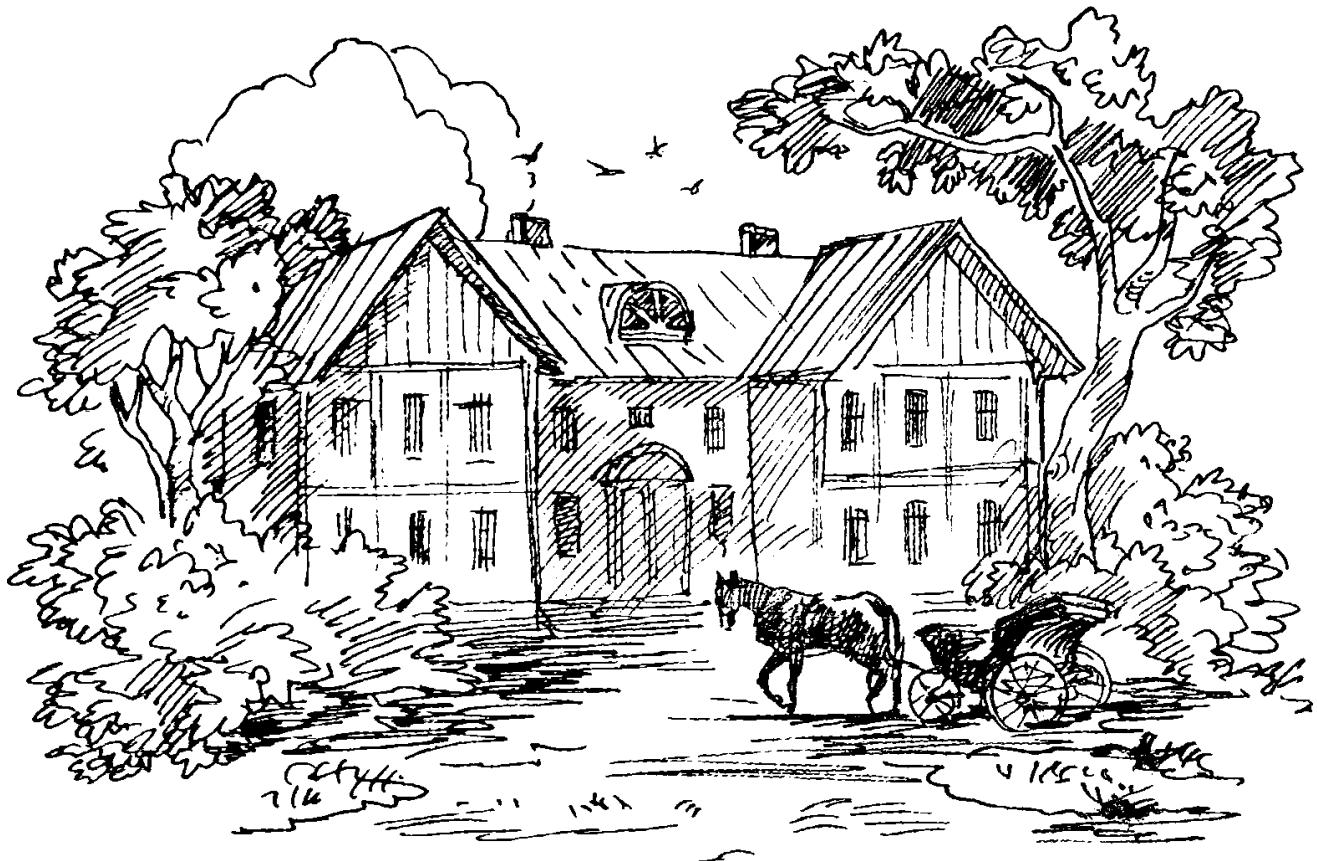
**Художник
А. ВЛАСОВА**

© А. В. Шарапова. Перевод с англ., 2005

© А. Ю. Власова. Иллюстрации, 2005

© ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС», 2005

ISBN 978-5-93196-956-5

Глава I

ПОСПЛЕТНИЧАЕМ...

Прежде чем мы встретимся вновь со старыми знакомыми и немного отдохнем от забот на свадьбе у Мег, мне хотелось бы сначала немного посплетничать с вами о семействе Марчей. Но еще раньше я хочу предупредить, что если кто-то из пожилых читателей заметит, что в моей истории чересчур много любви (не думаю, что такого рода замечания будут исходить от молодежи), то вот им ответ миссис Марч: «А как может быть иначе, когда в доме три веселые девицы, а через дорогу по соседству живет молодой вертопрах?»

Минувшие три года не внесли существенных перемен в спокойную жизнь этой семьи. Война окончилась, мистер Марч вернулся домой живой и невредимый и сразу же занялся своими книгами и делами вверенного ему небольшого прихода. Он радостно был встречен своей паствой, для которой служил истинным образцом священника. Это был все тот же тихий и прилежный

человек, наделенный от природы мудростью, которая ценнее всякой учености, милосердием, готовым весь мир заключить в объятья, и благочестием, являющим залог возвышенного и прекрасного образа жизни.

Эти качества привлекали к нему многих хороших людей подобно тому, как душистая трава манит к себе пчел, и воистину он даровал им мед, к которому нелегкий полувековой опыт не примешал ни капли горечи. Всякий честный молодой человек при общении с ним убеждался, что его седовласый наставник столь же честен и молод душой, как он сам; измученные заботами женщины шли к нему, чтобы поведать свои сомнения и тяготы, и всегда знали, что встретят ненавязчивое участие и получат мудрый совет; грешники исповедовали свои грехи его чистому сердцу, ища укора и очищения совести; пожилые главы семейств находили в нем друга; честолюбцам он являл пример благородного достоинства; даже корыстные люди признавали, что вера его прекрасна и чиста, хоть и не приносит ему ни малейшей выгоды.

На взгляд посторонних, домом управляли пять женщин, и до известной степени именно так оно и было; но тихий мужчина, вечно погруженный в книги, все равно был истинным главою семьи – хозяином, утешителем, совестью; в трудную минуту жена и дочери всегда обращались к нему и находили в нем мужа и отца в самом святом смысле этих слов.

Сердца дочерей принадлежали матери, а их души – отцу; и обоим родителям, которые жили своими детьми и трудились для их блага, они дарили любовь, возраставшую по мере их взросления и скреплявшую их между собой теми нежными узами, каковыми благословенна жизнь и побеждена смерть.

Миссис Марч, все такая же оживленная и жизнерадостная, хотя седины у нее заметно прибавилось со времени нашей последней встречи с нею, была так поглощена судьбой Мег, что даже госпитали и приюты, полные изувеченных «ребят» и солдатских вдов, остались на время без ее материнского попечения.

Джон Брук в течение года мужественно исполнял свой долг на войне, и вот после ранения его отпустили домой с предписанием не возвращаться в строй. Увы, ему не досталось ни звезд,

ни лент, хотя он вполне заслужил их, как человек, рисковавший всем, что у него было: жизнью и любовью. Отставленный от службы, он посвятил себя поискам работы, которая обеспечила бы будущее Мег. С присущими ему здравомыслием и свободолюбием он отверг все заманчивые предложения мистера Лоренса и занял в его компании место младшего бухгалтера, считая, что лучше получать честное жалованье, чем рисковать, занимая деньги.

Мег проводила дни в трудах и ожидании. Она стала женственнее, опытнее в домашних делах и еще очаровательнее. Ведь ничто не красит девушку так, как любовь. Конечно, у нее были свои девические мечты и упования, и она была отчасти разочарована, что новую жизнь приходится начинать так скромно. Салли Гардинер совсем недавно вышла замуж за Неда Моффата, и Мег поневоле сравнивала их роскошные дом, экипаж, подарки, обстановку с тем, что было у них с Джоном. Конечно, ей хотелось, чтобы и у них было, как у Моффатов! Но зависть и досада отступали прочь, как только она вспоминала, сколько любви и труда вкладывает Джон в их будущее скромное семейное гнездо. И когда они сидели вдвоем в сумерках и делились друг с другом своими планами, будущее представлялось ей таким прекрасным, что никакое богатство Салли уже не могло ее прельстить. Мег чувствовала себя самой богатой и самой счастливой девушкой на белом свете!

Джо больше не вернулась к тетушке Марч. Старой dame настолько понравилось, как Эми справляется с обязанностями компаньонки, что она решила удержать ее на более длительный срок, прибегнув даже к подкупу. Она заявила, что Эми должна брать уроки у самого лучшего учителя, и в самом деле подыскала ей опытную наставницу. Ну а на таких условиях Эми рада была прислуживать и дракону. Итак, младшая мисс Марч посвящала утренние часы домашним обязанностям, а дневные – удовольствиям и, что называется, благоденствовала. А Джо теперь делила свое время между литературой и заботами о Бет, которая хотя и выздоровела, но была еще слаба. Красивый румянец надолго сошел с ее милого лица, но она не отчаявалась, занималась

домашней работой и любимыми делами и продолжала быть добрым ангелом для всех, кто ее любил.

Поскольку редакция «Парящего орла» выплачивала Джо по доллару за колонку «разной чепухи», как она сама отзывалась о своих рассказиках, юная сочинительница почувствовала себя «полезным человеком» и не переставала выдумывать увлекательные романтические истории. Но в ее перегруженной вымыслом головке и честолюбивой душе созревали уже грандиозные планы, и мало-помалу старая кухонька в мансарде переполнялась черновиками будущих шедевров, которым предстояло прославить фамилию Марч.

Лори, чтобы порадовать деда, поступил в небольшой университет, однако старался проводить время учения так, чтобы не лишать радости и себя. Всеобщий любимчик, к тому же обладающий средствами, хорошими манерами, многими дарованиями, — он мог бы испортиться, подобно множеству способных, многообещающих мальчишек. Но Лори носил в своем сердце как талисман образ старого дедушки, который вывел его в люди и заботился о нем, как о родном сыне. И было еще нечто, что его всегда сдерживало — сознание, что четыре простодушные девочки восхищаются им, верят в него и всем сердцем любят его.

Разумеется, он и озорничал, и флиртовал, и разыгрывал из себя «денди», и отдавал дань плаванию и гимнастике, которые стали вводиться в университетах, и не прочь был высмеять приятеля, хотя иногда и сам попадался на язычок какому-нибудь более опытному остряку, и густо пересыпал свою речь жаргоном, и не раз бывал «на заметке», даже под угрозой исключения. Но, во-первых, проделки его не были злыми, он просто любил подшутить. А во-вторых, он всегда знал меру и ни разу не преступил границу недозволенного.

И все же он не без гордости расписывал девушкам свои шалости или рассказывал о победах над сердитыми воспитателями, чопорными профессорами и недалекими недругами. «Мужчины его курса» были высшими существами в глазах сестер, и девушки никогда не уставали восхвалять «наших мальчиков» и радовались

каждой улыбке «героических натур», которых Лори нередко притаскивал в дедовский дом.

Эми явно любила мужское общество. Она, пожалуй, была самой красивой из сестер и умело пользовалась даром обхождения, которым наделила ее природа. Что касается Мег, то она всецело была поглощена своим дорогим и единственным Джоном, и для нее не существовало других героев. Бет была слишком застенчива, разве что изредка решалась подмигнуть украдкой комуто из друзей Лори и, конечно, очень завидовала Эми, которая запросто поддерживала с ними беседу. Ну а Джо была в своей стихии. Она сразу же усвоила все мужские замашки, позы и фразы, которые были ей куда более под стать, чем скучные условности, предписываемые юным леди. Всем окружающим юношам Джо очень нравилась, но никто из них не влюбился в нее, зато почти каждый втайне вздыхал об Эми. Ну вот, раз уж мы заговорили о нежных чувствах, то самое время отправиться прямо в «голубятню».

«Голубятней» прозвали маленький коричневый домик, обустроенный мистером Бруком для Мег. Но прозвище придумал не он, а Лори, намекая на то, что это подходящее гнездышко для юных влюбленных. Домик был маленький, садик позади совсем крошечный, а лужайка перед порогом – чуть больше носового платка. Мег предполагала на этом клочке земли устроить еще фонтан, посадить кустарник и множество цветов, которые она так любила. Пока же фонтаном служила пострадавшая от непогоды урна, похожая на большое помойное ведро; роль кустарника выполняли молодые лиственницы, пребывавшие между жизнью и смертью, а цветник был обозначен частоколом прутьев, окруживших место, куда бросили семена. Зато внутри дома было весьма уютно, и невеста одобрила все – от мансарды до погребка. Правда, гостиная в доме была такая узкая, что желай новобрачные завести пианино, его даже не удалось бы притиснуть в двери. В столовой за обеденным столом едва умещалось шесть человек, а кухонная лесенка так и норовила низвергнуть прислугу вместе с китайским фарфором в угольный погреб.

Но все эти мелкие недостатки искупались добротной обстановкой и хорошим вкусом, так что для начала все казалось более чем удовлетворительным. В маленькой гостиной не было ни столиков с мраморными столешницами, ни узких зеркал, ни кружевных штор, однако была хорошая мебель, множество книг, две прекрасные картины, цветы на подоконниках и, конечно же, подарки от друзей, казавшиеся еще краше при воспоминании о тех, кто преподнес их молодым хозяевам.

Вряд ли Психея из паросского мрамора, подарок Лори, стала менее прекрасной из-за того, что для нее нашлось место лишь под потолком вблизи тусклого рожка; и едва ли опытный драпировщик лучше повесил бы муслиновые шторы, чем это сделала своей художнической рукой Эми; и уж точно ни одна кладовая не оглашалась столькими приветствиями и пожеланиями счастья, как та, где мать и сестры новобрачной расставляли яички, бочонки, коробки. Я готова ручаться, что ни одна новая кухонька не выглядела более уютной и опрятной, чем та, где Ханна по двадцать раз переставила каждый горшочек и кастрюльку, пока не убедилась, что все они на своих местах. А затем она зажгла все огни в доме в ожидании торжественной минуты, когда миссис Брук переступит порог своего владения.

Кроме того, я сомневаюсь, чтобы еще какая-нибудь юная матrona начинала свою семейную жизнь с таким великим запасом тряпочек, держалок, прихваток и всевозможных пакетиков: Бет запасла всего этого столько, что могло хватить до серебряной свадьбы, и еще она придумала три вида посудных салфеток, чтобы поддерживать в чистоте и блеске китайский сервиз — приданое новобрачной.

Подарки и помощь — все было от доброго сердца. Самые трудные хлопоты становятся легкими и увлекательными, когда ими заняты любящие руки; и Мег нашла множество тому подтверждений. Каждая вещь в ее маленьком гнездышке, от полотенца на кухне до серебряной настольной вазы в гостиной, свидетельствовала, что дом обустроен с любовью и обдуманно.

Какие счастливые планы строили они все сообща! С каким торжеством совершили каждую покупку! А сколько случилось

смешных промахов! А как они высмеивали Лори за его нелепые подношения!

В своей любви к шуткам и потехам этот юноша, хоть он и переступил порог университета, все еще оставался мальчишкой-школьяром. Он считал своим долгом каждый раз, навещая друзей, снабжать невесту чем-нибудь новым, полезным и необычным, что могло понадобиться в быту. То сумочкой с зажимами для белья, которые ничего не зажимают, то изумительной терочкой для мускатных орехов, которая разлетелась на куски от первого нажима, то ножеточкой, которая перепортила все ножи... А еще ковровой щеткой, сдирающей ворс и оставляющей сор; хозяйственным мылом, от которого слезала на руках кожа; невероятно надежным kleem, который ничего не склеивал, кроме пальцев незадачливого покупателя. И множеством разной чепухи, от копилки для монет до чудесного кипятильника, который к тому же мыл посуду своим паром.

Тщетно Мег умоляла его остановиться. Он продолжал являть свою изобретательность, знаменуя каждую неделю новыми нелепостями.

Наконец все было сделано, вплоть даже до того, что Эми подбрала по цвету каждой комнаты кусочки мыла, а Бет накрыла стол для первого угощения.

— Ну как? Ты довольна? Не правда ли, это уже почти родной дом и вам здесь хорошо? — спрашивала миссис Марч, обходя под руку с дочерью новое «королевство»; с каждым «кругом» они все ласковее приникали друг к другу.

— Да, да, мама! Все так хорошо! Ты даже представить себе не можешь, до чего же я счастлива! — повторяла Мег, и взгляд ее был красноречивее любых слов.

— Ей бы сюда еще пару слуг — и тогда уже больше ничего не надо! — сказала Эми, выходя из гостиной, так и не решив, где лучше пристроить бронзовую статуэтку Меркурия — на этажерке для безделушек или на камине.

— Мы с мамой это уже обговорили. Для мелких поручений у меня есть Лотти, а вообще я должна что-то и сама делать, не то я

просто обленюсь и впаду в уныние, — спокойно и рассудительно ответила Мег.

— А вот у Салли Моффат четверо слуг! — не унималась Эми.

— Ну, если у Мег их будет четверо, то хозяину с хозяйкой придется строить себе шалаш в саду, — вмешалась в разговор Джо, которая, завернувшись, точно в конверт, в свой огромный передник, наводила последний блеск на дверные ручки.

— Салли — жена состоятельного человека, и ей просто подобает брать в услужение бедных девушек, чтобы обеспечить им сносное существование. А что касается Мег и Джона, то они начинают жизнь скромно, но я все же чувствую, что в своем домике они будут счастливее многих живущих в больших домах. И совсем не правы те юные особы, которые в замужестве собираются только покупать наряды, отдавать приказания и заниматься сплетнями. Я, например, уже будучи замужем, донашивала свои платья до дыр, и мне совсем не было в тягость латать их и переделывать! Только вот вышивать и подрубать носовые платки — этого я терпеть не могу.

— Мама, а у тебя не было привычки бегать на кухню? В том смысле, чтобы готовить вместе с прислугой... Вот Салли так делает, но только у нее все получается плохо, и присуга над ней насмехается, — говорила Мег.

— Я заглядывала на кухню, но не затем, чтобы самой стряпать, а посмотреть, как это делают умелые руки Ханны. И я не давала повода над собой насмехаться! Я все умела обратить в шутку, но училась всерьез и таким образом обрела сноровку, чтобы самой готовить для моих дочурок, если не окажется средств нанимать прислугу. И ты, Мег, сначала будешь многое делать сама; зато потом, когда Джон разбогатеет, ты уже будешь знать, что требовать от своих служанок. Вот тогда ты станешь в подлинном смысле слова хозяйкой!

— Да, мама! — отозвалась Мег, со всем вниманием выслушав лекцию. — Лучшие из женщин всегда серьезно относились к домашним обязанностям... А вот эту комнатку в моем «игрушечном доме» я люблю больше всех! — добавила она, когда все се-

мейство, поднявшись по ступенькам, остановилось на пороге замечательного бельевого чулана.

Бет сразу же принялась разглядывать кипы белоснежного белья на полках и восторгаться порядком.

Потом они со смехом вспомнили один забавный эпизод, связанный как раз с бельем. Тетушка Марч однажды объявила сгоряча, что не даст Мег ни единого цента, если та пойдет замуж за «этого Брука». Со временем она успокоилась и раскаялась в данном сгоряча обете, но как было отречься от своего слова? Тетушка долго не знала, как выкрутиться, пока ей не пришла в голову одна удачная мысль. Она дала денег миссис Кэррол, матери Флоренс, чтобы та купила и как бы от своего имени подарила дорогое постельное белье и столовые скатерти. Все поверили, что это и вправду дар миссис Кэррол, но впоследствии тайна раскрылась, и, узнав правду, все необычайно обрадовались. Однако тетушка Марч все равно продолжала отнекиваться, говоря, что она не дарила ничего, кроме старого жемчуга, давно обещанного той из сестер, которая первой выйдет замуж.

— В общем, с бельем нашей хозяйшке повезло. Помню, у моей любимой подружки было шесть простыней, и она этим гордилась. Но, правда, у нее была еще чашка, чтобы ополоскивать пальцы после еды, — рассказывала миссис Марч, с удовольствием поглаживая камчатные скатерти, тем самым отдавая должное их качеству.

— Чашки, чтобы ополоскивать пальцы, у меня нет, но это и к лучшему. Как говорит Ханна, будет о чем мечтать, — лицо Мег приняло довольное выражение.

— Пришел *недотепа*! — донесся снизу голос Джо.

Все ринулись встречать Лори, чьи еженедельные посещения вносили разнообразие в размеренную жизнь семейства.

Высокий, широкоплечий, коротко стриженный юноша, в фетровой шляпе и пальто свободного покроя, с разбегу перемахнул через невысокую ограду, не желая утруждать себя возней с запертой калиткой, и подлетел к миссис Марч.

— Вот и я, мама! Все отлично.

Его ласковый голос погасил искорку недоумения в глазах по-жилой дамы, и «церемония» завершилась сыновним поцелуем.

— Мои поздравления и восторги, миссис Джон Брук!.. Желаю тебе счастья, Бет!.. Ты сегодня какая-то необычная, Джо!.. А ты, Эми, пожалуй, слишком хороша для одинокой леди!

Он вручил коричневый бумажный сверток Мег, дернул за ленточку в волосах Бет, многозначительно оглядел невероятный передник Джо и встал в позу немого восторга перед Эми. Наконец Лори пожал руки всем четырем девицам, и все разом заговорили.

— Где же Джон? — спросила с беспокойством Мег.

— Что-то уточняет относительно завтрашнего дня. С минуты на минуту появится.

— А какая команда выиграла сегодня встречу? — спрашивала Джо, в свои девятнадцать лет все еще не потерявшая интереса к мужским спортивным играм.

— Наша, разумеется. Очень жаль, что тебя не было.

— А что слышно о прелестной мисс Рендл? — многозначительно спрашивала Эми.

— О, она сама жестокость! Разве вы не видите, как я зачах? — Лори ударил себя в широкую грудь и испустил мелодраматический вздох.

— Интересно, что он принес на этот раз? Ну-ка, Мег, развязжи тесемку, посмотрим, что там! — говорила Бет, глядя с любопытством на неуклюжий, шишковатый сверток.

— Это полезная вещь на случай пожара или попытки ограбления, — пояснил Лори, заводя вещицу, которая затем издала пронзительный треск.

— Скажем, что-то случилось, вы дома одна, Джон отлучился куда-то по делам... Как быть? Остается распахнуть окно и выставить это наружу — сразу все соседи сбегутся на помощь. Прекрасная штука, не правда ли? — Лори еще усилил звук «ночного сторожа», так что все позажмали уши.

— Как хорошо, что вы есть на свете... Кстати, вам тоже надо кое-кого сегодня поблагодарить, а именно Ханну — она спасла от поругания свадебный торт. Его как раз вносили в дом, когда я

зашел, и так велико было искушение отведать... Но Ханна грудью встала на защиту. Ах, до чего хорош торт!

— Ты еще совсем маленький, Лори! — ласково и покровительно проговорила Мег.

— То есть как? Шесть футов — прекрасный мужской рост. В наш упадочный век... — тут он покосился на изящные канделябры. — Это, пожалуй, кощунство, вкушать что-либо в такой обстановке, но я до того проголодался...

— Мы с мамой хотим дождаться Джона, а вообще уже почти все готово к столу, — сказала Мег, удаляясь.

— А мы с Бет пойдем к Кэти Браун нарвать цветов для завтрашнего дня, — молвила Эми, водруженная живописную шляпку поверх не менее живописных кудрей и наблюдая за тем, какое она производит впечатление.

— Джо, ну хоть ты не бросай товарища на произвол судьбы! Я так истощен, что просто не доберусь до своего дома без твоей помощи. И не снимай свой передник, он очень тебе к лицу, — заявил Лори.

Джо, преодолевая нежелание, позволила ему взять ее под руку.

— Вот что, Тедди! Я должна серьезно с тобой поговорить относительно завтрашнего дня, — начала Джо, как только они зашагали бок о бок. — Ты должен мне пообещать, что будешь вести себя хорошо, не устраивать розыгрышей, не срывать наших планов...

— Никогда!

— И никаких шуточек в серьезный момент!

— Разве я на такое способен? Скорее ты сама на это горазда.

— И умоляю, не смотри на меня во время церемонии, а то я могу невзначай расхохотаться.

— О, ты меня просто не разглядишь. Ты будешь реветь, и твои глаза будут застланы туманом.

— Я не плачу от радости — только от горечий.

— Например, если друзья-приятели отправляются в университет.

— Не слишком воображай о себе. Просто иногда надоедает сплошной девичник.

— Да, еще бы... Послушай, я вот о чем хотел спросить: как чувствует себя ваш отец?

— Превосходно... А! Я догадываюсь теперь, в чем дело. Ты попал в очередную переделку и хочешь знать, как он к этому отнесется, — весьма резко проговорила Джо.

— Ах, Джо, — Лори помедлил, обиженно глядя на девушку, — я по лицу твоей матери уже давно все понял.

— А как могло быть иначе?

— Так не уходи от ответа и не делай подозрительной мины. Да, мне нужно занять у него немного денег, — решился Лори, ободренный сочувственной ноткой в голосе Джо.

— Ты слишком много тратишь, Тедди.

— Бога ради! Это не я их трачу, это они сами куда-то уходят без моего ведома.

— Да, ты великодушен, у тебя доброе сердце. Поэтому все просят у тебя взаймы, и ты никому не отказываешь. Ты не умеешь сказать «нет». Мы тут уже прослышали про твоего приятеля Хеншоу и как ты его выручал. Но как раз в данном случае никто не посмеет тебя упрекнуть, — сердечно сказала Джо.

— Это он сам вам рассказал? Как всегда из муhi сделал слона. Ну да, я ему дал немного денег. Почему он должен работать за десятерых, а мы лодырничать?

— Я же сказала, что здесь ты поступил правильно. Но вот другое... У тебя двадцать два пальто, и ты каждый день меняешь галстуки и шляпы. Пора бы бросить этот глупый дендилизм. Зачем эта стрижка как швабра, пестрые жакеты, оранжевые галстуки, тупоносые башмаки с двойной подошвой? С одной стороны, дорого, а с другой — никакой красоты, скорее уродство.

От ее натиска Лори так расхохотался, что с него слетела его фетровая шляпа, и Джо нечаянно наступила на нее. Он тут же подхватил свою новомодную шляпу, скомкал ее и сунул в карман.

— Ну полно, не читай мне больше нотаций. И так мне на этой неделе пришлось несладко. Хочется отдохнуть хотя бы дома. Главное, чтобы завтра все прошло как следует.

— Но я тебя не оставлю в покое, пока ты опять не отрастишь волосы. Я не аристократка, но мне не нравится появляться на людях в обществе какого-то не то борца, не то боксера, — продолжала суровым тоном выговаривать Джо.

— Но наши профессора приветствуют скромность в студентах, вот мы так и стрижемся, — защищался Лори.

И, право, его трудно было упрекнуть в щегольстве, поскольку он явно «проигрывал», расставшись со своей роскошной шевелюрой.

— Между прочим, Джо, мне начинает казаться, что малыш Паркер просто сходит с ума по Эми. Без конца говорит о ней, посвящает ей стихи, и все это носит какой-то странный характер. Наверно, он уже позабыл свою прежнюю пассию, — Лори заговорил просто, доверительно, почти по-родственному.

— Лучше ему не думать об Эми. Следующая свадьба в нашей семье состоится не скоро. Они, в конце концов, еще дети! — по тону Джо можно было подумать, что Эми и Паркер и впрямь подростки.

— Как ни крути, а теперь твоя очередь, Джо!

— Моя? Оставь! Ты же видишь, что за мной никто не ухаживает. Я не нравлюсь молодым людям, но так и должно быть. Это закон: если в семье много дочерей, одна непременно остается старой девой.

— Да ты же просто никому не позволяешь за собой ухаживать! — вспыхнул Лори и тут же отвел глаза. — На тебя только взглянешь — ты или окатишь ледяной водой, или пронзишь тысячей булавок.

— Давай прекратим этот разговор. Мег завтра выходит замуж, а мы болтаем о каких-то несуществующих любовях и о разной чепухе. Я не желаю это слушать, давай переменим тему.

И Лори показалось, что если бы он не повиновался, его и впрямь окатили бы холодной водой или проткнули булавками. Он ответил на ее слова загадочным свистом, а когда они расставались у калитки, повторил:

— Попомни мое слово, Джо: ты — следующая!

Глава II

ПЕРВАЯ СВАДЬБА

Яркие июньские розы на веранде проснулись как никогда рано и наслаждались безоблачным утренним сиянием, словно маленькие подруги-соседки. Их пурпурные головки покачивались на ветру, напоминая румяные личики, и перешептывались между собою о том, что каждой довелось увидеть. Одни украдкой заглянули в столовую, где приготовлялся стол для свадебного пиршства; другие подсмотрели, как сестры одевали невесту; третьи поприветствовали слуг, которые выбегали с разными поручениями в сад, на крыльцо и в прихожую; и все они, от самой пышной розы до бледного бутона, отдавали должное красоте юной хозяйки, которая больше всех в доме любила и холила их.

Невеста и сама в этот день напоминала розу; казалось, все лучшее, что было в ее душе и сердце, отразилось на лице, в нежной прелести которого светилось нечто большее, чем красота. Мег отказалась от шелка, кружев и цветов померанца.

— Мне хочется быть естественной! Не надо никаких чопорных торжеств — пусть возле меня будут только те, кого я люблю и кого хочу видеть, самые близкие мне люди.

Свадебное платье она сшила себе сама, и оно словно дышало нежными упованиями и невинными девическими грезами. Сестры красиво убрали ее пышные волосы, и единственным украшением ее наряда стали лесные ландыши, любимые цветы «ее Джона».

— Ты как будто такая же, как всегда, но какая-то особенно очаровательная и милая. Я бы тебя просто задушила в объятьях, если бы не платье! — воскликнула Эми, которая с восторгом смотрела на старшую сестру все время, пока шло приготовление.

— Ну вот и отлично! И, пожалуйста, целуйте, обнимайте меня на здоровье, и нечего жалеть платье! Пусть оно будет к концу дня мятое-мятое! — и Мег распахнула объятья навстречу сестрам, отчего всем стало ясно, что от новой любви старая ничуть не уменьшилась.

— Теперь пойду завяжу Джону галстук, а потом посижу немного в кабинете с папой!

Мег побежала вниз исполнять эти маленькие церемонии. А еще ей хотелось побывать с матерью. Она понимала, что как ни старается Марми казаться веселой, на сердце у нее грусть: первая пташка сегодня покидает семейное гнездо.

Ну а пока девочки вносят последние поправки в свой нехитрый туалет, самое время поведать, как истекшие три года переменили их внешность, тем более что сейчас они предстанут перед нами во всей своей прелести.

Джо не кажется уже угловатой; она научилась держаться свободно и даже обрела известное изящество. На месте былых кудряшек появились волнистые локоны до плеч, и теперь не бросается в глаза несоответствие между маленькой головкой и высокой фигурой. На загорелых щеках светится здоровый румянец, глаза стали лучистее и нежнее. Сегодня она укротила свой острый язычок, и с ее губ слетают сплошные нежности.

Бет побледнела, похудела и стала еще тише прежнего; красивые добрые глаза сделались еще больше, и в них затаилось выражение если не печали, то физической или нравственной муки. Но она переносит свое нездоровье с кротким терпением, не любит жаловаться и повторяет с надеждой, что скоро все у нее будет хорошо.

Эми по-прежнему считается украшением семьи. В шестнадцать лет она на удивление женственна. Ее нельзя назвать красавицей, но она наделена тем непередаваемым обаянием, которое принято называть грацией. У Эми неправильный нос и, пожалуй, слишком большой рот, но это, во-первых, придает лицу неповторимое выражение, а во-вторых, искупается изумительным цветом лица. Глаза у нее такие же синие, как были прежде, а золотые кудри стали еще пышнее и гуще.

Все три сестры надели платья из тонкой серебристой ткани (их лучшие летние наряды), в волосах и на груди у них алые розы. Они счастливы, что могут отдохнуть от забот и погрузиться в чтение самой увлекательной из глав в романе женской судьбы.

Ничего торжественного, «театрального» не предполагалось в день свадьбы; все надлежало обставить естественно, по-домашнему. Правда, тетушка Марч была просто оскорблена тем, что невеста сама выбежала ей навстречу и провела в дом, что жених занят был прилаживанием упавшей гирлянды, а отец семейства, приходский священник, с мрачным видом поднимался по ступенькам, держа под мышками винные бутылки.

— Все-таки существуют же какие-то правила, — выговаривала тетушка новобрачной, садясь на предназначеннное ей почетное место, шурша муаром и распространяя вокруг аромат лаванды. — Тебя никто не должен видеть вплоть до самой последней минуты, детка!

— Тетушка, пойми, я не выставляю себя напоказ! Не надо, чтобы все таращили на меня глаза, обсуждали мое платье и гадали, сколько потрачено на угощение. Я просто счастлива, и мне ни к чему думать, какое я произвожу впечатление. Пусть этот день пройдет так, как мне хочется. Джон, вот, возьми молоток!

И она стала помогать жениху в «совершенно не подобающем занятии».

Мистер Брук даже не сказал «спасибо», но, принимая из рук своей суженой совершенно не романтический инструмент, расцеловал ее и потом так на нее посмотрел, что суровая тетушка полезла за носовым платком.

Наконец грохот, крик, хохот по поводу некорректного возгласа Лори: «Зевс-Аммон! Джо сейчас опрокинет торт!» — создали самую настоящую суматоху. И так продолжалось, пока не объявилась толпа кузин.

И вот «праздник наступил», как любила выражаться Бет, когда была маленькой.

— Пусть этот юный великан не мельтешит у меня перед глазами, он мне досаждает хуже москитов! — шепнула старушка на ухо Эми.

В это время зал был уже переполнен и темный «ежик» Лори возвышался над другими головами.

— Он обещал сегодня вести себя как следует, а когда он захочет, то умеет быть очень даже элегантным, — возражала Эми, желая уберечь юного Геркулеса от нападок «дракона».

Свадебного шествия не было, но в комнате как по команде воцарилось молчание, когда мистер Марч и молодая пара заняли свои места под зеленой аркой. Мать и сестры сгруппировались рядом, словно не желая отпускать от себя Мег. Отец говорил эмоциональнее, чем обычно, но это сделало церемонию даже более красивой и торжественной. У жениха так дрожали руки, что было заметно со стороны, но Мег с такой нежностью посмотрела на него, что сердце матери преисполнилось радостью, а тетушка фыркнула во всеуслышание.

Джо едва не плакала, потому что на нее смотрел своими черными глазами Лори — насмешливо, заинтересованно и озорно. Бет прижалась к материнскому плечу, а Эми продолжала стоять неподвижно, как статуя, и солнце освещало ее бледный лоб и цветы в волосах.

Мег в ту минуту, когда поняла, что она объявлена замужней дамой, воскликнула: «Первый поцелуй маме!» — что тут же и сделала. В последующие четверть часа она еще больше, чем прежде, напоминала розу, и теперь все пользовались малейшим предлогом, чтобы высказать ей свое доброе отношение, от мистера Лоренса до старой Ханны, которая, с какой-то невероятной прической на голове, припала к ней в холле, рыдая и повторяя: «Ты благословенна стократ! Торту ничего не сделалось, вообще все у тебя замечательно!»

Все сразу приободрились, говорили что-то из ряда вон выходящее или, по крайней мере, пытались говорить, у всех на сердце было легко, и каждому хотелось смеяться. Подарков напоказ не выставили, оставив их в «игрушечном доме». На завтрак не было никаких изысканных яств — просто на стол, украшенный цветами, поставили фрукты и торт. Мистер Лоренс и тетушка Марч пожимали плечами и заговорщически улыбались друг другу; три Гебы не обнесли застолье никакими амброзиями, кроме лимонада и кофе. Никто из гостей ничего не сказал Лори, когда

он, взявшись прислуживать невесте, появился с подносом в руках и загадочным выражением на лице.

— Никак Джо переколотила все бутылки? — прошептал он. — Или мне показалось, что я видел осколки?

— Нет, твой дед милостиво подарил нам на свадьбу вино лучших сортов. А кое-что еще даровала тетушка Марч. Однако отец, оставив часть вина Бет, все остальное отправил в Солдатский приют. Понимаешь, он считает, что вино рекомендуется только больным; а мама говорит, что в этих стенах ни она, ни ее дочери ни одному молодому человеку не нальют ни глотка.

Мег говорила это со всей серьезностью и ожидала, что Лори либо нахмурится, либо расхохочется, но ни того, ни другого не случилось. Взглянув на нее украдкой, юноша выпалил в своей обычной манере:

— Что ж, я не возражаю. Вино в стенах этого дома уже причинило столько вреда, что пусть бы все женщины придерживались того же мнения.

— Ты не становишься с годами мудрее! — в голосе Мег прозвучало явное раздражение.

— Не становлюсь! Но сейчас я вовсе не шучу. Для меня вино не такое уж искушение. Как вода — вряд ли вино намного вреднее воды. Нет, я за ним не гонюсь. Но когда тебе предлагает его прелестная девушка, то как тут отказаться?

— И ты, так уж и быть, выпьешь! Не ради вина, а ради девушки! Послушай, Лори, обещай мне, что никогда не будешь пить! Пусть у меня будет еще один повод называть этот день самым счастливым в моей жизни.

Внезапность и серьезность требованияния на миг смущили молодого человека: насмешку порой бывает вынести тяжелее, чем отказ от любимого удовольствия. Но Мег знала, что если Лори дает слово, то всегда держит его. Поэтому, чувствуя свою власть, решила воспользоваться ею для блага молодого человека. Она не сказала больше ничего, но ее счастливое лицо было без того красноречиво, а улыбка как будто говорила: «Сегодня никто не вправе мне отказать!» Уж Лори точно не мог

отказать ей, и, ответив улыбкой на улыбку, он протянул ей руку и сказал от всего сердца: «Я обещаю вам это, миссис Брук!»

— Очень тебе за это признательна.

— А я выпью за долгую жизнь твоего обещания, Тедди! — воскликнула Джо, наливая ему лимонад, а себе — доброе красное вино.

Итак, тост был провозглашен, а данное обещание сдержано вопреки великим искушениям. Так девушки с их врожденной мудростью улучили счастливое мгновение и оказали своему товарищу услугу, за которую он потом будет благодарить их до конца своей жизни.

После обеда гости, разбившись на пары и группы, прогуливались по комнатам и выходили в сад насладиться свежим воздухом. Счастливые Мег и Джон остановились посреди лужайки, а Лори печально вздохнул, сожалея о том, что подходит к завершению эта не совсем обычная свадьба.

— Давайте танцевать, как немцы! Пусть все семейные возьмутся за руки и поведут хоровод вокруг молодоженов. Ну а мы, бакалавры и старые девы, потанцуем парами в сторонке! — радостно завопил Лори, и в паре с Эми понесся по тропинке.

Их веселость была так заразительна, что захватила всех. Мистер и миссис Марч с тетушкой и дядюшкой Кэррол образовали круг, а к ним быстро пристроились и остальные; даже Салли Моффат, немного помешав, вошла в круг и втянула за собою Неда. А мистер Лоренс и тетушка Марч сделались объектами для шуток: когда величавый старик с торжественным видом приблизился к пожилой dame, она сунула себе под мышку свою трость и присоединилась к хороводу «семейных». А тем временем молодежь кружила по всему саду, как бабочки летней порой.

Накатившая на всех усталость не дала импровизированному балу затянуться, и гости начали расходиться.

— Я желаю тебе только хорошего, от всей души желаю; но мне кажется, что ты еще не раз пожалеешь, — уже прощаясь, сказала тетушка Марч, обращаясь к Мег.

— Вам досталось сокровище, молодой человек, — не преминула заявить она жениху, когда тот провожал ее к карете, — так постарайтесь доказать, что вы владеете им по праву!

— Это самая очаровательная свадьба, какую только я видела, Нед. Хотя, право, не знаю, в чем дело: ведь во всем этом не было и намека на стиль! — заявила дорогой своему мужу миссис Моффат.

— Лори, мой мальчик, если в будущем ты захочешь быть столь же счастливым, женись на одной из этих девочек, ты меня очень порадуешь, — произнес мистер Лоренс, усаживаясь отдохнуть после свадебной суматохи.

— Я сделаю все, чтобы отблагодарить вас, сэр! — явно невпопад повторил свою дежурную фразу Лори, осторожно высвобождая из петлицы крошечный букетик, вложенный туда Джо.

«Игрушечный домик» находился неподалеку, так что все свадебное путешествие Мег свелось к тихой прогулке от старого жилища к новому. Когда она, похожая на хорошенькую квакершу в своем костюме серебристого цвета и соломенной шляпе с белым ободком, подошла к своей калитке, все общество, обступив ее, начало прощаться так, будто она отправлялась в далекое странствие.

— Мамочка, пожалуйста, не думай, что я тебя покинула, и не считай, что если я так сильно люблю Джона, то меньше люблю тебя, — проговорила Мег, со слезами приникая к материнской груди. — Папа, я все равно буду каждый день к вам приходить, и, пожалуйста, любите меня по-прежнему. Бет собирается стать моей помощницей, но пусть Эми и Джо тоже приходят посмеяться над тем, какая я неуклюжая хозяйка. Спасибо вам, что устроили мне такую чудесную свадьбу. До свидания! До свидания!

Родители смотрели ей вслед, исполненные любви, надежд, тихой гордости, а она уходила, опираясь на руку своего мужа и с трудом удерживая огромный букет. Июньское солнце озаряло ее счастливое лицо. Так началась замужняя жизнь Мег.

Глава III

ПОПЫТКИ ТВОРЧЕСТВА

Много воды утечет, прежде чем человек научится понимать разницу между присущей многим одаренностью и настоящим талантом. А юношам и девушкам, обладающим честолюбием, такое понимание дается особенно трудно. Эми постигла эту разницу ценою немалых огорчений. С присущим молодости запалом, принимая обычную увлеченность за подлинное вдохновение, она перепробовала себя буквально во всех видах искусства. Не боясь запачкать пальчики и наряды, она посвящала часы и дни рисованию пером и, надо сказать, проявила в этом деле изрядный вкус и сноровку. К тому же получала от занятия не только удовольствие, но и некоторую прибыль.

Однако вскоре она перенапрягла зрение и, оставив любимое занятие, стала учиться выжигать по дереву. Пока продолжалось это новое увлечение, все домашние пребывали в страхе оказаться погорельцами, потому что запах гари распространялся по всем комнатам, и весьма часто с мансарды или из сарайя тянулась угрожающая струйка дыма. Раскаленные наконечники прибора для выжигания раскидывались повсюду, и каждый вечер перед сном Ханна приносила в дом большое ведро с водой и клала к себе на тумбочку колокольчик, всерьез опасаясь пожара. Зато теперь на кухне дощечку для теста украшал весьма впечатляющий портрет Рафаэля; на торце пивного бочонка был выжжен толстощекий Бахус; на крышке сахарницы парил херувим; даже на полене, предназначенном для растопки, обнаружили недурную копию литографии «Гаррик, покупающий перчатки для гризетки».

Но Эми сильно обожгла руки огнем и горячим растительным маслом, так что выжигание вскоре было забыто ради следующего увлечения. Она стала писать красками. Приятель художник снабдил ее старыми палитрами, кистями и красками, и она пекла, как блины, пасторали и маринны. Ее чудовищные коровы и свиньи брали призы на сельскохозяйственной ярмарке, а пейзажи

кораблекрушений грозили вызвать приступ морской болезни у зрителя, знакомого с кораблями и водной стихией. Но, впрочем, все кончалось добродушной шуткой в адрес художницы, мало смыслящей в устройстве палуб и парусной оснастке.

Из угла ее комнаты, превращенной в мастерскую, на гостей смотрели смуглые мальчишки и черноглазые мадонны, отдаленно напоминающие полотна Мурильо; или навеянные Рембрандтом бурные тени с трагическим акцентом не там, где следует; Рубенс подарил картинам Эми полнокровных матерей с пухлыми чадами; ну а Тернер отозвался образом бури со свинцовыми тучами, рыжими молниями, бурными дождями и пурпурными закатами, причем в центре обязательно помещалось нечто напоминающее помидор, так что зрителям оставалось спорить, что это такое: солнце ли, бакен, матросская куртка или мантия короля.

Затем она стала делать портреты углем, на которых все члены семьи представляли такими черными и перепуганными, словно их только что извлекли из угольной ямы. Пастельные наброски, более мягкие, получались у Эми значительно лучше; здесь она умела добиться сходства, и ее собственные волосы, носик Джо, губки Мег и глазища Лори выглядели на портретах «просто восхитительно».

Далее настал черед гипса и глины. Теперь весь дом заполонила лепнина, и случалось даже, что ее фрагменты сваливались с полок чулана на ни в чем не повинные головы. В качестве моделей в дом зазывались дети, которым Эми с ее таинственными занятиями казалась какой-то юной великаншой-людоедкой. На поприще скульптуры Эми мало преуспела, а одно неожиданное происшествие и вовсе погасило пыл нашей мастерицы. За недостатком моделей, она решила выполнить в гипсе изображение своей весьма изящной маленькой стопы. И вот в один прекрасный день вся семья была разбужена стонами и скрежетом. Все выскочили из дома как по тревоге и стали свидетелями такой картины: юная мастерица неуклюже прыгала возле сарая, волоча кастрюлю с гипсом, из которого ей никак не удавалось высвободить ногу. Избавление от гипсового капкана оказалось трудным и даже опасным, поскольку Джо расхохоталась во время

процедуры и поранила ножиком злосчастную ножку своей любимой сестры. После этого Эми уже никогда не возвращалась к скульптуре.

Потом ее поглотило новое пристрастие – зарисовки с натуры. Она целыми днями пропадала на реке, в поле, в лесу или среди каких-нибудь живописных развалин. Она без конца простоялась, сидя на траве и запечатлевая очередное чудо природы: камень, пенек, гриб, сломанный ствол или облачную громаду, которая на бумаге скорее напоминала пуховую перину. Она жертвовала красотой своей кожи, плавая в полуденный зной по рекам, чтобы изучить светотень, и заработала себе морщинку на носу, потому что в поисках «точки обзора» непрестанно косилась или щурилась.

Микеланджело говорил, что гений – это неистощимое терпение, и если это действительно так, то Эми следовало отнести к разряду избранныков, поскольку наперекор всем препятствиям, провалам и неудачам, она не теряла надежды, что когда-нибудь сотворит «настоящее».

Одновременно с этим она училась, помогала матери по хозяйству и находила утешение в том, что, даже не добившись славы великой художницы, она станет благовоспитанной и привлекательной женщиной. И тут Эми безусловно преуспела, ибо принадлежала к тем счастливым созданиям, которые нравятся без особых усилий с их стороны, повсюду находят друзей и живут так легко и свободно, что окружающие говорят – они родились под счастливой звездой. Она всем была по душе, потому что к числу многих ее достоинств принадлежало и чувство такта. Она инстинктивно чувствовала, что в каждом случае наиболее приятно и уместно, знала, кому что сказать в тех или иных обстоятельствах, и была наделена таким самообладанием, что сестры говорили: «Эми ни к чему “нужные связи”, она сама проложит себе путь».

Пожалуй, одной из немногих ее слабостей было желание попасть в «лучшее общество», при том что она толком и не знала, какое общество следует считать лучшим. Деньги, положение,

богатая обстановка, изысканные манеры влекли ее воображение, и ей хотелось принадлежать к людям, которые обладают всем этим. Хотя зачастую она не отличала истинной ценности от подделки и восторгалась тем, чем восторгаться не следовало. Ни на минуту не забывая о своем благородном рождении, она развивала в себе аристократические вкусы и чувства, чтобы при первой возможности занять то место, которое из-за бедности пока ей было недоступно.

«Прекрасная леди», как называли ее друзья, страстно желала стать воистину *леди*, и ее благородное сердце давало ей право так называться, однако Эми еще предстояло постичь, что красота души не приобретается за деньги, что высокое положение не означает благородства и что поистине хорошее воспитание не скрывает даже внешняя невзрачность.

— Мамочка, я хочу попросить тебя об одной любезности! — объявила однажды Эми, с очень важным видом войдя в кабинет миссис Марч.

— Сделай милость, деточка, скажи, в чем дело, — откликнулась мать, в чьих глазах полная достоинства юная леди еще оставалась ребенком.

— Через неделю мои рисовальные классы заканчиваются, и вот, пока девочки не разъехались на лето, я хочу позвать их к нам. Им просто не терпится увидеть реку, порисовать сломанный мостик и кое-что перерисовать из моей книжицы, от которой они в таком восторге. Они были ко мне всегда добры, и я так им благодарна! Понимаешь, они все богатые, а я... Но они никогда не показывали, что между нами есть разница!

— А с какой стати им задаваться? — спросила миссис Марч с тем достоинством, за которое девочки звали ее «Марией-Терезией».

— Ну, ты же знаешь, что мы почти самые бедные... Только пусть тебя это не мучает. Пока твои цыплятка уступают другим, более пригожим, но ведь гадкий утенок в один прекрасный день превратился в лебедя, — и Эми улыбнулась безо всякой горечи.

У нее был добрый нрав, и она всегда уповала на благие перемены.

Миссис Марч рассмеялась и с тихой материнской гордостью спросила:

— Ну, и какие у тебя планы, мой белокрылый лебедь?

— Мне хотелось бы, чтобы девочки пообедали у нас, а потом я поведу их смотреть наши любимые места и устрою для них праздник искусства!

— Ну что ж, это, пожалуй, приемлемо. Какое же нам приготовить угощение? Пирожные, бутерброды, фрукты и кофе — этого будет достаточно, правда?

— Ах, мамочка, нет! Надо приготовить хотя бы холодные языки и курицу, а на десерт — обязательно шоколад и мороженое! Конечно, девочек этим не удивишь, но я бедная, мне приходится самой зарабатывать... Однако я хочу, чтобы в этот день все было достойно и изысканно.

— Сколько же юных леди ты собираешься позвать? — спросила миссис Марч уже с тревогой.

— Двенадцать... Или четырнадцать... Весь класс. Но вряд ли все придут.

— Господи, и тогда надо еще нанять омнибус для вашей прогулки?

— Ну что ты, мама! Разве нам это по средствам? Вообще-то мне кажется, что девочек придет шесть, возможно, восемь. Я просто найму военный фургон и одолжу у мистера Лоренса *карабин* (Ханна почему-то упорно звала шарабан «карабином», и все это переняли).

— Все равно это выйдет очень дорого.

— Не очень. Я подсчитала и за все смогу заплатить из своего кармана.

— Все же подумай, милая. Если девочки дома привыкли к таким вещам, то много ли им будет радости от всех наших стараний? А если мы устроим все по-простому, для них это будет и неожиданность, и какое-то разнообразие. Чем лезть из кожи вон, покупать, одолживаться, не лучше ли нам предстать перед твоими гостьями такими, какие мы есть?

— Нет. Если все будет не так, как я люблю, лучше и вовсе ничего не устраивать. Я знаю, что смогу все от начала до конца ус-

троить замечательно, если только вы мне поможете. И почему же это нельзя? Ведь я готова заплатить! – говорила Эми с решимостью, смахивающей уже на упрямство.

Миссис Марч знала, что нет на свете лучшего учителя, чем собственный опыт, и при возможности она предоставляла дочерям самим справляться с возникающими у них трудностями.

– Ну, хорошо, Эми. Если для тебя все это не дорого и не трудно, делай как хочешь. Обговори все с сестрами, а я, разумеется, помогу.

– Спасибо, мама! Ты такая у меня добрая! – и Эми побежала к сестрам делиться своими планами.

Мег сразу со всем согласилась и предложила свою помощь, свой домик и свое столовое серебро. Что касается Джо, то планы сестры ей пришли не по нраву, и сначала она даже вообще не хотела участвовать в приготовлениях к празднику.

– С какой стати вводить себя в расходы, беспокоить родителей и все переворачивать вверх дном ради девиц, которые для тебя не пожертвуют и шестью пенсами? Где твоя гордость? – возмутилась Джо. – Ты уже готова работать перед самой ординарной девчонкой только потому, что она носит французские ботиночки и ездит в отдельном купе!

Джо отвлекли от ее нового романа в самый трагический и захватывающий момент, и у нее не было настроения переключаться на общественные мероприятия.

– Я никогда не работала! Я, как и ты, ненавижу всякую опеку! – с негодованием бросилась возражать Эми.

Две другие сестры даже перепугались, не начнется ли ссора.

– Эти девочки меня любят, и я их люблю, среди них есть и добрые, и умные, и талантливые. А всякая роскошь, богатство – это случайное приложение, не более того! Но все же мы не можем навязывать им свои вкусы и привычки. Да, я считаю, что в чем-то надо уступать и даже угоддать. Это вы привыкли толкаться локтями и задирать нос, а я не такая.

Когда Эми давала ему волю своему острому язычку, то порой входила в раж, однако не теряла при этом здравого смысла, а Джо отстаивала свою любовь к свободе и ненависть к условностям

столь запальчиво, что частенько оказывалась проигравшей в споре. В конце концов обе рассмеялись и расстались вполне дружелюбно. Джо, хотя и без особой охоты, согласилась пожертвовать одним днем, отложить сочинительство и принять участие в «нестоящей затее».

Большинство разосланных приглашений было принято, и великое празднество решили устроить в следующий понедельник. Ханна впала в уныние оттого, что нарушился заведенный распорядок, и «напророчила», что если откладывается стирка и «глажка», то и все остальное полетит кувырком. Задержка в привычном течении домашних дел в самом деле плохо повлияла на всех и вся. Но все же Эми, руководствуясь девизом «Nil desperandum»¹, была настроена, вопреки всем помехам, довести дело до конца. А неурядицы сыпались, как из рога изобилия. Ханна все подготовила неудачно: куртина вышла жесткой, язык пересоленным, а шоколад совершенно не пенился. Пирожные и мороженое обошли ся дороже, чем предполагала Эми, то же самое вышло с платой за наем военного фургона. Кроме того, набежали еще всякие непредвиденные расходы. К тому же Бет простудилась и слегла в постель; Мег задержали дома многочисленные посетители, а Джо была не в духе и тоже на каждом шагу совершила ошибки и промахи.

— Если бы не мама, я просто не справилась бы, — не раз повторяла Эми впоследствии, когда эта «большая шутка сезона» уже всеми была основательно подзабыта.

Заранее договорились о том, что, если погода будет плохая, приезд гостей переносится с понедельника на вторник, и это уже окончательно вывело из себя Джо и Ханну. Утро понедельника выдалось пасмурным, и было не ясно, что последует дальше: то ли выглянет солнышко, то ли подует ветер и зарядит дождик. Как тут юным художницам было решить, ехать им или не ехать в гости? Эми проснулась рано и стала поднимать других, торопя к завтраку, чтобы еще осталось время привести в порядок дом. Гостиная показалась Эми невероятно жалкой, но девушка,

¹ Не будем отчаиваться (лат.).

не переставая вздыхать, мужественно наводила порядок: прикрыла потертые сиденья кресел ковриками, поверх пятен на обоях повесила увитые плющом картины, а пустые углы заполнила самодельными статуями, которые сразу придали комнате артистический дух; Джо повсюду расставила красивые вазы с цветами.

Обеденный стол выглядел внушительно, и Эми, осматривая его, очень надеялась, что взятое взаймы серебро, китайский фарфор и стекло без потерь возвратятся к своим хозяевам. Об экипажах договорились, мать и Мег изъявили готовность хозяйничать, Бет поднялась с кровати и потихоньку стала помогать Ханне, а Джо старалась быть оживленной и дружелюбной, невзирая на головную боль, рассеянность и неодобрительное отношение к ожидающим гостям и самой затее. Едва нарядившись, Эми уже не чаяла, когда обед окончится и можно будет предаться «артистическому восторгу», запечатлевая «карабин» и сломанный мост.

Часа два она бегала от порога к гостиной и обратно, и также металось настроение ожидающего общества, меняя направления, словно флюгерная стрелка. В одиннадцать зарядил сильный дождь и окончательно погасил пыл юных леди, обещавших прибыть к полудню. Одним словом, ни одна из них не объявила. А в два часа хозяева уселись за праздничный стол, вдруг озарившийся солнечными лучами. Угощение пришлось отведать самим.

— Ну вот, сегодня день будет отличный, они обязательно приедут, и нам надо быть наготове, — говорила Эми утром следующего дня, наблюдая восход.

И хотя выглядела она, как обычно, оживленной, в глубине ее души родилось уже сожаление, что она предложила этот «запасной» вторник, поскольку вчерашний торт явно потерял свежесть.

— Омаров мне не удалось купить, обойдемся сегодня без салата, — объявил подошедший через полчаса мистер Марч; на лице у него было написано отчаяние.

— Можно сделать салат с курицей; кстати, в салате не будет заметно, что она жесткая, — успокаивала миссис Марч.

— Курица? Да ведь Ханна оставила ее на столе, и котята с ней расправились. Прости меня, Эми! — с виноватым видом вздохнула Бет, главная в доме покровительница кошек.

— Итак, я еду добывать омаров. Одними языками мы не обойдемся! — решительно заявила Эми.

— Ладно, я съезжу в город за омаром, — предложила Джо с таким видом, словно жертвовала всем на свете ради сестры.

— Ах, я тебя знаю! Притащишь омара под мышкой, даже не попросишь завернуть. Лучше уж я сама, — отвечала Эми, заметно падая духом.

Закутавшись в плотную накидку и прихватив с собой изящную дорожную корзиночку, она отправилась в город, надеясь, что утренняя прохлада поднимет настроение и подготовит к трудному дню. Омар, наконец, был куплен, а в дополнение к нему еще бутылочка с приправой, чтобы сэкономить время на готовку, и Эми двинулась в обратный путь, хваля себя за предусмотрительность.

Поскольку в омнибусе никого не было, кроме Эми и еще одной пассажирки — сонной старушки, Эми сняла свою накидку и, чтобы скрасить скучную поездку, занялась решением вопроса, на что были потрачены все ее деньги. Она с головой погрузилась в свою записную книжку, всю испписанную цифрами, и даже не заметила, как вошел, а точнее запрыгнул на ходу, еще один пассажир. Она подняла голову лишь тогда, когда услышала мужской голос:

— Доброе утро, мисс Марч!

Перед ней стоял друг Лори, один из самых обходительных и элегантных юношей в университете. В надежде, что он выйдет первым, Эми отодвинула от себя корзинку с омаром и порадовалась тому, что на ней новое дорожное платье. С присущими ей живостью и воодушевлением она ответила на приветствие.

Они отлично чувствовали себя в обществе друг друга, однако Эми от всей души желала, чтобы молодой человек вышел первым. Но, пока они вели непринужденную беседу, старушка пробудилась от дремы, поднялась и заторопилась к выходу. По случайности она зацепила корзинку и — о ужас! — омар во всю свою вульгарную величину предстал благородному взгляду Теодора.

— О Господи, бабушка забыла свой обед! — воскликнул ничего не подозревавший юноша, водворяя чудовище на место с помощью трости и намереваясь догнать пожилую леди.

— Пожалуйста, нет, не надо!.. Дело в том, что это — мое, — пробормотала Эми, и щеки у нее заполыхали, приближаясь к цвету вареного омара.

— Ах так... Я прошу прощения... Это необыкновенно удачный экземпляр, — говорил Теодор, сохраняя присутствие духа и выражая неподдельный интерес.

Словом, он повел себя так, как подобает натуре великодушной и благородной.

Эми перевела дух, поставила корзинку на сиденье и, смеясь, предложила:

— Не угодно ли вам будет сегодня отведать салат с этим экземпляром и заодно взглянуть на прелестных девочек, которые будут им лакомиться?

При этом она сумела и проявить большой такт, должным образом «подав» омара, и заодно зацепить мужское любопытство Теодора, упомянув прелестных девочек. Это должно было исправить нелепую, с ее точки зрения, ситуацию, однако Эми не была в этом уверена до конца.

«Наверняка они с Лори вдоволь похваочут надо мной; остается утешаться только тем, что меня при этом не будет», — мелькнуло у нее в голове, когда Теодор, отдав поклон, направился к выходу.

Дома она не упомянула об этой встрече (к досадной сцене с омаром добавилось еще большее огорчение: ее новое платье было испорчено купленной в городе приправой, капли которой еще стекали с юбки) и сразу же включилась в приготовления, которые теперь казались еще более утомительными.

Все, как и вчера, завершилось к полудню. Чувствуя, что окружающие осуждают ее действия, Эми решила во что бы то ни стало затмить вчерашнюю неудачу грандиозным успехом сегодняшнего приема. Подкатил «карабин», и она отправилась встречать ожидаемых гостей.

— Вот, слышите, шум! Они приехали. Мне надо выйти навстречу, как подобает гостеприимной хозяйке. И пусть наконец-то бедное дитя порадуется от души после стольких хлопот, — сказала миссис Марч, выходя из комнаты.

— Бет, помоги мне убрать со стола половину того, что там наставлено. А то просто нелепо сажать единственную гостью за стол, накрытый на двенадцать персон, — распорядилась Джо, настолько перевозбужденная, что ей даже не пришло в голову, какой тут можно было бы устроить замечательный розыгрыш.

Эми вошла в гостиную совершенно спокойная и уделила все внимание единственной подруге, не нарушившей данного обещания. Остальное семейство, приходя понемногу в себя от пережитых потрясений, тоже держалось хорошо, и мисс Элиот нашла, что в доме у Эми очень весело.

И в самом деле все изо всех сил старались веселиться. Гостья, кажется, даже не заметила перемен в сервировке стола. Потом, когда осмотрели мастерскую и сад и горячо поспорили об искусстве, Эми заказала фургон (элегантному шарабану сказали «прощай»), и уже на закате провезла гостью по окрестностям. Так завершилось злополучное торжество.

Впоследствии Эми говорила, что единственное, что портило картину, это кислая физиономия Джо.

— Ну вот и покатались, и все было чудесно! — воскликнула миссис Марч с таким воодушевлением, будто в гостях у Эми побывала вся запланированная дюжина ее одноклассниц.

— Мисс Элиот необычайно мила, и, по-моему, ей у нас очень понравилось, — с искренней теплотой заметила Бет.

— У вас не осталось для меня кусочка торта? А то у нас целый день посетители и совсем никогда пекь. Да и потом у меня все равно не выйдет так, как у Ханны, — попросила Мэг.

— Забирай его весь! Кроме меня, никто в доме больше не ест сладкое. До чего же удачно, что ты вспомнила про этот торт, а то его пришлось бы выбросить! — и Эми вздохнула о том, сколько еще всего осталось и наверняка пропадет.

— Хоть бы приехал Лори и помог нам справиться с угощением! — сказала Джо, когда они уже в четвертый раз принялись за салат с омаром и мороженое.

Мать бросила на нее подозрительный взгляд, и больше о Лори не было сказано ни слова.

— Салат — любимое блюдо древних, а также Эвелин, — прервал молчание мистер Марч.

Его реплика вызвала такой приступ хохота, что ученый муж обиженно потупил голову.

— Складывайте все сюда, — заявила Эми, ставя на стол корзинку. — Тетушкам, кошкам, кому хотите! Я уже не могу на это смотреть. Не хватает только, чтобы кто-нибудь умер от переедания из-за моей глупости.

— Я так чуть было не умерла, когда увидела вас в этом огромном шарабане — как будто два бедных птенчика в орлином гнезде. А мама-то боялась, что нагрянет целая толпа! — наконец-то Джо позволила себе рассмеяться.

— Мне жаль, что вы разочарованы, но ведь мы сделали все, чтобы порадовать гостей и себя, — заметила миссис Марч с материнской нежностью.

— Я всем довольна, — поддержала ее Эми. — И если что вышло не так, то не по нашей вине. А мы сделали все от нас зависящее. Всем спасибо за помощь. Только не хотелось бы, чтобы разговоры по этому поводу велись еще два месяца.

После этих слов все как будто и впрямь забыли об этом дне, и только слово «праздник» всякий раз почему-то вызывало улыбки, да еще в день своего рождения Эми получила в подарок от Лори миниатюрного кораллового омара.

Глава IV

УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Джо неожиданно улыбнулась удача, к тому же принесшая в дом некоторый достаток. Деньги были не бог весть какие, но Джо получила их таким путем, что и миллионное состояние не обрадовало бы ее больше.

Время от времени она облачалась в свою «писательскую форму» и, запершись в своей комнате, сочиняла очередной роман. Она буквально не находила себе места до той поры, пока не ставилась последняя точка. «Форма» состояла из черного передника, о который можно было спокойно вытираять перья, и шапочки из такой же ткани с красным ободком, под которую убирались волосы. Когда эта шапочка возникала перед глазами членов семьи, все старались держаться на почтительном отдалении от Джо и лишь порой робко интересовались у нее: «Ну как, пришло вдохновение?»

Но зачастую они на это не отваживались и лишь поглядывали на шапочку, пытаясь распознать настроение юной романистки. Было замечено, что шапочка, надвинутая до бровей, означала, что работа идет ровно и полным ходом; в моменты особенного возбуждения шапочка сидела набекрень, а при отсутствии вдохновения она обычно валялась на полу — от отчаяния Джо срывала ее с себя и с силой бросала об пол. И пока алая полоска вновь не появлялась на прояснившемся челе, никто не смел даже обратиться к Джо.

Она вовсе не мнила себя большим талантом, но, взявшись за перо, забывала обо всем, что не имело отношения к ее вымыслу, и пребывала в блаженном неведении о безденежье, тяготах жизни, непогоде, то есть обо всем том, что вновь становилось насущным в час ее возвращения к земным делам.

Порой она проводила ночи без сна и не притрагивалась к еде; дни и ночи казались ей обидно короткими, их не хватало, чтобы сполна вкусить счастье, доступное лишь в ту чудную пору, когда на нее нисходило вдохновение. Джо полагала, что только это и есть настоящая жизнь, даже если она и не приносит никаких реальных плодов. Обычно вдохновение длилось неделю или две, а потом она, голодная, сонная, раздражительная и подавленная, пробуждалась к реальности.

Джо только-только пришла в себя после очередной «чудной поры», и ее уговорили сопровождать мисс Крокер на лекцию, где она в награду за свое добroе дело получила новую идею.

Это была публичная лекция о египетских пирамидах. Джо весьма порадовало, что для широкой аудитории была избрана именно эта тема; ей даже представилось, что ослепительный образ фараона прогонит бесконечные мысли о нужде и социальном зле, о ценах на уголь и муку, и хотя бы на время отступят тяжкие житейские проблемы перед загадками сфинкса.

Они пришли рано, и пока мисс Крокер незаметно поправляла чулки, Джо принялась увлеченно разглядывать сидящих вблизи. Слева расположились две матроны с массивными лбами и в шляпах подстать этим лбам; они рассуждали о женском равноправии и по ходу беседы плели кружева. Чуть поодаль, взявшись за руки, сидели двое влюбленных. Мрачная особа, судя по виду, старая дева, поедала мягкие лепешки из большого бумажного пакета, а пожилой господин решил вздремнуть перед лекцией, накрыв лицо пестрым носовым платком. Соседом справа оказался молодой человек, скорее всего студент, увлеченно читавший газету.

На странице, обращенной к Джо, были иллюстрации, и ей бросилась в глаза одна из них. Джо стала гадать, какие события могли породить столь мелодраматическую сцену. Индус в военном мундире совершил акробатический прыжок над пропастью вместе с волком, готовым вцепиться ему в горло; поодаль двое молодых людей с неестественно маленькими ножками и огромными глазами закалывали друг друга кинжалами; а на заднем плане была изображена в ужасе убегающая женщина. Перелистывая страницу, молодой человек поймал заинтересованный взгляд Джо и с какой-то мальчишеской непосредственностью протянул ей газету:

— Вот, почитайте! Первоклассная история.

Джо, которой всегда нравилось общаться с молодыми людьми, с дружелюбной улыбкой взяла газетные листы. И принялась читать историю из разряда тех, где бушуют феерические страсти и, когда автору не хватает воображения, какая-нибудь великая катастрофа сметает со сцены половину действующих лиц, предоставляя другой половине ликоваться по поводу своего спасения от гибели. На время Джо погрузилась в лабиринт любви, тайн и убийств — непременных атрибутов легкой литературы.

— Отлично, не правда ли? — спросил юноша, заметив, что она уже дочитывает последние строки.

— Мне кажется, мы с вами могли бы сочинить ничуть не хуже, если постарались бы, — отвечала Джо, посмеиваясь над тем, что ему нравится такая ерунда.

— Было бы здорово, умей я так писать. Она, говорят, этим весьма недурно зарабатывает, — он ткнул пальцем в имя автора на обложке — Сленг Нотбери.

— Вы ее знаете? — поинтересовалась Джо.

— Нет, но я читал почти все, что она написала. А потом я знаю одного парня — он работает в редакции вот этой самой газеты!

— Говорите, она разбогатела за счет того, что пишет? — Джо уже с некоторым уважением посмотрела на страницу, где почти каждое предложение завершалось восклицательным знаком. — Ну что ж. Судя по всему, она знает, что нравится публике и за что люди готовы платить.

Лекцию Джо почти не слушала, зато, пока профессор Сэндз вешал о Хеопсе, иероглифах и скарабеях, она переписала адрес газеты и еще раз перечитала объявление, помещенное в одной из колонок, гласившее, что за самую удачную приключенческую историю будет вручена премия в размере ста долларов...

Дома она ничего не сказала о своих планах, но на другой же день взялась за работу, вызвав беспокойство матери, вздохнувшей про себя: «Снова на нее сизошло!»

А потом последовали шесть недель ожидания и необходимость все это время хранить тайну — нелегкое дело для моло-денькой девушки. Но Джо сумела выдержать характер. Она уже думала, что никогда не увидит ответа из редакции, как вдруг ей принесли конверт, из которого ей на колени выпал стодолларовый чек. С минуту она глядела на него, как на ядовитую змею, а потом прочла письмо и закричала от радости. Если бы любезный джентльмен, который писал эти добрые строки, мог знать, какую радость он доставил начинающему автору, он весь свой досуг (если таковой у него был) посвятил бы разбору ее сочинения. Письмо обрадовало Джо даже больше, нежели деньги, посколь-ку поощряло ее работать дальше. После долгого ожидания

было так приятно узнать, что твои старания не напрасны, пусть речь и шла всего лишь о приключенческой повести.

Не многим доводилось наблюдать столь бурное ликование, какое явила Джо, представ перед взорами домашних с чеком и письмом, подтверждающим гонорар. Разумеется, это стало поводом для домашнего торжества, все читали и расхваливали повесть, даже отец признал, что в этой вещице есть и стиль, и дух романтики, и повергающий в ужас трагизм, но вслед за этим он сокрушенно покачал головой:

— Ты можешь гораздо больше, Джо. Ставь перед собой высшие цели и не гонись за долларом.

— Но разве деньги теперь для нас не самое главное? — пристодушно спросила Эми, рассматривая на свет магический чек. — Интересно, на что ты их потратишь?

— На месяц-другой отправлю маму и Бет на океанское побережье, — без колебания отвечала Джо.

— Замечательно! — воскликнула Бет, но тут же опомнилась. — Фу, какая я эгоистка. Нет, Джо, свой первый гонорар ты должна потратить на себя.

Потом, положив ладонь на заветный чек, она предложила компромиссное решение:

— Хорошо, мы с мамой поедем, но ты поедешь с нами.

— Нет, маме надо отдохнуть, а тебе поправиться. Зная, что помогла вам, я с большей радостью буду работать дальше. Если ты вернешься с моря здоровая и румяная, я сама себе буду аплодировать: «Браво, доктор Джо!»

После долгих прений путешествие на курорт состоялось, и хотя Бет возвратилась не такая здоровая и румяная, как хотелось бы Джо, все же девочке стало явно лучше. А миссис Марч заявила, что она помолодела на десять лет. Словом, Джо была очень довольна тем, как потратила свой первый гонорар, и, окрыленная успехом, заработала за этот год еще несколько небольших гонораров. Теперь она чувствовала себя в доме второй хозяйкой. Благодаря «Дочери герцога» были оплачены все счета у бакалейщика; «Призрачная рука» украсила дом новыми

коврами; «Проклятие рода Ковентри» существенно пополнило и разнообразило съестные припасы и обновило гардероб Марчей.

Конечно, быть богатым – заветная мечта многих, но все-таки жизнь в бедности имеет свои преимущества, и одно из них – счастье добывать деньги своими руками или своим умом. Среди земных блаженств это, быть может, самое большое счастье или, по крайней мере, одно из самых больших. Джо ощущала подлинное удовлетворение от мысли, что больше не надо завидовать дочерям богатых семейств, что теперь можно позволить себе все самое необходимое, ни у кого не одолживаясь.

До славы было еще далеко, но газеты покупали и печатали ее писания, и воодушевленная этим Джо решила прокладывать себе дорогу к известности и дальнейшему успеху. Сделав с нового, самого большого рассказа четыре копии, она дала его читать близким друзьям. А затем, страшась и трепеща, обратилась к трем книжным издателям, о чем впоследствии сожалела, поскольку они безжалостно сократили текст на треть, выбросив при этом ее самые любимые сцены.

– С одной стороны, я готова и дальше мучаться на кухне и печататься за свой счет... Хотя, с другой стороны, жертвовать благополучием близких... Короче, это надо обсудить, – говорила она, назначая время для семейного совета.

– Не надо портить свою книгу, девочка. В ней есть достоинства, о которых ты сама не подозреваешь. Идея проработана очень неплохо... Пусть она пока дозревает в твоей головке, – посоветовал отец; сам он уже тридцать лет работал над изданием своих проповедей и все еще оставался недоволен.

– А мне кажется, что ей следует печататься, – возразила миссис Марч. – Появится критика, и Джо станет яснее, где ее сильные и слабые стороны, и каждая новая вещь будет получаться лучше предыдущей. В конце концов, дело вовсе не в деньгах, а в том, что она должна войти в литературный мир.

– Да, – согласилась Джо, с вниманием выслушав мать, – в самом деле, я так увлекаюсь каждой новой вещью, что уже не понимаю, что хорошо, что плохо, что так себе. Будет здорово, если

опытные, беспристрастные критики, прочитав меня, выскажут свое мнение.

— Вряд ли тебе это так уж нужно, — заметила Мег, искренне убежденная, что ее сестра творит шедевры. — Но только помни, что в книге самое интересное не характеры, а поступки. И потом, давай иногда разъяснения по ходу сюжета, а то сама запутаешься и запутаешь других.

— А мистер Оллен считает, что я, наоборот, слишком вдаюсь в разъяснения. Он находит, что когда персонажи сами рассказывают свои истории, получается гораздо драматичнее, — возразила Джо, припомнив рецензию одного из трех издателей.

— Вот и делай, как тебе говорят. Он опытный человек и знает, что пользуется спросом. Мы-то этого не знаем. За интересную, захватывающую книгу и заплатят как следует. А уж потом, когда ты сделаешь себе имя, сможешь позволить себе умную философию и мыслящих героев, — заявила Эми, демонстрируя практический взгляд на обсуждаемую тему.

— Ну, до философии и мыслей, — смущенно отозвалась Джо, — мне еще очень далеко. Разве что иногда я приписываю своим героям какие-то папиные мысли или черты, чтобы получилось возвыщенно и романтично... А ты что скажешь, Бет?

— Мне просто хотелось бы, чтобы это напечатали побыстрее, — с улыбкой отвечала Бет, но она невольно выдала себя, сделав акцент на последнем слове.

Задумчивость во взгляде всегда по-детски прямодушной девушки отзывалась болью в сердце Джо, и, охваченная тяжелым предчувствием, она решила как можно скорее осуществить свою затею. Разложив свое произведение на столе, она принялась кромсать его с решимостью спартанца и безжалостностью людоеда. Желая всем угодить, она, подобно старику из басни, вроде бы приняла все советы, но до конца не последовала ни одному.

Отцу пришлось по душе присутствие метафизики — Джо сохранила метафизику, хотя и не вполне понимала, для чего это нужно. Мать усмотрела ненужные длинноты — Джо стала

убирать их и заодно исключила необходимые звенья. Мег восхищалась трагизмом — Джо, вняв ее хвалам, нагромоздила всяческих ужасов. Поскольку Эми особенно оценила юмор — Джо в угоду ей решила написать несколько веселых сцен, чтобы оттенить мрачный колорит всего произведения. Наконец, завершая дело, она безжалостно урезала объем рассказа на треть и, благословив, выпустила свою маленькую историю в большой мир — пусть попытает судьбу.

Новую вещь опубликовали, Джо получила за нее триста долларов и в придачу множество похвал и порицаний — того и другого выше всяческих ожиданий. Результат поверг ее в крайнее замешательство.

— Ты говорила, мама, что критика пойдет мне на пользу, но ты посмотри, ведь они противоречат друг другу! — воскликнула бедняжка Джо, просматривая критические отклики, которые то наполняли ее чувством радости и гордости, то повергали в недоумение и гнев.

— Вот этот критик, — продолжала юная писательница, — утверждает, что книга впечатляет правдивостью, серьезностью и красотой. А другой с негодованием отрицает мою нездоровую фантазию, спиритуалистические идеи и неестественные характеры. Но если я не верю в спиритуализм, а все образы взяты с натуры — как он может быть прав? Или вот пишут, будто бы за последние годы в Америке вообще ничего лучше моей вещи не появлялось. Ну, положим, появлялось, и немало... А тут написано, что книга свидетельствует о мастерстве и силе автора, но тем хуже, потому что это опасная литература. Все вздор! Одни хвалят, другие ругают, но и те и другие утверждают, что я отстаиваю какие-то идеи. А я писала просто ради удовольствия и чтобы заработать деньги. Лучше бы я ничего не сокращала или вообще не печатала — ненавижу, когда обо мне судят превратно!

Домашние и друзья как могли ее успокаивали. Но на легко возбудимую и чувствительную девушку противоречивые отклики подействовали тяжело. Впрочем, попадались и действительно ценные замечания, давшие молодому автору больше, чем любая школа. Вскоре Джо уже смеялась над своими промахами

и ощущала себя сильнее и спокойнее под градом сыплющихся на нее ударов.

— Ну и пусть я не гений, пусть я не Китс! Разве дело в этом? То, что я пишу с натуры, многим почему-то представляется невозможным и несуразным, а все, что я выдумываю, кажется естественным, трогательным и правдивым. Что ж, это меня утешает и заставляет писать, писать и писать.

Глава V

ОБРЕТЕНИЕ ОПЫТА

Как многие молодые жены, Мег стремилась во что бы то ни стало стать образцовой хозяйкой и создать для Джона домашний рай. Любимый всегда будет видеть на ее лице улыбку. Он будет кататься как сыр в масле, и у него не оторвется ни одна пуговица.

Она вкладывала в домашние дела столько любви, доброты и энергии, что просто не могла не преуспеть — несмотря на множество помех. Правда, тихого райского уголка не получалось. Юная хозяйка была чересчур хлопотливой и беспокойной; она, подобно библейской Марфе, «пеклась о многом». Порой она так уставала, что на улыбку не хватало сил. От бесчисленных лакомств, которыми она его перекармливалась, у Джона испортился желудок, и он вместо благодарности требовал дать ему какой-нибудь самой простой еды. Что касается пуговиц, то они отрывались и терялись без конца, и Мег, сетуя на мужскую неаккуратность, однажды заявила, что отныне Джон сам будет их пришивать. Он не стал спорить, и Мег обнаружила, что муж рвет нитку и завязывает узелки гораздо ловчее, чем она.

Они были по-настоящему счастливы, даже после того как убедились, что одною любовью жить нельзя. Мег не казалась Джону менее красивой, хотя далеко не всегда представляла перед ним нарядной и аккуратно причесанной. Романтика их отношений

не исчезла от того, что Джон иной раз сопровождал нежный утренний поцелуй деловым примечанием: «Ну, что прислать тебе на ужин: баранину или телятину?» Их домик перестал быть поэтической беседкой, но зато стал настоящим домом, и они оба понимали, что эта перемена к лучшему. Вначале они относились к домашним заботам как к детской игре, хозяйствование забавляло их. Но потом Джон стал входить в дела серьезнее, понимая, что на его плечах обязанности главы семейства. А Мег, надев поверх батистового халатика большой передник, принималась за домашние дела, проявляя однако, как уже было сказано раньше, больше чувств, нежели благоразумия.

Одержанная кулинарными изысками, она штудировала книгу рецептов миссис Корнелиус так усердно, будто это был математический задачник, и каждую задачу по приготовлению нового блюда решала с невероятным упорством. Иногда, чтобы не пропало обильное угощенье, Мег приглашала на ужин родителей и сестер. Но это еще полбеды, куда чаще служанка Лотти уносила домой узелок с неудавшимися блюдами – побаловать котят.

Вечера, проводимые с Джоном над расходной книгой, на некоторое время перерывали кулинарные упражнения, а на их место приходила ревностная экономия. В такие периоды бедный муж вкушал хлебный пудинг, остатки вчерашнего рагу и подогретый кофе, от которых у него болел желудок. Впрочем, переносил он все это с достойным всяческих похвал терпением.

Прежде чем Мег удалось найти золотую середину, случилось то, что непременно случается во всех молодых семей – любящие супруги впервые серьезно поссорились.

В садике у них как раз поспела смородина. И Мег, по-хозяйски желая наполнить кладовую полезными заготовками, решила заняться приготовлением черносмородинного желе. Для этого понадобилось освободить все имеющиеся кастрюльки, а мужу было велено купить побольше сахара. Джон, гордый сноровкой жены, которая «все умеет», и предвкушая, как в зимние дни они будут наслаждаться дарами своего садика, приобрел полбочки сахара. В доме нашлись дюжина кастрюль

и с полсотни разных банок и баночек, а рвать смородину поручили соседскому мальчику.

С убранными под шапочку волосами, с закатанными до локтей рукавами и в клетчатом фартучке, при всем его сходстве с детским нагрудником, Мег выглядела по-своему кокетливо. И вот юная хозяйка, нимало не сомневаясь в успехе, приступила к делу. Ведь она сто раз видела, как готовит смородинное желе Ханна.

Количество разнокалиберной посуды сперва несколько устрашило Мег, но ведь Джон так любит желе. И потом, эти маленькие баночки будут так замечательно смотреться на верхней полке в кладовой! Мег решила наполнить до краев их все. И целый день был посвящен собиранию, промыванию, разминанию, добавлению сахара и растворению желатина. Она очень старалась, она советовалась с миссис Корнелиус, она напрягала память, припоминая, все ли сделано из того, что делала Ханна. Она вновь и вновь кипятила, сыпала желатин и сахар, мешала, процеживала, вливалась, добавляла, без конца сверяясь с наказами миссис Корнелиус, но злополучная масса никак не желала принимать вид желе.

Мег уже намеревалась сдернуть противный фартук и бежать звать на помощь Марми. Но когда-то они с Джоном приняли решение, что не стоит никого посвящать в их личные заботы, неудачи, переживания и семейные скандалы. Тогда, помнится, на последнем слове они расхохотались, поскольку сама мысль о семейном скандале представлялась обоим абсолютно нелепой. До сих пор они твердо придерживались принятого решения и всякий раз, когда можно было обойтись без посторонней помощи, обходились без нее. И Мег вновь решила никого не вмешивать в свои дела, хотя, конечно, миссис Марч непременно помогла бы ей. В пять часов вечера Мег сидела в развороченной кухне, оттирала красные от ягоды руки и горько рыдала.

Надо сказать, что на первых порах новой жизни Мег то и дело повторяла: «Мой муж всегда может пригласить в гости своих друзей. Я в любое время готова принять их, не будет ни суматохи, ни укоров, ни беспорядка – опрятный дом, приветливая

хозяйка и вкусный обед! Итак, Джон, зови в гости кого угодно, радушный прием обеспечен».

Как это было восхитительно! Джон был просто сам не свой от гордости — вот это жена! Но, хотя время от времени они и принимали гостей, такого неожиданного визита, который дал бы Мег возможность себя показать, до сих пор не случалось.

Так бывает порой в этой юдоли слез: все, к чему мы имеем призвание, совершается другими, нам же остается лишь утешать себя мыслью, что у нас бы это вышло гораздо лучше.

И все бы ничего, но в тот день Джон совершил непростительный поступок. Позабыв о том, что Мег целиком и полностью занята смородинным желе, он привел вечером друга! Закупив еще с утра все необходимое для ужина, чтобы на его приготовление у Мег ушло всего несколько минут, и предчувствуя уже, какое впечатление на приятеля произведет его очаровательная жена, когда выбежит им навстречу, — он вел приятеля в свой дом с горделивым видом молодого хозяина и мужа.

О, как же он был разочарован, когда они подошли к «голубятне»! Обычно гостеприимно распахнутые двери сейчас были не просто прикрыты, но и заперты, ступеньки при входе со вчерашнего дня не мыты, окна гостиной были закрыты и занавешены, и в саду под кустами смородины похрапывал соседский мальчишка.

Прелестная жена в белоснежном платье и с поблескивающим изящным ободком в волосах, или занятая шитьем на веранде, или выбегающая навстречу мужу, пленяя гостя сверкающим взором, — где все это?

— Боюсь, что-то случилось... Скотт, подожди меня в саду, я взгляну, что с миссис Брук, — не на шутку встревожился Джон.

Запах жженого сахара донесся из кухни, и мистер Скотт поспешил вслед за хозяином, тоже взволнованный и напуганный. И хотя он благоразумно держался в отдалении, ни одна деталь не укрылась от ушей и глаз внимательного бакалавра.

На кухне царил первозданный хаос, часть желе выкипала в кастрюлях, остальное было разлито — по банкам и по полу.

Лотти с тевтонским хладнокровием жевала хлеб, запивая его смородинным соком (желе по-прежнему не желало застывать). А миссис Брук, закрыв лицо так и не снятым передником, горестно рыдала.

— Девочка моя, что случилось? — Джон ринулся к ней, увидев, как ему показалось, обожженные руки.

— Ах, Джон, я угорела, я измучилась, мне плохо! Я не знаю, что делать! Пожалуйста, спаси меня — или я умру! — и она упала к нему на грудь.

Это была в полном смысле сладкая встреча, поскольку передник Мег был вымазан смородиной не меньше кухонного пола.

— Что случилось, умоляю, объясни! — спрашивал взволнованный муж, целуя верхушку ее сдвинутой набекрень шапочки.

— Случилось! — не переставала рыдать Мег.

— Скорее говори — иначе я просто не вынесу.

— Же-ле не за-ле-жа-ти... не зажела-тини-ровалось!

Тут Джон Брук расхохотался так, как не смеялся никогда в жизни.

Услышав раскатистый, заразительный смех Джона, Скотт тоже невольно расплылся в улыбке.

— Так все дело в желе? Вылей его за окно и забудь! — попытался успокоить жену Джон. — Я куплю тебе целый бочонок этого желе, если хочешь. И, прошу, перестань плакать: я привел с собой Скотта, и мы сейчас сядем ужинать.

— Что? — с негодованием, гневом и ужасом воскликнула Мег, изо всей силы отталкивая его и плюхаясь на стул. — Ты привел человека, когда в доме беспорядок и грязь? Что ты наделал? Как ты мог позволить себе такое?

— Тихо! Он в саду... Я понимаю, жалко желе, но тут уж ничем не поможешь, — перебил ее Джон, полный недобрых предчувствий.

— Почему ты не предупредил меня с утра? Или хотя бы днем мог прислать человека с весточкой. Ты ведь знал, какой у меня сегодня день! — всплеснув руками, еще громче продолжала Мег раздраженным тоном.

Даже голуби клюются, когда нарушают их покой!

— Утром у меня и в мыслях не было его приглашать. Мы вместе шли домой, и вдруг мне пришло в голову его позвать. Ты столько раз говорила, что рада принять любого из моих друзей. Впервые в жизни я это сделал, и что же... Теперь, хоть повесьте меня, никогда так не поступлю! — в голосе Джона прозвучала неприкрыта обида.

— Вот и не приводи больше никого! Никогда! И этого уведи сейчас же. Я не хочу его видеть. Обойдется без ужина!

— Очень мило! А где мясо и овощи, которые я прислал? Где обещанный пудинг? — сорвался на крик Джон и кинулся в кладовую.

— У меня не было времени готовить. Я думала, мы поужинаем у мамы... Прости, но ты, видимо, не понимаешь, как я была занята сегодня, — и слезы опять покатились по щекам Мег.

У Джона был мягкий характер, но он все же был человек. После долгого дня на службе прийти домой усталым, голодным и застать развороченный дом, пустой стол и раздраженную жену — такое никому не понравится. Однако он вел себя довольно сдержанно, и, возможно, в семье воцарился бы мир, если бы не одна бес tactность с его стороны.

— Тебе тяжело, я знаю, но, пожалуйста, будь сильной! Увидишь, мы замечательно проведем вечер. Успокойся, прибери немного и что-нибудь нам приготовь, а то мы оба голодны, как волки. Впрочем, готовить и не надо. Поставь холодец, сыр и хлеб. Мы даже готовы отказаться от желе.

Он сразу понял, что пошутил неудачно, но слово уже вылетело. Мег сочла это жестоким издевательством над ее неудачей и окончательно рассердилась.

— Выкручивайся сам! Это только мужчины могут подавать на ужин черствый хлеб с костями! Это не в моих правилах! Вот что, — ступайте вместе со Скоттом к моей маме и ужинайте у нее, она вам будет рада. А заодно скажите, что я не могу прийти, потому что заболела или умерла — ты найдешь, что сказать. Можете издеваться, сколько хотите, над моим желе — но только без меня.

И, сдернув передник, она удалилась к себе в комнату, чтобы продолжать рыдать.

Что делали гость и хозяин в ее отсутствие, Мег так и не узнала, во всяком случае, они не пошли к миссис Марч, а остались в «голубятне». Позже, когда они ушли, Мег сошла вниз и была в ужасе от того, что там увидела. Стол с остатками приготовленного на скорую руку ужина выглядел ужасно. Лотти доложила, что друзья много ели и много смеялись, а потом хозяин попросил ее вылить куда-нибудь смородиновую жижу и убрать кастрюли.

Мег очень захотелось пойти к Марми и все ей рассказать, но она постыдилась и признаваться в своих прегрешениях, и обвинять Джона. «Пусть он был жесток, — подумала она, — но об этом не надо никому знать».

Наведя полный порядок, она надела свое лучшее платье и села в ожидании скорого возвращения Джона и столь же скорого примирения.

Джон, однако, не спешил возвращаться. Он не только сумел все случившееся обратить в шутку, но даже постарался оправдать свою «маленькую женушку» и так хорошо разыграл роль хозяина, что его друг, получив удовольствие от импровизированного застолья, пообещал приходить почаше. Но все-таки Джон был рассержен, хотя и не показывал виду. Мег поступила дурно, она бросила его в трудную минуту. Это просто некрасиво! Говорить мужу, что он в любое время может привести друзей, а когда эти друзья наконец приходят, идти на попятный иставить его в дурацкое положение! Так поступать не годится, и она должна это понять.

Во время ужина он весь кипел от досады, но, когда вышел из дома проводить Скотта, неожиданно смягчился: «Бедная девочка! Она ведь старалась ради меня, и если у нее ничего не вышло, то только потому, что нет опыта. Мне надо быть терпеливее и во всем ей помогать».

Он очень надеялся, что она не ушла к матери. Не хватало еще вмешательств и пересудов! Его снова охватил гнев. Но потом он подумал, что Мег, может быть, нездоровится. Он убыстрял шаг, решив явить себя «спокойным, терпеливым, но в то же время

твёрдым». Надо объяснить ей, в чём она погрешила против обязанностей супруги.

Мег, со своей стороны, тоже решила быть «спокойной и кроткой, но тем не менее твёрдой», и объяснить ему, в чём состоят обязанности мужа. Ей чрезвычайно хотелось выбежать ему навстречу и попросить прощения, чтобы он расцеловал ее и успокоил. Но, конечно, она этого не сделала и осталась сидеть в кресле.

Джон был слегка разочарован тем, что Мег не выходит из роли горестной Ниобы¹. В какой-то момент он подумал, что надо бы проявить мужское достоинство и первому извиниться. Но он лишь проговорил, усаживаясь на диван:

— Сегодня новолуние, милая.

— Ничего не имею против, — прозвучало в ответ.

Затронуты были и другие столь же насущные темы, но вскоре запас их исчерпался. Джон пристроился возле окна, развернул газету и, как говорится, ушел в нее с головой. Мег заняла место у другого окна и с таким усердием пришивала розочки к своим домашним туфлям, как будто от этого зависела вся ее дальнейшая жизнь. Оба сохраняли спокойствие и при этом чувствовали себя очень неловко.

«Супружеская жизнь требует бесконечной любви и безграничного терпения», — вспомнились Мег слова матери. Потом припомнились и другие слова, которые были выслушаны когда-то «скрепя сердце»: «Джон хороший человек, но ты должна помнить, что у него есть недостатки, и мириться с ними, потому что ведь и ты не ангел. Он решителен и порывист, но если ты не будешь ему возражать, то и он не проявит упрямства. Он любит правду и требует и от других честности во всем. Не дай Бог тебе обмануть его словом или взглядом. Не будешь лукавить — и он станет доверять тебе и всегда поддержит в тяжелую минуту. Он человек с твёрдым характером — не как мы. Мы легко вспыхиваем и быстро остываем. А он лишь изредка впадает в гнев, но его гнев ох как нелегко погасить! Постарайся не сердить его.

¹ Ниоба (Ниобея) — героиня греческой мифологии, окаменевшая от горя, когда погибли ее дети.

Ты должна любой ценой сохранять мир и счастье в вашем доме. Если вы оба в одинаковой степени не правы, попроси прощения первая. Остерегайся мелких ссор, размолвок и неосторожного слова. Бывает, долго приходится сожалеть о том, что было сказано невзначай».

Теперь, сидя перед окном и глядя на закат, Мег обдумывала эти материнские слова. У них с Джоном впервые произошла серьезная размолвка. Она вспоминала свои поспешно сказанные слова, и они казались ей глупыми и жестокими. Ей представилось, как он пришел усталый домой и застал этот ужасный кавардак. Она бросила на мужа нежный, полный слез взгляд — он не смотрел на нее. Тогда она встала и подошла к нему совсем близко — он даже не поднял головы. «Что ж, я прибегну к последнему средству!» — подумала Мег. И, склонившись над ним, она поцеловала его в лоб. О, десятки слов не сделали бы того, что сотворил этот покаянный поцелуй. Через минуту Джон держал ее на коленях и в свою очередь каялся и просил прощения:

— Я тоже виноват. С какой стати я посмеялся над ни в чем не повинными кастрюльками? Прости меня, дорогая. Это не повторится никогда.

О, это было самое замечательное на свете желе — оно подарило им вечер чудесного согласия и покоя.

Вскоре они пригласили мистера Скотта на семейный обед. Впервые Мег все сделала сама, без помощи прислуги. Она была так весела и обворожительна, что мистер Скотт называл Джона «счастливчиком» и всю дорогу сетовал на то, что должность и обязанности бакалавра не позволяют ему пока обзавестись семьей.

Осенью на Мег свалилось новое испытание. Салли Моффат возобновила с ней знакомство и стала часто заходить в «голубятню» выпить чашку чая. Иногда она тоже приглашала Мег в особняк Моффатов. Вначале Мег отказывалась, а потом зачастила к ней в гости. Джон засиживался на работе допоздна, и ей ничего другого не оставалось, как только заниматься рукоделием, читать или слоняться по дому.

Глядя на красивые вещи Салли, Мег порой немного жалела себя. Добрая Салли часто предлагала ей ту или иную вещь в подарок, но Мег наотрез отказывалась, понимая, что это вряд ли понравится Джону. Но однажды эта глупышка вдруг сделала то, что было гораздо хуже, чем принять дар от богатой подруги.

Она знала, какое жалованье получает муж, и ей было приятно сознавать, что он доверяет ей самое серьезное, по мнению многих, в семейных отношениях – финансы. Мег всегда могла взять деньги на личные расходы. От нее лишь требовалось, чтобы она записывала траты, платила каждый месяц по счетам и не забывала, что они не очень богаты. В первые месяцы замужества Мег была осмотрительна и бережлива, аккуратно вела расходную книгу и в конце месяца непременно показывала ее мужу.

Но однажды змей-искуситель соблазнил ее, как многих современных Ев, не яблоком, а женскими нарядами. Чтобы избежать сочувственных взглядов Салли из-за того, что Мег приходилось экономить каждый цент, она время от времени покупала какую-нибудь красивую вещицу. Потом она испытывала угрызения совести – ведь без этих безделушек вполне можно было обойтись. Но – успокаивала Мег себя – они стоили так мало, что вроде бы и не было оснований беспокоиться.

Однако таких покупок становилось все больше, потому что во время поездок по магазинам в обществе Салли выдержать роль пассивной зрительницы Мег никак не удавалось, а однажды она не устояла и сорвалась уже по-крупному.

Когда Салли в очередном магазине во время рождественской распродажи выбирала себе шелка, Мег глядела на всевозможные ткани и думала, что у нее нет даже приличного платья на выход. Единственное черное шелковое платье было очень простое и уже неновое, а в батистовых и кисейных можно появляться молоденьким девушкам, но никак не замужней даме. И тут ей на глаза попался прелестный светлый шелк. Обычно тетушка Марч на Новый год давала сестрам в подарок по двадцать пять долларов. Ждать оставалось всего месяц. Однако отрез шелка стоил не двадцать пять долларов, а вдвое больше.

Джон всегда говорил, что его деньги – это и ее деньги. Но не слишком ли велики становятся ее траты?

Салли принялась изо всех сил уговаривать подругу купить понравившийся шелк и предлагала одолжить деньги. Искушение было так велико, что Мег не устояла. К тому же продавец так маняще встремивал тканью и повторял: «Это же почти даром»... «Да, я беру его», – ответила Мег.

Вначале она радовалась покупке, но потом на душе у нее стало тяжело.

Приехав домой, она решила еще раз полюбоваться шелком, но он отчего-то перестал казаться столь уж неотразимым и вообще возникли сомнения, был ли он ей к лицу. Что уж говорить о цене, которая, казалось, большими цифрами вырисовывалась на полотнище. Мег убрала шелк в шкаф, но, стоило только открыть его дверцы, ткань сразу же напоминала о безрассудном поступке.

Когда вечером Джон достал расходные книги, сердце ее замерло. Впервые за месяцы супружеской жизни она боялась мужа. Его добрые карие глаза показались ей суровыми, а необычайная веселость внушала мысль, что он уже давно разоблачил ее и лишь до поры до времени не хочет этого показывать.

Увидев, что все счета оплачены и расходные книги в порядке, Джон похвалил ее. Но когда он захотел раскрыть старый бумажник, прозванный ими в шутку семейным «банком», Мег, зная, что там ничего нет, задержала его руку.

– Ты еще не посмотрел книгу моих личных расходов.

Джон никогда не просил ее показывать эту книгу, но она всегда настойчиво требовала, чтобы он заглянул туда. Ей нравилось наблюдать его изумление по поводу того, какие странные вещи порой привлекают женщин. Оказывается, без канта нельзя обшить блузку, а вот этот кусочек бархата с двумя ленточками – не что иное, как шляпка, и стоит пять долларов. Он и сам находил удовольствие в рассматривании всех этих женских причуд, с интересом выслушивал их названия и цены и изображал ужас от ее расточительности. Но на самом деле он очень гордился своей бережливой Мег.

Она принесла маленькую книжечку, положила ее на стол и, встав за спинкой стула, чтобы не встречаться с ним глазами, проговорила:

— Мне очень стыдно тебе это показывать. Я была безобразно расточительна в последнее время. Я уступила совету Салли и купила то, что мне не следовало покупать. На Новый год я получу в подарок некоторые деньги, и они позволят отчасти окупить расходы — но только отчасти. Знаешь, когда я сделала это, мне было страшно стыдно. Ты вправе думать обо мне плохо.

Джон засмеялся и повернулся к ней.

— Ладно, иди сюда. Наверно, речь идет о ботиночках. Если они в самом деле украшают твои ножки, я от души прощаю тебе потерю восьми долларов.

А Мег с ужасом ожидала, когда он увидит цифру «пятьдесят». Однако он смотрел на нее.

— Это не ботиночки, это гораздо хуже, — сказала она со спокойствием обреченной, — это новое шелковое платье.

— Хорошо. Как говорит мистер Манталини, выкладывай итог, — его голос звучал уже совсем иначе.

Джон поглядел на нее прямо и честно, раньше она вправе была ответить ему таким же простым и открытым взглядом, но сейчас.... Она перевернула страницу, и он увидел этот проклятый итог. Он был воистину огромен. После некоторой паузы Джон проговорил спокойно, хотя Мег чувствовала, каких усилий ему стоило сдержаться:

— Ну, если учесть все эти оборочки, пуговицы, банты, может быть, это и не так много — пятьдесят долларов за платье.

— Оно еще не отделано... И вообще его еще нет... — пробормотала Мег, которую напоминание о предстоящих расходах привело в полное отчаяние.

— Двадцать пять ярдов шелка! Этого хватит на двух, а то и трех Мег! Ну, зато теперь моя жена затмит супругу Неда Моффата. — Джон проговорил эти слова саркастически и очень сухо.

— Я понимаю, что рассердила тебя. Но у меня не было злого умысла — я просто потеряла голову. Салли покупает все, что ей

хочется, и я вижу, как она меня жалеет. Я все время стараюсь быть скромной – поверь. Но бедность – она так тяготит...

Последнюю фразу она произнесла очень тихо, в надежде что Джон ее не услышит. Но он услышал и был глубоко уязвлен. Ведь сам он ради Мег отказывался от стольких удовольствий. Она готова была откусить свой скверный язык. Джон встал, отбросил от себя книжку и проговорил с дрожью в голосе:

– Вот. Этого-то я и боялся. Мег, я делаю все, что могу.

Лучше бы он накричал на нее или даже ударил – только не эти жесткие, скучные слова. Она бросилась к нему со слезами раскаяния:

– Джон, мой великодушный, добрый, трудолюбивый! Как я посмела сказать тебе такое! Я низкая, порочная, неблагодарная женщина! О, как я могла это сказать!

Джон действительно был великодушен и добр. Он охотно простил ее и ни разу больше не попрекнул. Но Мег понимала, что сказанное ею забудется не скоро. Разве она не обещала любить его таким, какой он есть? И вот, став женой, она попрекнула его бедностью – и это после того, как сама промотала заработанные им деньги! А он перенес все очень спокойно, только стал задерживаться на работе дольше обычного и приносить еще работу на дом, и делал ее по ночам, когда Мег уже видела десятый сон.

Угрозения совести не давали ей покоя. А тут еще оказалось, что Джон не может выкупить у портного свое новое пальто, шитое специально для того, чтобы ходить на работу. В ответ на ее расспросы он ответил спокойно:

– Сейчас я не могу позволить себе эту трату.

Мег ничего не ответила, но несколько мгновений спустя он застал ее в передней. Уткнувшись в его старое потертое пальто, она рыдала так отчаянно, что, казалось, у нее вот-вот разорвется сердце.

В тот вечер у них состоялся добрый, доверительный разговор. Постепенно Мег все глубже осознавала, что отчасти именно бедность сделала Джона достойным ее любви. Потому что

бедность дала ему силу и мужество прокладывать свой путь в жизни; бедность вселила в его душу терпение и кротость, благодаря которым он мог и мириться с несбыточностью своих ожиданий, и сносить недостатки и слабости тех, кого любил.

На следующий день Мег превозмогла свою гордость. Придя к Салли, она попросила выручить ее – купить у нее шелк. Миссис Моффат, к ее чести, все поняла правильно. Она не стала предлагать шелк в подарок. Как только деньги вернулись, Мег оплатила счет портного и распорядилась, чтобы пальто доставили на дом. Вернувшись домой, муж увидел ее в своем новом пальто. «Ну как, тебе нравится мое новое платье?» – спросила она смеясь.

Вы, наверно, сами догадываетесь, что он сказал ей в ответ и сколь замечательными были последствия ее поступка. С этих самых пор он стал приходить домой рано. Утром Джон с радостной улыбкой надевал новое пальто, а вечером Мег, такая же радостная, помогала мужу его снять. Она больше не бегала в гости, а посвящала все дни домашним делам, а вечера – мужу.

Прошел год, и лето принесло Мег новые переживания – самые важные и глубокие в жизни женщины.

Однажды утром, заглянув в «голубятню», Лори услышал нечто похожее на звуки литавр. Это Ханна на кухне пыталась хлопать в ладоши, держа в руках сковородку и крышку.

– Как дела у молодой мамы? Почему мне сразу не сообщили? – взволнованно спросил он.

– Здорова и счастлива. Все собрались там, наверху, никак не могут нарадоваться. А не сообщили, чтобы ты тут не устроил какой-нибудь ураган. Всему свое время. Ступай-ка в гостиную и жди. Тебе вынесут. – Дав столь туманный ответ, Ханна с хохотом удалилась.

Вскоре появилась Джо. Она с гордостью несла огромную подушку, на которой лежал маленький фланелевый сверток. Лицо у нее было серьезное, но взгляд светился озорством.

– Ну-ка, закрой глаза и вытяни руки! – Лори послышалось что-то странное в ее голосе.

— Нет, лучше не надо, а то я уроню или сделаю ему больно.

— Тогда ты не увидишь племянника! — И Джо решительно повернулась, намереваясь уйти.

— Хорошо! Только если что случится, пеняй на себя. — И, послушный приказу, Лори закрыл глаза, после чего нечто было уложено ему на руки.

Через мгновение дружный смех окруживших его Джо, миссис Марч, Эми, Джона и Ханны заставил его открыть глаза и обнаружить, что перед ним двойня.

Не удивительно, что все смеялись. Выражение его лица было такое, что самый угрюмый человек не выдержал бы и расхохотался. Лори переводил недоумевающий взгляд с одного младенца на другого, а потом — с младенцев на родню, и на лице его был написан ужас. Джо буквально осела на пол и уже визжала от восторга.

— Клянусь Юпитером, это же близнецы! — воскликнул Лори, после чего обернулся к женщинам и забормотал умоляюще: — Заберите их, прошу. Я сейчас тоже расхохочусь и тогда могу их уронить.

Джон выручил своих крошек и принялся расхаживать с ними по комнате, держа по одному на каждой руке. У него был вид искушенного отца семейства.

— Лучший на свете розыгрыш! Я молчала, потому что готовила тебе сюрприз. И, кажется, могу себя поздравить — сюрприз удался, — успокаиваясь, говорила Джо.

— Да я просто не могу опомниться. Оба мальчики? Ну, дайте еще взглянуть. — Лори смотрел на них, как огромный ньюфаундленд на крошечных котят.

— Мальчик и девочка. Красавец и красавица, — с гордостью промолвил папа, словно речь шла не о двух красных комочках, а о небесных херувимах.

— Самые замечательные дети, каких я видел в жизни. Только кто же тут кто? — Лори склонился над младенцами, как будто аист над гнездом.

— Эми повязала мальчику голубую ленту, а девочке — розовую. Французы это удачно придумали. И потом, у него глаза карие, а у нее — голубые. Да поцелуйте же их, дядюшка Тедди! — потребовала Джо.

— А если им не понравится? — продолжал робеть Лори.

— Понравится! Они уже успели к этому привыкнуть. Целуй! — приказала Джо, начиная уже опасаться, что он может кому-то передоверить поцелуй.

Лори смешно вытянул губы и клюнул каждого в щечку, что вызвало у зрителей оглушительный смех, а у младенцев пронзительный вопль.

— Вот! Я же говорил, что им не понравится. Вот это мальчишка! Ишь, как брыкнулся. И кулаки сжал, как большой. Ах, ты вызываешь меня на поединок? — Лори ухватился за щеку от полученного удара.

— Мы решили его назвать Джон-Лоренс, а девочку — Маргарет, в честь бабушки и мамы. Но домашнее имя будет Дейзи, чтобы не было двух Мег. А малыш... Тоже получается два Джона, — говорила Эми, которой понравилось быть тетушкой.

— А пусть он будет Полуджон, или Демиджон, а для краткости — Деми, — предложил Лори.

— Дейзи и Деми! Как хорошо. Я так и знала, что Тедди придумает лучше всех! — воскликнула Джо и захлопала в ладоши.

Лори в самом деле придумал удачно, и с тех пор близнецов так и называли — Дейзи и Деми.

Глава VI

ВИЗИТЫ

— Поторопись, Джо, нам скоро пора отправляться.

— Куда?

— Ты разве забыла о своем обещании? У нас с тобой сегодня шесть визитов.

— Нет, я не могла такого обещать! Даже один визит в месяц — для меня много, а тут шесть в один день! Я просто умру.

— У нас был уговор: я помогаю Бет закончить рисунок пастелью, а ты отправляешься со мной наносить ответные визиты.

— Ты — мучительница, Шейлок в юбке! Между прочим, в условиях договора значилась хорошая погода, а ты посмотри, что делается на востоке! В такую погоду я из дому ни ногой!

— Ну, это уловки! Дождя не будет. И потом, кто говорил, что никогда не нарушает своих обещаний? Так вот, прояви, пожалуйста, благородство и исполни обещание, а потом я на полгода оставлю тебя в покое.

Во все время разговора Джо занималась рукоделием. Она очень гордилась, что владеет иглой столь же искусно, как пером. Джо наловчилась шить накидки и получила заказы от всех членов семьи. И вот надо было прерывать работу, надевать лучшее платье и отправляться в гости. Она терпеть не могла формальные визиты, но Эми, действуя подкупом, сумела ее уговорить. С покорным видом Джо отложила работу и взяла со стола шляпку, перчатки и вышитый носовой платок.

— Я готова принести себя в жертву.

— Ты слишком порочна, Джо Марч, чтобы корчить из себя святую. И потом, неужели ты отправишься в таком виде? — Эми оглядела ее с явным изумлением.

— А что? Я одета аккуратно, и вид самый подходящий для прогулки в жаркий день по пыльной дороге. А если для кого-то мой костюм важнее моего общества, не лучше ли им обойтись без меня? Или вот: будь нарядной и элегантной за нас обеих, а я хочу выглядеть просто. Мне совсем не идут эти оборки!

— О Боже! Долго ты будешь сводить меня с ума своим упрямством? Ты понимаешь, это долг перед обществом, и кроме нас с тобой его некому исполнить. Ты ведь можешь быть прекрасной собеседницей, а иной раз — в своих лучших нарядах — бываешь безумно элегантна. Я боюсь идти одна — поддержи меня, прошу.

— Хочешь перехитрить старшую сестру, льстивый лисенок! Я и собеседница, и элегантна! А ты такая уж робкая, что бо-

ищься нанести визит! Ну, хорошо, хорошо! Раз был такой уговор, пойдем. Можешь возглавить экспедицию, а я готова подчиняться. Ты довольна? – Джо быстро перешла от упрямства к безропотной покорности.

– Ты у меня просто ангел! Теперь надень свое лучшее платье и послушай, где и как нужно себя вести, чтобы произвести хорошее впечатление. Я просто хочу, чтобы ты всем понравилась, – и ты понравишься, только постараися быть чуточку любезней. Ладно, пусть на тебе будет этот строгий костюм. Но сделай красивую прическу и заколи красную розу. Еще возьми тонкие перчатки и вышитый платок. По дороге мы зайдем к Мег и попросим у нее на время белый зонтик. Это для меня. А я одолжу тебе свой серебристый, он очень подходит к твоему костюму.

Эми собиралась сама и отдавала распоряжения Джо, которая с тяжелым вздохом влезала в органдиновый костюм, пытаясь красиво завязать ленты на шляпке и аккуратно сложить носовой платок. И вот, застегнув перчатки на три пуговки и расправив кисточки, что представляло собой верх элегантности, Джо повернула к Эми измученное лицо:

– Мне невыносимо гадко, но если ты скажешь, что я выгляжу прилично, я хотя бы умру счастливой.

– А по-моему, неплохо! Ну-ка, повернись и дай мне тебя рассмотреть.

Джо поворачивалась, Эми вносила многочисленные поправки и, наконец, наклонив голову набок, заметила одобрительно:

– Да, это то, что надо. Головка совершенно очаровательна. Эта белая шляпка с розой очень идет к твоим пышным волосам. Расправь плечи, руки держи свободно, ничего, что перчатки узкие. Есть одна вещь, Джо, которую ты умеешь делать так, как никто другой, это – носить шаль. Недаром тетушка Марч лучшую шаль предназначила в подарок тебе. Теперь посмотри на меня. На пелерине шов лежит ровно? Я аккуратно приподнимаю подол? Я хочу, чтобы были видны ботиночки. У меня красивые ножки, а вот нос у меня ужасный.

— Ты само изящество! — воскликнула Джо, рассматривая голубое перо над копной золотистых волос. — А вот скажи, мне надо волочить платье в пыли или приподнимать подол?

— Пока идем по дороге, приподнимай, а входя в дом, опускай. Тебе очень идет шлейф, только поучись грациозно с ним ходить. Застегни перчатки на все пуговицы. Будь внимательна к каждой мелочи — иначе не получится целостного впечатления. Ну, пойдем!

Наконец, они неторопливой походкой вышли за калитку.

— Прямо две картинки идут! — воскликнула Ханна, глядя на них из окна на втором этаже.

— Послушай, Джо, — наставляла по дороге Эми. — Когда будем у Честеров, последи за своими манерами. Они считают себя очень утонченными людьми. Пожалуйста, никаких резких замечаний, ничего экстравагантного. Будь сдержанной и тихой, как настоящая леди. Мы пробудем у них недолго — четверть часа, не больше.

Они зашли к Мег одолжить белый зонтик и погладить по головкам близнецов, сидевших на руках у матери.

— Дай подумать! А ты знаешь, у меня получится быть сдержанной и тихой. Я играла на сцене одну чопорную леди и, говорят, была хороша в этой роли. В общем не волнуйся. Ведь все же я немного актриса.

Роль чопорной дамы удалась Джо как нельзя лучше. Она восседала на диване, разложив складки юбки, спокойная, как стоячие воды, холодная, как сугроб, и молчаливая, как египетский сфинкс. Тщетно миссис Честер сыпала цитатами из ее нового романа, а обе мисс наперебой говорили о пикниках, операх и модах — ответом на все была рассеянная улыбка, поклон, бесцветное «да» или «нет». Напрасно Эми выступила по столу «говори», а под столом толкала ее ногой. Джо была, словно королева Мод из поэмы Теннисона, холодна и бесстрастна.

— Какое неинтересное и высокомерное существо эта старшая мисс Марч! — весьма громко сказала одна из девиц, как только за гостями закрылась дверь.

Услышав эту реплику, Джо беззвучно рассмеялась от удовольствия, но Эми была полна негодования.

— Речь шла о скромном достоинстве, а не о том, чтобы сидеть истуканом! Ну, хорошо. У Лемов ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится. Болтай с ними о платьях, о студентах, о любой чепухе. Имей в виду, это ценное знакомство. Мы должны произвести хорошее впечатление.

— Ну что ж! Тут я сыграю другую роль. Я уже буду не чопорная дама, а простая, милая девушка. Знаешь, кого я возьму за образец? Мей Честер. И Лемы воскликнут все в один голос: «Какое милое, живое создание эта Джо Марч!»

Эми начинала беспокоиться, и для этого были основания: в своих дурачествах Джо могла зайти слишком далеко. И в самом деле, не задерживаясь в прихожей, Джо ринулась в гостиную, перечеловала всех юных леди, одарила улыбками молодых людей и с изумившим всех оживлением завела беседу.

Эми тем часом оказалась в распоряжении миссис Лем, очень любившей ее. И ей пришлось выслушивать отчет о последнем приступе болезни у мисс Лукреции, а трое приятных молодых людей дожидались возможности освободить пленницу. А Джо тем временем держала в пленах остальных гостей. Эми волновалась, ловя долетавшие до нее обрывки фраз, сгорала от любопытства, видя круглые глаза и слыша изумленные восклицания, и желала сама войти в этот кружок, когда раздавался заразительный смех.

— Она ведь замечательно ездит верхом — кто ее обучал?

— Никто. Она облюбовала развилку на старом дереве и учились вскакивать туда, как в седло. Ей совершенно неведом страх. Она может приручить любую лошадь. В конюшне ей даже дают лошадей напрокат, чтобы она их объезжала. Я ей говорю, что если даже ни в чем другом из нее не выйдет толку, то она вполне может зарабатывать на жизнь, объезжая лошадей.

Эми поняла, что речь идет о ней, и была в ужасе.

— Одним словом, она учила этих лошадей ходить под дамским седлом, а после этого соседки их раскупали, и вот на всей

конюшне осталось только три лошади — одна хромая, другая слепая, а третья такая бешеная, что пока ей не сунешь в пасть комок земли, она не стронется с места.

— И какую же она выбрала? — спросил, смеясь, один из молодых людей.

— На этих она махнула рукой. Зато она услышала, что на ферме за рекой есть один молодой необъезженный конь. И знаете, как она с ним сладила? Он плыл по реке, а она за ним плыла на лодке. Когда он выбился из сил, она его и оседлала.

— И потом она скакала на этом коне?

— Да, они стали прямо-таки неразлучными друзьями.

— Ну, я бы сказал, что это просто отважная девушка! — и молодой Лем покосился на Эми, недоумевая, почему она краснеет и выглядит такой смущенной. Уж не мама ли наговорила ей всяких глупостей?

А виновата во всем была, конечно, Джо. Когда кто-то спросил ее о лимонной шляпке, в которой она недавно появлялась на пикнике, эта глупышка, вместо того чтобы назвать первый попавшийся магазин, с радостью принялась разбалтывать домашние тайны.

— Это все она, Эми. Хорошо иметь сестру художницу. Попросишь — и она выкрасит в какой угодно цвет.

— Интересная у вас жизнь! — воскликнула мисс Лем, думая о том, что эта Джо очень необычная и занимательная особа.

— Для Эми просто не существует безвыходных положений. Ей захотелось, например, появиться на свадьбе у Салли в голубых туфельках. А где их взять? Так она, не моргнув глазом, взяла свои старенькие белые и выкрасила их в небесно-голубой цвет. Они издали выглядели как будто атласные!

Джо с гордостью расписывала таланты сестры, а Эми это приводило в такое бешенство, что она готова была кинуть ей в лицо кипу визитных карточек со стола.

— Нам очень нравится ваша проза, — заметила старшая мисс Лем, про себя думая о том, как мало эта сумасбродка похожа на даму с литературным именем.

Но Джо, слыша похвалы в свой адрес от людей, мало разбирающихся в литературе, всегда чувствовала себя глубоко уязвленной. В таких случаях она спешила переменить тему разговора. Так она поступила и теперь.

— Мне жаль, что вы тратите время на подобное чтение. Я это пишу, потому что платят. А платят потому, что заурядным людям нравится подобная чепуха... Вы едете зимой в Нью-Йорк?

Мисс Лем, поняв, к какой категории читателей ее причисляют, разумеется, должна была обидеться. Джо с опозданием поняла свою ошибку. И теперь ей ничего не оставалось, как бежать с места преступления. Не дав мисс Лем ответить на свой же вопрос о Нью-Йорке, она погнала Эми к порогу:

— Эми, скорее, мы опаздываем! До свидания, милочка, приходите к нам, наш дом всегда для вас открыт. Вас я не осмеливаюсь пригласить, мистер Лем, но если вы заглянете, то мы вас не скоро отпустим.

Своим тоном она явно передразнивала словоохотливую и сентиментальную Мей Честер, на что все обратили внимание. Эми выскочила из прихожей, испытывая непреодолимое желание то ли расхохотаться, то ли расплакаться.

— Ну что? На этот раз я справилась? — спросила Джо с очень довольным видом.

— Хуже не могло быть! — ответила Эми, бросая на сестру уничтожающий взгляд. — Я не хочу себе славы красильщицы и укротительницы лошадей.

— Ну а почему не позабавить людей? Они же понимают, что у нас нет ни грумов, ни средств, чтобы каждый год менять наряды. А мы находим выход из положения и не унываем.

— Все равно нечего выставлять напоказ нашу бедность. У тебя нет никакого самоуважения. И ты совершенно не понимаешь, в каких случаях надо быть разговорчивой, а когда лучше держать язык за зубами.

Джо шла, опустив голову, и терла нос жестким платком, словно наказывая себя за прегрешения.

— Ну а как мне надо вести себя тут? — спросила она, приближаясь к третьему дому.

— Как хочешь. Я умываю руки, — резко ответила Эми.
— Ну что ж! Это семейство мне как раз по душе. Мальчишки дома, так что мы славно проведем время. А то чинность плохо действует на мою конституцию, — угрюмо отвечала Джо, страдая оттого, что оказалась не на высоте.

Три юных джентльмена и их младшие братья оказали Джо такой радушный прием, что она, предоставив Эми развлечать хозяйку и мистера Тюдора, буквально ожила. Джо с захватывающим интересом слушала студенческие новости, ласкала пойнтеров и пуделей и от всего сердца соглашалась с тем, что «Том Браун молодчина». Потом ее пригласили посмотреть черепах, и по дороге через гостиную она так пылко обняла хозяйку дома, что та долго поправляла прическу и чепец. Впрочем, не имея дочери, миссис Тюдор испытывала материнские чувства к Джо и за ответную дочернюю нежность рада была принести в жертву долгую работу парикмахера-француза.

А Эми, махнув рукой на сестру, предалась удовольствиям, отвечающим ее нраву. Дядя мистера Тюдора был женат на настоящей английской леди, а Эми, несмотря на американское воспитание, преклонялась перед титулами и родословными. Впрочем, и вся наша юная демократия хранит еще любовь к британской короне — так взрослый сын почтает свою властную мать, которая долго удерживала его при себе и отпустила с бранью лишь после того, как он взбунтовался.

Но даже в аристократическом обществе пунктуальная Эми не забывала о времени. Когда срок визита истек, она пошла на поиски Джо, надеясь, что старшая сестра хотя бы здесь не навлекла позора на семейство Марч. Все могло быть и хуже, но Эми казалось, что хуже просто не бывает. Джо сидела на траве в окружении старших мальчиков, а пес положил свои грязные лапы на подол ее праздничного платья. Все внимание слушателей было поглощено захватывающим рассказом Джо об очередных проказах Лори. Тем временем младшие развлекались в сторонке на свой лад: один что-то выступив зонтиком Джо на черепашнем панцире, другой с наслаждением уплетал имбирный пря-

ник над лучшей шляпкой Джо, а третий гонял ее перчатку, как мячик. Словом, все забавлялись от души, и когда Джо собрала свою понесшую ущерб собственность и стала прощаться, вся свита побежала ее провожать, умоляя приходить еще, потому что ведь это так интересно слушать, как Лори озорничает.

— До чего же они славные! Я с ними опять почувствовала себя девчонкой, — сказала Джо, пряча руки за спину, отчасти по привычке, а отчасти чтобы скрыть забрызганный грязью и потрепанный зонтик.

— Почему ты все время избегаешь мистера Тюдора? — спросила Эми, не желая пока обсуждать истерзанный вид Джо.

— Я его не люблю. Все время важничает, унижает своих сестер, мучает отца, неуважительно обращается с матерью. Лори называет его беспутным, а мне просто не хочется заводить с ним знакомство, так что пусть пребывает наедине с собой.

— Но ведь можно вести себя не столь демонстративно. А то отвесила ему холодный поклон, а потом без конца любезничала с Томми Чемберленом, у которого отец всего лишь хозяин бакалейной лавки. По-моему, все-таки Тюдор заслуживает большего внимания, — укоризненно заметила Эми.

— Ну нет уж! — продолжала упрямиться Джо. — Я никогда не буду ни уважать его, ни любить, несмотря на то что племянница брата его дедушки приходится троюродной сестрой какому-то там лорду. А Томми беден, застенчив, добр и умен. Я самогоЛ лучшего о нем мнения, и мне нравится показывать это, и вот он-то джентльмен, хоть и должен заниматься взвешиванием и завертыванием.

— С тобой бесполезно спорить!

— Вот и не будем спорить, — согласилась Джо. — Примем дружелюбный вид и оставим в следующем по списку доме наши визитные карточки, потому что Кингов, к моей несказанной радости, нет дома.

Карточки были оставлены в прихожей. Возле пятого по счету дома Джо вновь вознесла благодарение небу — им сообщили, что юные хозяйки поехали в гости.

— Ну, теперь домой! К тете Марч заглянем в другой раз. Незачем тащиться по пыли в лучших нарядах, когда мы уже так устали и раздражены.

— Говори за себя. Если тетя любит, когда мы навещаем ее, да еще красиво одетые, то почему не доставить ей радость? И не думаю, что уличная пыль нанесет больший урон твоему наряду, чем грязные собаки и мальчишки с мячом! Постой! Наклонись-ка, я стряхну крошки с твоей шляпки.

— До чего ты хорошая девочка, Эми! — вздохнула Джо, с раскаянием глядя то на свой испорченный наряд, то на безукоризненно чистый и свежий костюм сестры. — Хорошо бы и мне научиться так угождать людям в мелочах. Я ничего не имею против большинства людей, но они отнимают столько времени! Я рада каждому помочь в чем-нибудь важном, но им важнее моя любезность, чем моя помощь и дружба.

Эми улыбнулась, внезапно смягчилась и заговорила наставительным тоном:

— Женщинам следует учиться покорности, особенно если они бедные. Потому что для них это единственный способ отблагодарить за добро. Если бы ты усвоила эту науку, к тебе относились бы даже лучше, чем ко мне.

— Я знаю, что я противная и капризная и что ты кругом права... Но понимаешь, мне легче рисковать жизнью для людей, чем делать из любезности то, к чему не лежит душа. Это моя беда, что одни вещи я слишком люблю, а другие упорно не принимаю.

— Нет, главная твоя беда, что ты не умеешь ничего скрывать. Коли уж на то пошло, я того же мнения о Тюдоре, что и ты. Но зачем нам весь свет ставить в известность о том, как мы к нему относимся? Получается, что плохо поступает он, а плохо думать будут о нас.

— Мне кажется, девушкам не следует скрывать, если им что-то не нравится в молодых людях, а как это покажешь, если не своим поведением? Поучения очень мало приносят пользы, как я убедилась на опыте общения с Тедди. Но я нашла множество иных способов влиять на него. И так же, по-моему, следует поступать и с другими.

Таких, как Тедди, на свете один два и обчелся. Так что нечего его сравнивать с другими юношами, — возразила Эми столь серьезно и убежденно, что если бы Лори слышала ее, он был бы просто потрясен. Быть мы красавицы или лады состоятельные и знатные, мы, пожалуй, могли бы ими пренебрегать. Но улыбаться до ушей лишь тому, в котором все нравится, и кривить рты при виде того, в ком что-то не устраивает, — попросту смешно; нас сразу обзывают экспрессионистами или пуританками.

Что же, мы должны делать вид, что не замечаем в людях пороков только потому, что мы не красавицы и не миллионерши? Это какая-то необычная мораль.

Я не говорю, что это так уж хорошо, но на этом стоит свет, и кто идет наперекор, будет жестоко осмеян и обречен страдать. Я не люблю реформаторов и не хочу, чтобы ты попала в их число.

— А я люблю их и хочу быть им под стать, хотя не уверена, хватит ли у меня характера. Без них мир просто захиреет. Нохоже, мы с тобой не найдем общего языка, потому что ты принадлежишь к старому укладу, а я — к новому. Ты любишь все красивое и добротное, а я — живое и настоящее. В том числе я люблю, когда меня гонят и освистывают.

— Ну, хорошо, только теперь, пожалуйста, успокойся и не налодай тете своими новыми идеями.

— Я постараюсь, но именно в ее присутствии меня буквально подмывает сказать что-нибудь резкое, даже революционное. Я такая, и с этим ничего не поделаешь.

У тети Марч они застали другую свою родственницу — тетю Кэррол. Пожилые лады обсуждали какую-то интересную тему, но при появлении девочек мгновенно смолкли. По их виду не трудно было догадаться, что беседа касалась племянниц. Джо была не в лучшем настроении и вот-вот готова была сорваться. Эми же, верная чувству долга, умеющая скрывать свои чувства и всем потакать, пребывала в самом ангельском из своих обличий. Это, конечно же, было замечено пожилыми ладами, они

поспешили всячески ее обласкать, и их взгляды говорили то, что спустя время они скажут друг другу вслух: «Это дитя с каждым днем становится все лучше».

— Ты собираешься помогать миссис Честер на благотворительном базаре? — спросила миссис Кэррол, когда Эми уселась подле нее с внимательным и доверчивым видом, который так нравится старшему поколению в молодежи.

— Да, тетя. Она попросила меня помочь, и я вызвалась торговать за столиком.

— А я нет! — решительно вставила Джо. — Не люблю, когда меня опекают. А Честеры словно делают нам одолжение, приглашая на свой базар. Мы им нужны только чтобы работать.

— А я совсем не прочь потрудиться. Ведь выручка пойдет в пользу бывших невольников. И Честеры, я думаю, проявляют доброту, давая мне и поработать, и повеселиться. Если они слегка и «опекают», как ты говоришь, Джо, то это от чистого сердца, и мне совершенно не в тягость.

— Как ты хорошо и разумно говоришь! Я так люблю в тебе этот дух благодарности. И ведь это удовольствие — помогать людям, которые умеют оценить наше усердие; не всем это дано, но всем надо к этому стремиться, — проговорила тетушка Марч, глядя сквозь очки на Джо, сидевшую поодаль с мрачным выражением на лице.

Если бы Джо знала, какое счастье зависело от ее поведения, она, конечно, поступила бы совсем-совсем иначе. Но, к сожалению, не существует окошечка, сквозь которое мы могли бы видеть, что происходит в человеческих душах. В сущности, даже хорошо, что его нет, но бывают такие мгновения, когда это очень бы пригодилось — ну, просто для экономии сил и времени!

И вот своим следующим замечанием Джо лишила себя чудесного удовольствия, зато взамен получила своевременный урок того, как важно иногда держать язык за зубами.

— Мне не нравится, когда мне оказывают любезности. Это подавляет, даже порабощает. Лучше всегда поступать по-своему и быть совершенно независимой.

— Гм! — тетя Кэррол многозначительно кашлянула и слегка покосилась на тетю Марч.

— Вот, я же тебе говорила, — сказала тетя Марч и выразительно закивала.

Так, сама того не желая, Джо выступила в роли «революционерки».

— Ты говоришь по-французски, детка? — спросила тетя Кэррол и погладила Эми по руке.

— Да, довольно неплохо — стараниями тети Марч: она позволяет Эстер беседовать со мной в любое время, — Эми бросила благодарный взгляд на тетю Марч, и пожилая дама растроганно улыбнулась.

— А у тебя как с языками? — обратилась миссис Кэррол к Джо.

— Отвратительно! Я совершенно тупая в этом отношении. А французский я просто терпеть не могу — такой дурацкий, скользкий язык!

Услышав столь грубый ответ, дамы вновь обменялись взглядами, а потом тетя Марч повернулась к Эми.

— Ты теперь совсем здорова? Со зрением все в порядке?

— О да, спасибо, мэм. Я чувствую себя прекрасно и зимой собираюсь много рисовать и писать красками. Это будет подготовка на случай, если сбудется моя мечта и мне удастся совершить путешествие в Рим.

— Милая девочка, ты заслуживаешь того, чтобы твоя мечта сбылась. И я уверена, что она сбудется, — сказала тетя Марч, ласково погладив Эми по голове, когда она наклонилась за упавшим клубком.

«Вместо заграницы
Вот клубок и спицы!» —

продекламировал вдруг слетевший на спинку стула говорящий попугай и весьма ехидно заглянул в глаза Джо.

— Весьма проницательная птица! — заметила тетя Марч.

— Пойди пр-рогуляйся! — крикнул Полли и поскакал вприпрыжку к посудному шкафу, надеясь получить кусочек сахара.

— Вот это хороший совет, и я поспешу ему последовать. Пойдем, Эми! — Джо уходила с чувством, что дни визитов плохо влияют на ее здоровье. Она простилась с тетушками за руку, помужски, в то время как Эми горячо расцеловалась с обеими.

Сестры ушли, оставив после себя впечатление тени и света.

— Возьми ее с собой, Мери. Денег я дам, — сказала тетя Марч, обращаясь к родственнице.

— Непременно, только бы родители дали согласие, — последовал ответ.

Глава VII

ПОСЛЕДСТВИЯ

Благотворительные базары миссис Честер собирали самое изысканное общество, поэтому молодежь состязалась за честь быть приглашенными торговать за каким-нибудь из столиков. Одни девушки получали приглашение, другим бывало в этом отказано.

В этот раз Эми получила приглашение, а Джо — нет, и все нашли это справедливым: юная писательница была в эту пору подозрительной и напряженной и напоминала маленького дикобраза. Немало воды утекло, прежде чем она научилась держаться свободно и раскованно.

Итак, «высокомерная и неинтересная особа» получила отставку, а Эми, изящную и наделенную хорошим вкусом, оценили по достоинству. Ей предложили не только занять столик с художественными изделиями, но и оформить его по своему усмотрению. Подразумевалось, конечно, что она выставит на продажу и собственные работы.

Все шло спокойно вплоть до кануна открытия благотворительного базара, когда случилась одна из тех мелких стычек, которые неизбежны, если в общее дело пытаются вовлечь три десятка женщин разных возрастов, каждую со своими амбициями и предрассудками.

Мей Честер всегда слегка завидовала Эми, которая в обществе пользовалась большим успехом, чем она, а тут явился конкретный повод. На столике художественных изделий изящные, выполненные пером и тушью рисунки, взятые из запасников Эми, совершенно затмили большие вазы, расписанные Мей. Но это был не единственный укол самолюбию Честеров. Перед этим на вечере в одном из домов главный покоритель сердец Тюдор четыре раза приглашал на танец Эми, а о Мей вспомнил лишь однажды. Но главное, что уже давало право на недружелюбное отношение, это донесенная услужливой мольвой весть, что девчонки Марч, будучи с визитом у Лемов, якобы передразнивали Мей.

Смешливые Лемы подхватили и передали всему обществу то, как Джо весьма искусно подражала манерам Мей, о чем сами «преступницы», разумеется, не подозревали. И Эми была просто в ужасе, когда к ней в то время, как она вносила последние штрихи в убранство столика, подошла миссис Честер и сказала спокойно, но обдав ее ледяным взглядом:

— Девочка, видишь ли, этот столик один из самых заметных на базаре, и участницы возражают против того, чтобы тут командовал кто-то, кроме моих девочек. Мне жаль, но я думаю, что ты заинтересована в успехе общего дела и сможешь поступиться своим самолюбием. Так что, если хочешь, мы найдем тебе другой столик.

Миссис Честер казалось, что ей не составит труда произнести эту тираду, но каково у нее было на душе, когда перед нею сияли широко раскрытые простодушные глаза, полные изумления и огорчения.

Конечно, Эми понимала, что за этим что-то кроется, но что именно? И она ответила тихо, не в силах скрыть обиду:

— Так, может быть, вы вообще не хотите, чтобы я участвовала в базаре?

— Не нужно обижаться! Ведь мы устроительницы, а этот столик самый заметный из всех. Я с самого начала считала, что он тебе очень подходит и благодарна, что ты украсила его своими прекрасными рисунками и этими чудными вещицами. Но нам с тобой придется пожертвовать своими желаниями и мнениями

ради успеха всего дела. Я подберу тебе хорошее место. Не хочешь ли встать к цветочному столику? Там хозяйничают мои младшенькие, но у них это плохо получается. А ты бы справилась превосходно. И к тому же цветочный столик привлекает к себе много покупателей.

— Особенno мужчин, — вставила Мей, отчасти разъясняя, по какой причине Эми впала в немилость.

Сарказм Мей возмутил Эми, но она оставила его без внимания и ответила неожиданно дружелюбно:

— Как вам угодно, миссис Честер. Я уступаю свое место Мей и иду заниматься цветами.

— Можешь перенести свои работы на цветочный столик, — сказала Мей, почувствовав некоторые угрызения совести при виде столь красиво выполненных и искусно расположенных работ: статуэток, расписных ракушек и рисунков.

Мей сказала это из лучших побуждений, но Эми продолжала слышать в ее тоне сарказм.

— Конечно! — ответила она. — Я их заберу, чтобы они тебе не мешали.

И, собрав все свои поделки в передник, Эми понесла их к цветочному столику, сознавая, что не только ей, но и ее творениям нанесли непростительную обиду.

— Ну вот, разозлилась... Уж лучше бы, мама, я тебя не просила говорить с ней, — сказала Мей, с грустью оглядывая образовавшиеся пустоты.

— Девичьи ссоры обычно делятся недолго, — ответила мать, сознавая собственную неблаговидную роль в этих девичьих ссорах.

Младшие сестры Мей встретили Эми с восторгом и зааплодировали, увидев, сколько сокровищ она принесла с собою. Горячий прием воодушевил Эми, и она принялась за работу: что ж, не получилось там, получится здесь. Но дело не заладилось. Было уже поздно, Эми клонило в сон, а в помошь ей никого не выделили. Малышки же только мешали: они прыгали вокруг столика, словно обезьянки, и своими неумелыми попытками помочь лишь вносили сумятицу. Арка из хвойных веток никак

не хотела стоять ровно, и подвешенные к ним корзинки грозили опрокинуться на голову бедной цветочницы. На лучшую глиняную тарелку попали брызги, оставив на щеке у купидона след сепии, напоминающий слезу. Потом Эми ушибла молотком руку и в довершение ко всему раскашлялась от сквозняка. Она даже испугалась, как бы не слечь из-за простуды в постель вместо ярмарки. Думаю, что юная читательница, знакомая с подобными испытаниями, непременно проникнется состраданием к бедной Эми и пожелает ей справиться со своей задачей.

Домашние, услышав о том, что произошло на ярмарке, вознегодовали. Марми сочла происшедшее позором, но в то же время похвалила Эми за то, как она себя повела. Бет заявила, что на месте Эми она бы просто ушла с ярмарки. А Джо полагала, что Эми следовало бы унести домой свои чудесные поделки и оставить этих негодяек ни с чем.

— Если они в самом деле негодяйки, то с какой стати я должна им уподобляться? У меня, конечно, есть повод для обиды, но я не намерена выставлять ее напоказ. Мое спокойствие их разумит скорее, чем если бы я рвала и металась. Ведь правда, мама?

— Ты очень правильно рассуждаешь, девочка. Надо быть очень сильным человеком, чтобы на удар отвечать рукопожатием, — в жизни это случается крайне редко, — сказала мать, с грустью думая о том, какая пропасть разделяет нравоучение и реальную жизнь.

Весь следующий день Эми старалась оставаться верной принятому решению и побеждать зло добром, как ни велико было искушение выказать обиду и отомстить. Ей помогло одно воспоминание, явившееся внезапно, но весьма кстати. Пока девочки в задней комнате расставляли цветы по корзинкам, Эми раскладывала на столе свои поделки. Среди них была и та, которую она любила больше всех. Отец как-то нашел среди своих сокровищ маленькую старинную книжицу в красивом переплете, и Эми стала делать на ее пергаментных страничках красочные надписи. Теперь она с гордостью, понятной и простительной, разглядывала эти изящные виньетки и девизы. Так, под изображением добрых духов, помогающих друг другу пробиваться сквозь шипы

и тернии, в обрамлении алых, синих и золотых завитков Эми прочла: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

«Нет, не получается у меня возлюбить», — вздохнула Эми, переведя взгляд с изукрашенной страницы на капризное лицо Мей. Большие вазы на ее столике не могли заполнить собою пустоту, образовавшуюся там, где вчера лежали работы Эми.

Она продолжала листать книжицу, и почти на каждой странице встречала упрек себе. Увы, она не умеет прощать!

Возле стола Мей собирались девушки и громко обсуждали перемещение продавщиц. Эми не все слышала, но понимала, что говорят о ней. Поскольку девушки выслушали лишь одну из сторон, то и суждение выносили одностороннее. Это было неприятно, но добрый дух уже успел вселиться в ее сердце, и вскоре представился случай доказать это на деле.

Эми услышала, как Мей проговорила печально и жалобно:

— Делать новые вещи уже некогда, а заполнять пустоту чем попало, право, не хочется. Столик имел законченный вид, а теперь все испорчено.

— А ты попроси Эми вернуть работы, она тебе не откажет! — послышался чей-то голос.

— После того, что было, как я могу?.. — начала было Мей.

И тут из-за цветочного столика прозвучал спокойный, добродушный голос Эми:

— Если хочешь, забирай все, что тебе нравится. Я уже давно думала их вернуть — у тебя на столе они более уместны. Возьми и прости, что я поспешила их унести вчера вечером.

Эми перенесла свои поделки и поспешила удалиться — ведь легче сделать доброе дело, чем выслушивать, как тебя за него благодарят.

— Это было очень любезно с ее стороны! — воскликнула одна из девушек.

Что сказала Мей, Эми не услышала, зато еще одна юная осoba, с лицом кислым, подстать лимонному напитку, который ей поручили приготовлять, заметила с колючей ухмылкой:

— Она просто хитра и понимает, что со своего столика ей ничего не продать.

Этот день тянулся бесконечно долго и был очень тяжел для Эми. Девочки вскоре покинули ее, и она сидела совсем одна за своим столиком: много ли найдется желающих летом покупать цветы?

Вечер еще не наступил, а цветы уже начинали вянуть. А между тем возле столика с художественными изделиями царило оживление; посыльные с выручкой то и дело отбегали от столика Мей с важными физиономиями, позякивая монетами в шкатулках.

Эми с грустью посматривала в ту сторону. Там она была бы на своем месте и чувствовала бы себя счастливой. Может быть, девушка с другим характером была бы отчасти и рада, что покупатели не тормошат ее, но для хорошенькой, привыкшей к вниманию Эми это было просто невыносимо. А уж мысль о том, что в таком положении ее застанут родные, и Лори, и все ее друзья, обличивалось настоящей пыткой.

Ближе к вечеру прия домой пообедать, Эми не стала ни на что жаловаться и даже не сказала о том, что отдала свои изделия на столик Мей. Но она казалась такой бледной и замкнутой, что все поняли: у нее опять какое-то огорчение. Марми напоила Эми двумя чашками бодрящего чая, а Бет помогла переодеться и надела ей на голову прелестный веночек.

Между тем Джо ко всеобщему удивлению вырядилась с иголочки, явно куда-то собираясь.

— Джо, я тебя умоляю, только без скандала! — обратилась к ней Эми перед выходом из дома.

Она специально пораньше отправилась на ярмарку, чтобы где-нибудь поискать свежие цветы для своего столика.

— Не беспокойся. Я буду обворожительно любезной со всеми знакомыми и постараюсь удерживать их как можно дольше в твоем углу. Тедди с друзьями, надеюсь, помогут мне в этом. Мы еще повеселимся, попомни мое слово!

Джо проводила сестру до калитки и осталась возле нее подождать Лори. Вскоре в сумерках послышались знакомые шаги. Джо встрепенулась:

— Это мой мальчуган?

— Ну, конечно! А это моя девчушка? — Лори торжественно подал ей руку.

— Послушай, Тедди, у нас тут такие дела!

И Джо с сестринским участием стала рассказывать про обиды, нанесенные Эми.

— За чем дело стало? Сейчас я соберу большую компанию. Мы раскупим все цветы, а потом весь остаток вечера проведем у ее столика, — заявил Лори и сам воодушевился собственными планами.

— Эми говорит, что цветы завяли, а свежих могут и не принести. Если люди сделали одну гадость, то не преминут совершить и следующую, — заметила Джо и даже скривилась от отвращения.

— А как же Хейс? Он обещал мне, что даст лучшие цветы из нашей оранжереи.

— Правда?! А я хотела попросить твоего дедушку. Но узнала, что ему нездоровится, и не стала беспокоить. Но вообще-то я собиралась попросить у него цветов...

— Джо, о чём ты говоришь? Эти цветы твои ничуть не меньше, чем мои. У нас все пополам, договорились? — воскликнул Лори таким тоном, от которого Джо сразу же выпускала коготки.

— Нет уж, благодарю покорно! Мне не нужны половина твоей куртки или один мужской башмак. И хватит стоять тут и разглагольствовать. Я иду помогать Эми, а ты меня весьма обяжешь, если напомнишь Хейсу про букеты.

— Обяжу непременно! — отвечал Лори все тем же многозначительным тоном, отчего Джо весьма неделикатно захлопнула у него перед носом калитку и почти крикнула через изгородь:

— Иди, куда я тебя прошу, а мне уже пора!

Описанный только что маленький заговор совершенно изменил положение Эми. Хейс прислал множество букетов и к тому же огромную корзину ярких цветов, которую расположили посреди столика.

Все семейство Марчей прибыло вскоре на ярмарку. Странами Джо торговля шла бойко, и люди не только покупали цветы, но еще и надолго задерживались у столика, привлеченные остроумием старшей сестры и вкусом младшей. Одним словом,

все были довольны. Среди покупателей были, разумеется, друзья Лори. Они раскупали букеты и располагались у столика, превратив уголок с цветами в самое оживленное место на ярмарке.

Эми оказалась в своей стихии. В происходящем с ней вновь торжествовал принцип, что добродетель сама себе награда. А Джо, окружив сестру почетным караулом, неторопливо прохаживалась по залу. По обрывкам подслушанных разговоров она поняла, что доля вины за поведение Честеров лежит именно на ней. Во что бы то ни стало надо было снять с сестры все обвинения! Силы небесные, а Эми еще и вернула свои работы на столик Мей — да она же воплощенное великодушие! Джо захотелось еще раз взглянуть на рисунки и статуэтки Эми, но их и след простыл. «Надо же, убрали с глаз долой!» — подумала она. Легко прощая своих личных обидчиков, Джо свирепела, когда наносили оскорбление семейной чести.

— Добрый вечер, Джо! Как там идут дела у Эми? — дружелюбно обратилась к ней в этот момент Мей, показывая, что она способна проявить благородство.

— Почти все распродала. Теперь развлекает гостей. Ты правильно заметила, что цветочный столик особенно привлекает мужчин.

Мей так безропотно проглотила колкость, что Джо раскаялась в своих словах и принялась хвалить большие вазы, все еще никем не купленные.

— А скажи, осталось еще что-нибудь из рисунков Эми? Я хочу купить для папы, — Джо намеревалась выяснить, где припрятаны работы сестры.

— Все, что дала Эми, давно уже продано. Мы пригласили ценителей ее таланта и выручили приличную сумму, — ответила Мей, которая, как и Эми, в тот день немало потрудилась над своим характером.

Обрадованная, Джо поспешила к цветочному столику давать отчет, и Эми осталась очень довольна рассказом о том, как вела себя ее противница.

— А теперь — марш к тому столику! — скомандовала Эми, отсылая от себя «банду Тедди», как она называла приятелей Лори.

— Да, именно так! Простим лукавство и почтим искусство! — провозгласила Джо, отсылая неустрашимых бойцов на поле брани.

— Охотно повинуюсь, хотя продолжаю думать, что март прекраснее мая, — сострил малыш Паркер, намекая тем самым на фамилию Марч и имя Мей.

— Мал да удал! Для начала совсем неплохо, — обескуражил его Лори, отечески поглаживая по голове.

— Вазы... Купи вазу, — шепнула ему Эми, желая отплатить добром за зло.

К удовольствию Мей, Лори не только купил сразу две вазы, но и расхаживал с ними по залу, показывая всем. Другие юноши тоже накупили вееров, тетрадок, восковых цветов и других столь же «полезных» и «ценных» вещей и теперь не знали, как от них избавиться.

Тетушка Кэррол тоже появилась на ярмарке, была всем довольна, а затем, поглядывая на Эми, что-то шепнула на ухо миссис Марч. Марми просияла от гордости за свою младшую дочку, хотя, впрочем, к этой гордости примешивалось некоторое беспокойство. Затем между ними произошел короткий разговор, содержание которого несколько дней хранилось в тайне.

Благотворительная ярмарка прошла, по общему признанию, успешно. Мей, пожелав Эми доброй ночи, не стала, по своему обыкновению, изливать чувства — лишь нежно поцеловала ее и как бы сказала взглядом: «Прости и забудь». Эми этого было вполне достаточно. Обрадованная, она побежала домой.

На каминной полке ее уже дожидались купленные у Мей вазы, наполненные цветами. «Великодушной Марч — за заслуги перед отечеством!» — провозгласил Лори, широким жестом указывая на свой подарок.

— Ты и в самом деле великодушна, и у тебя есть принципы. Эми, милая, как же я тебя недооценивала и как теперь уважаю! — сказала Джо, когда они поздно вечером сидели у зеркала и расчесывали волосы.

— Да, я тоже люблю Эми за то, что она умеет прощать, — поддержала сестру Бет. — Она столько трудилась и хотела сама

продать свои работы. Ей этого не дали, но она все простила. А я не смогла бы!

— Что вы, милые! Я совсем не заслужила таких похвал. Я просто поступила с Мей так, как я хотела бы, чтобы поступали со мной. Вот вы смеетесь, когда я говорю, что мне хочется быть настоящей леди. Но ведь я ценю не только внешние стороны человека, но прежде всего благородство его душевных порывов. Именно к этому я стремлюсь приблизиться хотя бы отчасти. Женский характер испорчен мелкими глупостями и слабостями, с которыми очень нелегко бывает бороться. Но у меня перед глазами всегда есть пример. Наша мама.

Эми говорила так серьезно и с таким чувством, что Джо бросилась ее обнимать:

— Да, я теперь понимаю, что ты имеешь в виду, и я больше никогда не буду над этим смеяться. Я теперь сама хочу учиться у тебя обхождению и такту, которым ты знаешь цену. О, я уверена, за это ты непременно будешь вознаграждена, и я буду радоваться вместе с тобой!

Так вышло, что спустя неделю Эми и в самом деле получила свою награду, однако Джо оказалось трудно заставить себя радоваться вместе со счастливицей.

Миссис Марч принесли письмо от тети Кэррол, и она читала его с таким радостным выражением на лице, что сидевшие рядом Джо и Бет стали наперебой просить показать им его или вслушаться, что пишет тетя.

— Через месяц она едет в Европу и хочет...

— Чтобы я сопровождала ее! — воскликнула Джо, в восторге вскакивая со стула.

— Нет, дорогая, не ты. Эми.

— Мама, нет! Она ведь еще маленькая, она успеет... А мне это принесло бы столько пользы, ты же знаешь. Попроси за меня!

— Нет, Джо. Тетя и так оказывает нам любезность, какое у нас право диктовать ей свои условия?

— Но почему так? Почему все удовольствия Эми, а вся черная работа мне? Как меня убивает эта несправедливость! — со всею страстью выкрикнула Джо.

— Мне жаль, но боюсь, что тебе следует прежде всего пенять на себя. Я уже давно слышу жалобы на твой строптивый характер и резкие манеры. Вот послушай, что пишет тетя Кэррол: «Сначала я собиралась пригласить Джо. Но ее, видите ли, «угнетает опека» и она «терпеть не может французский», поэтому я передумала и выбрала Эми. Она будет хорошей companionкой мне, надежной подругой Фло и, конечно, будет благодарна за ту пользу, которую несомненно извлечет для себя из этого путешествия». Ты поняла?

— О, мой ужасный язык! Почему я не могу держать его за зубами? — простонала Джо и честно, во всех подробностях, рассказала матери о тех злосчастных визитах.

— Поверь, мне очень жаль, что так получилось. Я знаю, как тебе было бы хорошо теперь развлечься и отдохнуть. Но на этот раз ты сама себе все испортила. Перенеси это мужественно и попытайся не испортить Эми удовольствие от подарка, не заставляй ее мучиться.

— О, я постараюсь! — опустившись на колени, Джо стала собирать нитки-иголки, которые высыпались из корзинки, когда она в напрасной радости вскочила со стула. — Да, мне многому надо учиться у Эми. Я постараюсь не только казаться, но и быть радостной. Только поверь, что мне это будет очень нелегко.

И бедняжка уронила несколько горьких слез на подушку с иголками.

— Джо, понимаешь, я, наверно, очень большая эгоистка, но я рада, что ты остаешься, — прошептала Бет и кинулась к сестре. — Мне было бы очень плохо без тебя.

Она так нежно и с такой любовью обняла Джо, что той сразу стало немного легче.

Но, если честно, не раз потом Джо хотелось броситься к тетушке Кэррол и просить ее переменить решение. Однако не бросилась и даже заставила себя принять участие в семейном ликование, может быть, и не от полного сердца, но с улыбкой. Ну а Эми сияла от счастья и в тот же вечер принялась упаковывать краски и карандаши, оставив заботу об одежде, паспорте и деньгах тем членам семьи, которые меньше думали об искусстве.

— Для меня, девочки, это не просто приятное путешествие, — вдохновенно говорила она, счищая засохшую краску с палитры. — Решается мое будущее. Если у меня есть настоящий талант, то он проявится в Риме. И тогда я совершу что-нибудь такое...

— А если его нет? — спросила Джо, не поднимая покрасневших глаз от воротничка, который она пришивала к платью Эми.

— Что ж, тогда я вернусь домой и буду зарабатывать уроками рисования, — с грустью произнесла мечтающая о славе Эми.

При этих словах лицо у нее скривилось от отвращения. Правда, потом она приняла вид человека, который готов сделать все, чтобы не отказаться от своей мечты.

— Нет, Эми. Ты не будешь учить детишек держать карандаш. Тебе это будет скучно. Ты выйдешь замуж за богача и окружишь себя роскошью, — не отставала Джо.

— Ты неплохой предсказатель, но в это предсказание я не верю. Хотя было бы приятно помогать талантам, если у меня самой не получится стать художницей, — Эми широко улыбнулась: роль дамы-патронессы и впрямь устраивала ее больше, чем участь скромной учительницы.

— Все будет так, как ты хочешь, — вздохнула Джо. — Твои желания исполняются довольно часто, а мои — никогда.

— Ты хотела поехать в Европу? — спросила Эми, почесав нос ножиком, которым отчищала палитру.

— Еще спрашиваешь!

— Ну так через год или два я пошлю за тобой! Мы будем стоять на Форуме и говорить о славе Рима. И все наши мечты осуществлятся.

— Благодарю! Что ж, когда придет этот счастливый день, я напомню тебе о обещании. Только бы он пришел, — Джо постаралась принять туманное, но великодушное предложение Эми с должной благодарностью.

Времени для сборов оставалось очень мало, и все семейство пребывало в хлопотах и тревогах. Джо сдерживала свои чувства до той минуты, пока карета, увозящая Эми в порт, не пропала из виду. Лишь тогда она бросилась в свое чердачное убежище и плакала там до изнеможения.

Эми тоже держалась мужественно до самого отплытия парохода, но когда надо было уже подниматься на палубу, она представила себе, что между нею и близкими сейчас ляжет океанская бездна, и неожиданно вцепилась в руку Лори, который замешкался возле трапа, и, всхлипывая, проговорила:

- Если что-то случится, позаботься о них.
- Да. Если что-то случится, я приеду, чтобы тебя утешить, — прошептал Лори.

Едва ли он в тот миг предполагал, что ему предстоит исполнить свое обещание.

Так Эми отправилась открывать Старый Свет, столь таинственный и прекрасный для юных глаз. А отец и друг следили за нею с берега, и каждый из них верил, что ее ожидают счастливые дни. И вот уже ничего не стало видно, кроме ослепительно-голубого солнечного света на морской глади.

Глава VIII

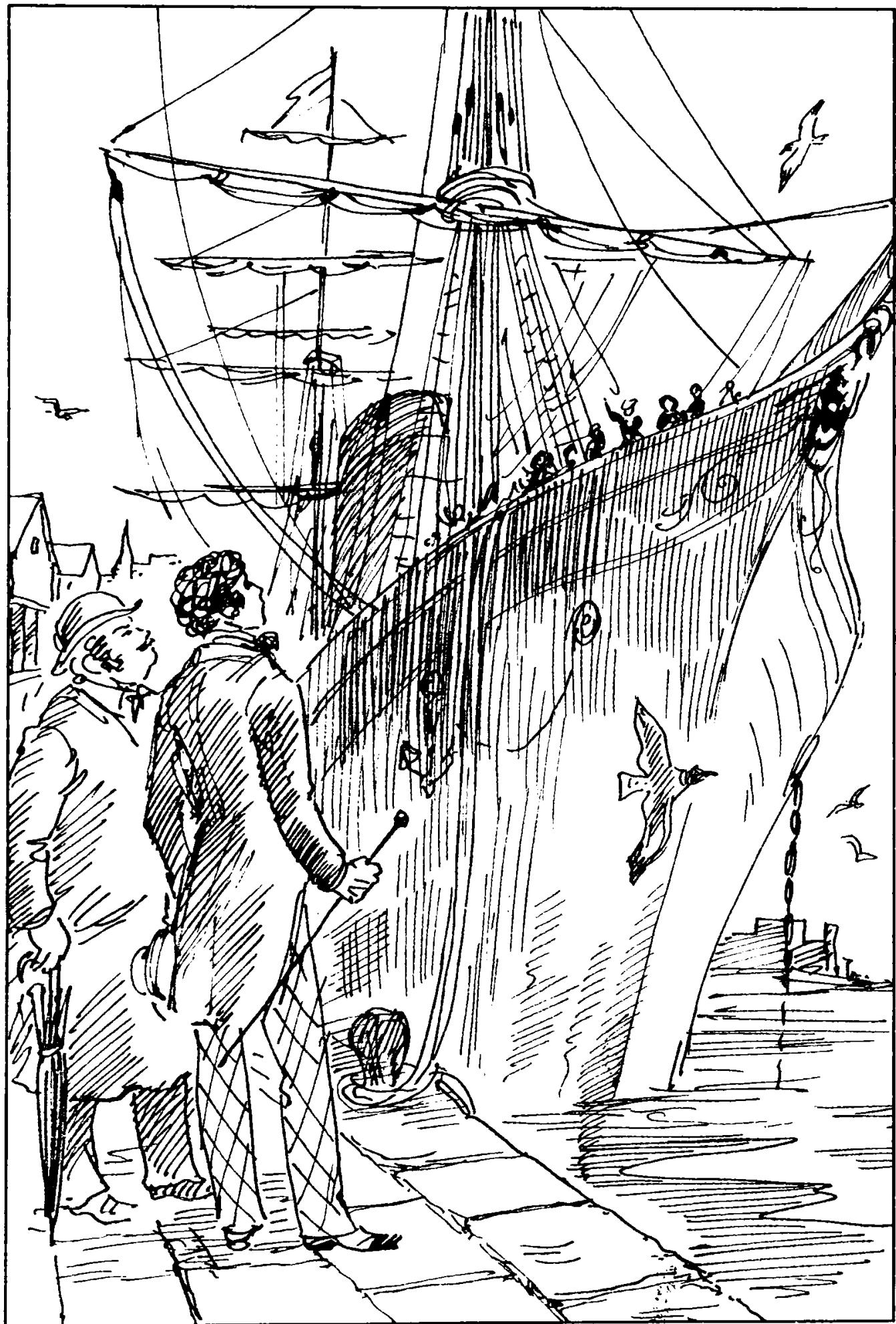
ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

«Лондон.

Мои дорогие,

я пишу вам из номера гостиницы «Бат», сидя у окна и глядя прямо на площадь Пикcadилли. Это далеко не фешенебельная гостиница, но несколько лет назад дядя останавливался в ней и не захотел ехать ни в какую другую. Впрочем, это неважно: мы ведь не задержимся здесь надолго. О, я просто не могу передать вам, как все замечательно. Я не умею описывать по памяти, а потому буду пользоваться своими записными книжками. Всю дорогу я только и делала, что рисовала и записывала впечатления.

Простите мне мою предыдущую унылую записку из Галифакса. Тогда я чувствовала себя прескверно, но зато дальше все пошло замечательно: укачивать перестало, целые дни я проводила на палубе и завела много приятных знакомств. Все были ко мне очень

внимательны, особенно офицеры. Не надо смеяться, Джо! На борту просто необходимо, чтобы мужчины сопровождали дам и готовы были при случае поддержать или что-нибудь подать; а так как им совершенно ничего делать, то дамское общество несомненно идет им на пользу – иначе они прокурили бы себе все легкие.

Тетя и Фло плохо переносили морское путешествие и потому отсиживались в каюте, я же, когда они не нуждались в моих услугах, убегала на палубу. Какие были закаты! Какой воздух! Какие волны! Это будоражит, как скачка на резвом коне. Как жаль, что рядом со мной не было сестер. Бет поправила бы на море свое здоровье. А Джо взбиралась бы на кливер грат-мачты (кажется, так называется эта большая жердь на корабле), водила бы дружбу с механиками, кричала бы в рупор – и вообще была бы в совершенном восторге.

Восхитительно было все, но берег Ирландии – это поистине чудо. Кругом зелень и солнечный свет, там и сям виднеются коричневые домики, на холмах – старинные развалины, а в долинах – богатые имения с парками, в которых пасутся олени. Хорошо, что я не поленилась подняться на рассвете, а то не увидела бы всего этого. Залив был полон рыбачьих лодок, а над заливом – розовое небо! Никогда не забуду!

Один наш новый знакомый, мистер Леннокс, в Квинстауне уже сходил на берег. Провожая его, я просила передать от меня привет озерам Килларни, и тогда он сочинил мне на память вот этот лимерик:

*Когда вы на озерах Килларни
Повстречаете девушку Карни,
Поверните назад,
Чтоб не ранил вас взгляд
Роковой, соблазнительной Карни.*

Не правда ли, чепуха?.. В Ливерпуле мы провели всего несколько часов. Город шумный и грязный, и я рада была расстаться с ним. Дядя купил там себе пару лайковых перчаток, какие-то ужасные, грубые ботинки, зонт, а потом пошел к парикмахеру – сбрил бороду и оставил бакенбарды. Он тешил себя надеждой, что выглядит как настоящий англичанин, но мальчишка-чистильщик на углу тут

же раздосадовал его: «Готово, сэр! Я их вам начистил самой лучшей американской ваксой!» К его чести, он от души смеялся.

А теперь послушайте, что устроил этот глупый Ленnox! Он попросил своего друга мистера Уэрда, который ехал с нами дальше, заказать для меня цветы. И вот вхожу я в гостиничный номер — а на столе изумительный букет с запиской: «От Роберта Ленnoxса». Что ни говори, это очень приятно.

Путешествуй я одна, не добралась бы даже до Лондона, потому что готова была останавливаться на каждом шагу. Такое чувство, словно несешься на коне через анфилады картинной галереи, а по обе стороны мелькают восхитительные пейзажи. Как хороши фермерские домики, до самой крыши увитые плющом, с решетчатыми окнами. А в дверях стоят дородные женщины с розовенькими младенцами на руках. Даже коровы тут ведут себя спокойнее, чем у нас: гуляют по грудь в клевере и довольны. А куры весело квохчут и не мечутся по двору, как наши, американские.

Нигде я не видела таких восхитительных красок — голубое небо, ярко-желтые нивы, травы всех оттенков зелени и темнеющий в дали лес. Всю дорогу смотрела по сторонам и не могла оторваться. Поезд несся со скоростью шестьдесят миль в час, и мы с Фло бегали от окна к окну, боясь что-нибудь пропустить. Тетушка безмятежно дремала, а дядя был погружен в изучение путеводителя и, казалось, ничего вокруг не замечал. Фло спрашивает меня: «Что это там, за деревьями? Какая прелесть!» «Это должно быть, Кенилворт», — вдруг отвечает дядя. Фло бросается к окну и требует, чтобы мы заехали туда, а дядя говорит с расстановкой, уставясь на свои ботинки: «Если тебе так хочется пива, то не возражаю. Там пивоварня».

Через минуту Фло с ужасом восклицает: «Ах, Боже мой, смотрите — виселица, и по ней человек карабкается!» Тут я бро-саюсь к окну — на двух столбах с перекладиной гремят большие цепи. Дядя успокаивает нас — это шахта. Фло облегченно взды-хает и начинает разглядывать «прелестных ягнят». Потом ока-зываются, что это не ягнята, а гусыта. Чуть погодя Фло погру-жается в «Похождения капитана Кавендиша», предоставляя мне одной созерцать природу.

В Лондоне, разумеется, нас встретил дождь и, кроме тумана и зонтиков, мы ничего не увидели. Там мы только отдыхаем, перекладываем вещи и бегаем по магазинам, когда не слишком льет. Тетя Мери купила мне кое-что из вещей, потому что я в спешке забыла взять и половину того, что намеревалась. Теперь я щеголяю в белой шляпке с голубым пером, муслиновом платье, тоже белом с голубым, и очень элегантной пелерине. До чего приятно делать покупки на Риджент-стрит! Вы не представляете себе, как тут все дешево. Очень красивые ленты продают по шесть пенсов за ярд. Я, конечно, не удержалась и купила. А вот перчатки я решила заказать в Париже – изысканно звучит, не правда ли?

Мы с Фло совершили предосудительный поступок – сами наняли экипаж и раскатывали по Лондону без сопровождения. Но это нас очень позабавило. Возница закрыл нас деревянной дверцей. Фло испугалась, стала кричать, чтобы он остановился. Я тоже замахала зонтиком. Но он сидел на возвышении где-то сзади и ничего оттуда не слышал. Мы ехали с головокружительной скоростью. Нас подбрасывало, качало, швыряло из угла в угол. Когда мы были уже в полном отчаянии, я вдруг заметила в потолке маленькую дверцу. Я открыла ее, на меня уставились красные глаза. Он что-то сказал мне довольно грубо, и от него разило пивом.

Я постаралась как можно более спокойно объяснить ему, чтобы он ехал помедленнее. Он ответил: «Слушаюсь, мэм!» и пустил лошадь таким медленным шагом, как будто мы ехали в похоронной процессии. Я опять открыла дверку и попросила ехать быстрее. Тогда он вновь погнал лошадей с прежней бешеной скоростью. Нам оставалось только смириться с судьбой. Дальше привожу выдержки из записной книжки.

Наконец-то выдался ясный день, и мы пошли в Гайд-парк. Наша второразрядная гостиница размещается тем не менее в самом аристократическом районе Лондона. Рядом с нами дворец герцога Девонширского, и я часто наблюдаю, как его ливрейные лакеи проводят время в праздности возле западных ворот. Тут же неподалеку и дом герцога Веллингтона.

Что я видела в Гайд-парке! Только успевай делать зарисовки и отсыпать в «Панч». Пожилые толстухи прибывают в красных

и желтых каретах; у кучеров пудреные парики, у лакеев шелковые чулки и бархатные ливреи. Няни гуляют с невероятно румяными детьми. Тут же прогуливаются томные красавицы в сопровождении юных франтов — у них какие-то очень странные шляпы и почти у всех перчатки из сиреневой лайки. Но особенно забавными показались мне солдаты в коротких красных куртках и высоких меховых шапках. У меня даже возникло желание их зарисовать.

Роттен-Роу, посыпанная песком аллея, хоть и называется «королевской дорогой», больше походит на дорожку в школе верховой езды. Лошади здесь просто замечательные, и мужчины, в особенности грумы, ездят очень хорошо. А вот женщины почему-то не склоняются в седле, и их все время подкидывает кверху. И так они разъезжают часами в своих амазонках и шляпках, как будто куклы в вертепе, изображающим Ноев ковчег. Ух, как мне хотелось показать им бешеный американский галоп! Тут все ездят верхом — и пожилые толстухи, и старики, и совсем крошечные дети. А девушки и молодые люди отчаянно флиртуют. Появилась недавно мода носить розовые бутоны в петлице — надо будет ввести это и у нас.

После обеда посетили Вестминстерское аббатство, но описывать его выше моих сил. Скажу лишь, что это грандиозно. Вечером едем в театр — будет играть Фехтер. Не правда ли, достойное завершение самого счастливого дня в моей жизни?

Полночь.

Уже очень поздно, хочется спать, но не могу не сообщить о том, что произошло вечером. Мы уже оделись, чтобы ехать в театр, и сидели за чаем, как вдруг вошли — кто бы вы думали? Английские приятели Лори — Фред и Фрэнк Вон. Я бы их не узнала, если бы не визитные карточки. У обоих теперь бакенбарды. Фред просто красавчик, настоящий англичанин. Фрэнк ходит уже без костылей и почти не хромает. Они узнали от Лори, что мы остановились в этой плохонькой гостинице, и стали требовать, чтобы мы переехали к ним в дом. Дядя наотрез отказался переезжать, но при случае мы нанесем им ответный визит. Они отправились в театр вместе с нами, и мы прекрасно провели время; Фрэнк ни на шаг

не отходил от Фло, а мы с Фредом говорили о развлечениях – былых, нынешних и грядущих. Мне с ним так легко, будто мы уже давно знаем друг друга. Фрэнк шлет сердечный привет Бет, он огорчен, что она нездорова. Фред вспоминает о Джо и передает низкий поклон «большой шляпе». Часто вспоминаем наш поход в лагерь генерала Лоренса. Господи, как же все это было давно!

Тетя уже третий раз стучит мне в стену. Придется ставить точку. Знаете, я чувствую себя праздной лондонской красавицей, когда сижу вот одна в окружении красивых вещей, пишу вам письмо в столь поздний час, а в голове проносятся парки, театры, новые платья и галантные кавалеры, которые, завидев меня, восторженно улыбаются и крутят свои светлые усы с истинно английским достоинством. Очень хочу вас видеть.

*Совсем поглупевшая,
но все равно нежно вас любящая Эми.»*

«Париж.

*Дорогие девочки,
помните, в последнем письме я рассказывала вам о том, как мы проводили время в Лондоне и как любезны были братья Вон. После этого у нас еще были замечательные поездки в Хэмптон-Корт и Кенсингтонский музей. В Хэмптоне я видела картины Рафаэля, а Тернера, Рейнольдса, Лоренса, Хогарта там целые огромные залы. Еще вспоминается день, проведенный в Ричмонд-парке. Там столько прекрасных дубов, и повсюду пасутся олени, я только и успевала делать зарисовки. Еще я слушала соловья и смотрела, как вьются в небе жаворонки. Благодаря Фреду и Фрэнку мы смогли посмотреть в Лондоне все, что нам хотелось, и жаль было уезжать. Англичане не скоро допускают новых людей в свой круг, но уж если «переступают черту», то их гостеприимство не знает границ. Воны обещают зимой присоединиться к нам в Риме. Жаль, если этого не произойдет, потому что я успела подружиться с Грейс, и мальчики тоже очень приятные, особенно Фред.*

И вот, едва мы оказались в Париже, тут же объявился и он. Сказал, что у него каникулы и он едет в Швейцарию. Тетя сначала

взглянула на него косо, но он был так невозмутим, что ей пришлось смириться. Хорошо, что Фред здесь, потому что он свободно говорит по-французски и мы с ним чувствуем себя увереннее. Дядя не знает и десятка французских слов и все время начинает громко говорить по-английски, думая, что так его лучше поймут. У тети очень старомодное произношение, а мы с Фло поняли, что знаем язык недостаточно. Поэтому хорошо, что с нами Фред и есть кому, по выражению дяди, «парлевукать».

Мы чудесно проводим время. С утра до вечера ходим по городу, осматриваем музеи и разные достопримечательности, обедаем в шумных кафе, и с нами постоянно происходят какие-нибудь забавные случаи. В непогоду я обычно отправляюсь на весь день в Лувр, где изучаю свои любимые картины. Наверно, в некоторых из признанных шедевров Джо не нашла бы ничего замечательного. Но это просто потому, что живопись не ее стихия. А я должна пользоваться случаем, чтобы совершенствовать глаз и вкус.

Зато Джо была бы в восторге от музеев, где выставлены разные реликвии. Я видела здесь вещи Наполеона: его треуголку и серый походный сюртук, его детскую колыбельку и даже старую зубную щетку. Еще здесь выставлены бальные башмачки Марии Антуанетты, епископское кольцо Сен-Дени, меч Карла Великого и много другого. Я буду часами рассказывать обо всем этом, когда вернусь, но сейчас у меня нет времени.

И, конечно, удивительное место Пале-Рояль. Здесь продают столько украшений и разных изящных вещиц. Я просто с ума схожу, что нельзя всего накупить вам в подарок. Фреду очень хочется засыпать меня подарками, но я, конечно, отказываюсь наотрез.

Несколько раз я видела императорскую семью. Наполеон Третий некрасив, и у него тяжелый взгляд. Императрица очень бледна, хотя, пожалуй, хороша собой. Но одевается она, по-моему, безвкусно. В последний раз она была в лиловом платье, зеленой шляпе и желтых перчатках! Наследник – милый и красивый мальчик. Он разъезжает в запряженном четверней ландо, форейторы в красных куртках, а спереди и сзади едут верхом офицеры. Он все время болтает со своим наставником и посыпает в толпу воздушные поцелуи.

Мы часто и подолгу гуляем в садах Тюильри, там красиво, хотя я больше люблю Люксембургский сад. Были мы и на кладбище Пер-Лашез. Некоторые богатые склепы представляют собой маленькие комнаты, посередине стол с портретом покойного, вокруг стулья, чтобы родные могли сесть и помянуть. Это так по-французски.

Мы сняли меблированные комнаты на Рю-де-Риволи. С балкона открывается вид на эту великолепную улицу. Если вечером мы остаемся дома, то проводим целые часы на балконе. Фред, пожалуй, самый славный молодой человек из всех, кого я знаю, кроме, правда, Лори, манеры которого все же приятнее. Еще я предпочла бы, чтобы у Фреда были темные волосы – не люблю блондинов. Но, впрочем, Вони очень богаты и принадлежат аристократической фамилии, так что пусть Фред остается светловолосым, тем более что мои волосы еще светлее.

На следующей неделе мы едем в Германию и Швейцарию. Остановок в пути не предполагается, поэтому буду посыпать только короткие записи. Но я веду дневник, стараясь, по совету папы, «запоминать точно и описывать ясно». Письма я писать не умею – не то что Джо. А вести дневник у меня получается, и он вместе с альбомом даст лучшее представление о нашем путешествии, чем эти сумбурные послания.

*Adieu, целую.
Votre Amie.»*

«Гейдельберг.

*Дорогая мамочка,
до нашего отправления в Берн остается еще час, и за это время я должна рассказать тебе о вещах очень важных. Ты скоро сама поймешь, до чего это важно.*

Мы великолепно путешествовали пароходом по Рейну. Я ничего не делала, ни с кем не общалась – просто сидела на палубе, любовалась видами и всей душой наслаждалась. У меня нет слов, чтобы описать эти красоты, поэтому возьми у папы путеводитель, листай его и представляй, что я переживала. Потом мы замечательно провели время в Кобленце, а студенты из Бонна, с которыми завел дружбу Фред, даже пели нам серенаду!

Была лунная ночь, и около часу нас с Фло разбудили восхитительные звуки. Мы украдкой выглянули из-за шторы, оказалось, что это распевают студенты, и с ними вместе поет Фред. В жизни не видела ничего более романтического. Представь себе реку, заливную лунным светом, целый мост из лодок, крепость на дальнем берегу и музыку, способную смягчить даже каменное сердце.

Мы бросили им в окно цветы, а они стали из-за них бороться. А потом, послав нам воздушные поцелуи, кавалеры ушли, наверно, пить пиво. На другое утро Фред с очень нежной улыбкой извлек из кармана куртки увядший и помятый цветок. Я в шутку сказала, что это Фло бросила цветы, тогда он с недовольным видом выбросил цветок в окно и долго пребывал в плохом настроении. И тут я встревожилась и подумала: не было бы у меня из-за этого юноши каких-нибудь неприятностей.

В Нассау и в Баден-Бадене Фред не вылезал из казино и проиграл много денег. В конце концов я его как следует выбанила. Когда нет рядом Фрэнка, надо чтобы кто-то его одергивал. Кэт сказала, что хочет, чтобы он скорее женился, и я с нею согласна.

Потом мы были во Франкфурте. Город восхитителен. Я видела дом Гете, памятник Шиллеру и знаменитую Даннекерову Ариадну. Наверно, статуя доставила бы мне больше удовольствия, если бы я лучше знала греческую мифологию. Мне хотелось расспросить подробнее про Тезея, Ариадну и Минотавра, но постыдилась своего невежества – все это знают или делают вид, что знают, одна я такой неуч. В общем, я решила, что вернусь домой и займусь своим образованием.

Ну вот, а теперь о серьезном. Фред только что уехал. Я подружески привязалась к нему, но думала, что это просто дорожное знакомство – до той ночи, когда они распевали серенады. После этого я стала думать, что прогулки при луне, долгие сидения на балконе, переезды из города в город были для него не просто забавой. Мама, я, честное слово, не флиртовала с ним. Я, конечно, сознаю, что нравлюсь многим. Но если у меня нет ответного чувства, то это даже доставляет мне страдание, хоть Джо и полагает, что у меня нет сердца.

Я знаю, что сейчас мама с укоризной покачает головой, а девочки скажут, что я бессовестная и расчетливая. Но я решила, что если Фред сделает мне предложение, то я отвечу согласием. Я не влюблена в него, но мне приятно его общество. Он мил, умен, и – не скрою, что для меня это важно – Воны очень богаты, гораздо богаче, чем Лоренсы. Его семья проявила ко мне большое внимание, и я была бы рада войти в эту семью. Это благородные, воспитанные, по-настоящему добрые люди.

Фред и Фрэнк близнецы, но перворожденным считается Фред, и именно ему достанется вся недвижимость. Это городской особняк на фешенебельной улице. Он не так велик, как наши американские особняки, но гораздо удобнее и роскошнее. Там все старинное, наследственное: драгоценности, столовое серебро, фарфор. А в загородном поместье Вонов много породистых лошадей. Вы же знаете, как много для меня это значит!

Так что, видите, меня привлекает в нем не одна только знатность. Многие хвалятся за титул, но за ним может больше ничего не быть. В то же время, не скрою, во многом мною движет жажда избавить и себя, и вас от бедности. Я ненавижу бедность и воспользуюсь любой возможностью, чтобы расстаться с нею. Одна из нас должна устроиться хорошо. Мег этого не сделала, у Джо нет желания, Бет пока не до этого. Остаюсь я. Разумеется, я не вышла бы за человека, которого презираю. В этом вы можете быть уверены. Фред, конечно, не тот идеальный герой, о котором я мечтала, но я могла бы его полюбить всем сердцем, особенно если он будет любить меня и считаться с моим желанием творить и быть свободной.

То, что я нравлюсь Фреду, уже всем бросается в глаза. Он никогда не приглашает на прогулку или танец Фло, едет верхом всегда только с моей стороны экипажа, за столом старается занять место возле меня, смотрит всегда очень нежно, а если кто-то заговаривает со мной, то настораживается и хмурится. Я видела, с какой яростью он принял нарезать мясо на тарелке, когда два австрийца – офицер и барон – принялись во всеуслышание обсуждать мою внешность. Обычно англичане сдержанны, а он по-

рыбист, в нем сказывается шотландская кровь, о чем можно догадаться по его прекрасным голубым глазам.

Вчера вечером на закате мы всей компанией отправились осматривать старинный замок, а Фред обещал присоединиться к нам позже, так как ему надо было забрать письма на почте. Мы прогуливались в садах, которые насадил в давние времена курфюрст для жены-англичанки, а потом спустились в подвал и обнаружили там огромных размеров бочку. Потом все пошли осматривать внутренние покои, а я расположилась на большой террасе — мне захотелось зарисовать голову каменного льва, увитую плющом. Я ощущала себя героиней романа, когда сидела там, глядя на извивающийся в низине Неккар, слушала, как играет австрийский военный оркестр у подножья горы, и ожидала поклонника. Я чувствовала, что в этот вечер что-то решится. Я была совершенно спокойна, ну, может быть, только слегка волновалась.

Я видела, как Фред вбежал в большую арку. Он был чем-то сильно встревожен, и я понимала, что он разыскивает меня. Когда Фред подошел ближе, я сразу поняла, что произошли какие-то неприятности. Оказывается, тяжко заболел Фрэнк, и Фреду надо было уехать вечерним поездом. Прощаюсь со мной, он спросил: «Эми, вы не забудете меня?» Этим многое было сказано. Я ничего не обещала, но была очень ласкова с ним и, кажется, он остался доволен.

Через час он уехал. Нам теперь очень его не хватает. Я сейчас понимаю, что ему давно хотелось поговорить со мной, но отец взял с него слово пока не делать этого: он боится невестки «с того полушария». Скоро нам предстоит встреча в Риме. И если до тех пор я не передумаю, то отвечу согласием на его предложение руки и сердца.

Вот и все. Это мое личное, но я не могла не поделиться. Мамочка, не беспокойся, я не совершу необдуманных поступков. Ты ведь сама говоришь, что из нас четырех я «самая осмотрительная». Но, если можешь, поддержи меня советом, я очень в этом нуждаюсь. Жаль, что нам нельзя увидеться и поговорить. Люби меня, доверяй мне.

*Всегда твоя
Эми.»*

Глава IX

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

— Джо, меня очень беспокоит Бет.

— Почему, мама? Она стала выглядеть гораздо лучше с тех пор, как появились малыши.

— Сейчас меня даже больше беспокоит не ее здоровье, а душевное состояние. Я же вижу, что-то у нее неспокойно на сердце, и хочу, чтобы ты разузнала в чем дело.

— Но почему тебе это кажется?

— Она теперь подолгу сидит одна, и даже с отцом избегает общаться, а уж с ним-то она всегда была откровенна. Тут как-то я привела к ней поиграть малышей, и вдруг вижу — она плачет над ними. Она даже песни поет им не детские, а какие-то печальные. Прежде она никогда таких не пела. И у нее какое-то новое выражение лица. Все это вместе меня очень беспокоит.

— А ты не пытаешься с ней поговорить?

— Пробовала. Но она избегает расспросов или смотрит на меня с такой горечью, что я теряюсь и замолкаю. Раньше мне никогда не приходилось добиваться от моих дочурок откровенности, они сами мне все выкладывали.

Миссис Марч всмотрелась в лицо Джо и с облегчением вздохнула, поняв, что на душе у дочери нет ничего такого, что ей хотелось бы скрыть. Продолжая заниматься своим рукоделием, Джо сказала спустя какое-то время:

— Просто она повзрослела. Откуда-то взялись надежды, тревоги, опасения. И она не может объяснить откуда. Ведь Бет восемнадцать лет, а мы по привычке обращаемся с ней, как с ребенком. Нет, она уже взрослая.

— Ты права. Быстро вы у меня выросли, — Марми опять вздохнула, но на этот раз с улыбкой.

— Ничего не поделаешь, мама. Скоро твои птенцы все улетят из гнезда — один за другим. Но я обещаю не улетать подольше, если тебя это утешит.

— Да, девочка, это большое утешение. С тех пор, как Мег замужем, ты одна — опора мне. Бет слишком слаба, а Эми слишком молода. В трудную минуту вся надежда на тебя.

— В семье всегда должен быть кто-то один, кто отвечает за всю неблагодарную работу. Да и я совсем не против. Эми любит тонкую работу, а я же для нее мало предназначена. А вот выколачивать половики или ухаживать за больными — это у меня получается. Эми сейчас блистает в Париже, а я всегда при тебе.

— Знаешь что? Я оставлю Бет на твоё попечение, а сама как бы отстраниюсь. Она тебя любит и скорее доверится тебе, чем кому бы то ни было еще. Но будь осторожна, чтобы она не догадалась, что ее опекают. Только бы она была здоровой и веселой — других желаний у меня сейчас, собственно, и нет.

— Тогда ты счастливая. А у меня их столько...

— Какие же это желания?

— Давай сначала разберемся с Бет, а потом я как-нибудь расскажу тебе о своих тревогах. Все не так уж страшно, поэтому по временим с этим.

И Джо опять погрузилась в работу, всем своим видом показывая, что за нее-то можно не опасаться, по крайней мере, пока. Ну а в будущем — что можно знать о будущем?

Казалось, Джо всецело поглощена собственными делами, но между тем она пристально наблюдала за сестрой. У нее возникали разные догадки относительно Бет, но одна представлялась ей наиболее верной. Ключ к кажущейся разгадке подсказал ей один случай, ну а любящее сердце и живая фантазия дорисовали все остальное.

Однажды в субботу после обеда они с Бет остались вдвоем в комнате. Джо делала вид, что усердно пишет рассказ, однако сама время от времени поглядывала на сестру, которая была какой-то странно притихшей. Бет сидела у окна, положив на колени рукоделие и рассматривая ноябрьский пейзаж за окном. Вдруг внизу послышались шаги, потом задорный свист, похожий на трель заводной птички, затем послышался голос Лори:

— Все хорошо! Вечером я загляну.

Бет рассеянно улыбнулась при этих словах, а когда звук шагов замер, сказала в раздумье, как бы про себя:

— Он такой крепкий, сильный и, наверно, счастливый.

— Гм! — произнесла Джо, внимательно наблюдая за сестрой.

Румянец исчез с лица Бет так же внезапно, как и появился, улыбка погасла, и на подоконник упала блестящая слеза.

Бет сразу же стерла ее и с опаской покосилась на Джо, но та быстро строчила на больших листах очередную повесть с интригующим названием «Клятва Олимпии». Как только Бет отвернулась, Джо продолжила наблюдение и увидела, что сестра опять поднесла руку к глазам и на лице ее обозначилась такая грусть, что Джо самой захотелось плакать. Чтобы не выдать себя, она ушла из комнаты под предлогом, что у нее кончились бумаги.

«Господи, помилуй! Ведь она же любит Лори! — Джо страшно побледнела от поразившего ее открытия. — Я никогда этого не могла предположить. Что скажет мама? Ну а он? Он!»

Тут ее осенила неожиданная мысль: «Если он не полюбит ее, может случиться беда. Он должен, я его заставлю!», и Джо погрозила красивому юноше, улыбавшемуся с висевшего на стене портрета. «Да, мы растем, растем. Мег уже нянчит детей, Эми покоряет Европу, Бет влюблена. Пока я одна удерживаю себя в узде».

С минуту Джо напряженно размышляла, а потом решительным шагом подошла к портрету на стене:

— Послушайте, сэр. В вас много обаяния, но постоянства не больше, чем у флюгера на крыше. Можете больше не писать мне записок и не одаривать улыбками. Не выйдет. Я просто этого не потерплю.

Она долго не выходила из своей комнаты, пребывая в раздумьях, но начало темнеть, и она спустилась в гостиную за новыми подтверждениями своей догадки.

Лори обычно весело флиртовал с Эми, серьезно беседовал с Джо, но к Бет он всегда относился с особенным вниманием и нежностью. Однако точно также относились к ней и другие, поэтому никому не приходило в голову, что Лори отдает ей какое-то предпочтение. Пожалуй, в последнее время казалось даже,

что он больше тянется к Джо, хотя она и слышать об этом не хотела и гневно отчитывала всех, кто пытался намекнуть на это хоть словом. Знай домашние хоть часть того, какие признания пытался делать или уже делал Лори, они непременно сказали бы: «Ну вот, мы же говорили!» Однако Джо терпеть не могла всякие «заигрывания» и всегда держала наготове острое словцо.

За годы учения в университете Лори пережил много увлечений, страстных и непродолжительных. Джо каждый раз оказывалась доверенным лицом, и ей интересно было наблюдать его переходы от надежды к отчаянию, а от отчаяния — к смирению. Но вдруг он сделался угрем, стал принимать байронические позы, хотя в то же время начал учиться весьма прилежно, питая, по его словам, надежду обрести славу, а уже ее ценой — любовь.

Происшедшая в друге перемена пришла по душе Джо. Ее ум развился раньше, чем сердце, и она предпочитала литературных персонажей реальным героям. Первых можно было запереть в ящик стола, а со вторыми справиться было куда труднее.

Так обстояли дела до того момента, когда Джо совершила свое открытие. Если бы она не вдохновилась этой идеей, то, возможно, не увидела бы ничего необычного в том, что Бет очень молчалива, а Лори с ней очень ласков.

«Кто знает? — размышляла Джо, меря шагами комнату. — Все бывает на свете. Может быть, она сделает из него ангела, а он превратит ее жизнь в настоящий рай? И вообще странно, что он не влюбился в нее с самого начала. Столько времени потеряно! Просто Бет уж очень немногословна, а мы, три трещотки, оттесняли ее на задний план... Впрочем, две «трещотки» уже перестали быть помехой, осталось теперь только мне куда-нибудь исчезнуть. Но куда? Пока надо просто удалиться на диван».

Это был воистину патриарх диванов — низкий, широкий, длинный, заваленный подушками и основательно потрепанный, поскольку еще в младенческие годы сестры ползали и лазали по нему, «удили рыбу» через спинку, скакали верхом на ручках, устраивали зверинец на подушках. А став взрослыми, они любили прилечь на диване в минуту усталости или устраивались

на нем надолго и вели нежные, доверительные разговоры. Диван всем служил верой и правдой, но у Джо был на этом диване свой заветный угол. Помимо подушек на диване лежал валик из грубой ткани, набитый конским волосом и поэтому страшно колючий. Этот-то устрашающий валик сделался исключительной собственностью Джо, — во-первых, как орудие защиты, а во-вторых, как средство пробуждения от слишком затянувшейся дремы.

Лори ненавидел этот валик лютой ненавистью. Прежде его колотили этим валиком во время озорной возни, а теперь он мешал ему занять на диване желанное место — рядышком с Джо. Если «колбаса» (так прозвали валик) стояла вертикально, это был знак, что Джо милостиво позволяет Лори пристроиться возле нее, но если она валялась поперек, то никто не смел и думать подступиться к дивану — ни мужчина, ни женщина, ни малое дитя.

Однако в этот раз Джо не успела выставить предостерегающий знак, и не просидела она в своем углу и пяти минут, как появился Лори. Он самым бесцеремонным образом уселся на «ложе», вытянув ноги и закинув руки на спинку.

— Ну вот, почему не отдохнуть? — заявил он с довольным видом.

— Это еще что такое? — возмутилась Джо и вспомнила, что надо придать валику горизонтальное положение.

Но было уже слишком поздно. Для валика не оставалось места на диване, и вообще в следующую минуту он таинственным образом исчез.

— Ты сама, Джо, стала такой же колючей, как этот твой... Я так заучился, что перед тобой уже лишь тень прежнего молодца. Неужели я не заслуживаю немного ласки или хотя бы сочувственного слова?

— Иди к Бет, она тебя пожалеет, а я занята.

— Ну, ей вредно долго возиться со мной. А ты ведь немножечко меня любишь. Или ты не оставила мне никаких надежд? Неужели ты уже ненавидишь своего «мальчугана»?

Подобная речь могла растрогать кого угодно, но Джо оставалась неумолимой.

- И сколько букетов ты послал мисс Рендл?
- Это все уже в прошлом. Она помолвлена.
- Что ж, я рада, капиталы будут целее. Глупо тратить их на девушек, до которых тебе вообще-то нет никакого дела.
- Ну, это потому, что те, до кого мне есть дело, не хотят принимать моих даров. Как быть? Должен же существовать какой-то выход чувствам?
- Мама не одобряет даже щеточного флирта, а ты в этом отношении далеко заходишь.
- Я отдал бы все на свете, если бы мог сейчас сказать: «Так же, как и ты». Но я не могу... На самом деле это приятная игра, не более. Если, разумеется, обе стороны отдают себе отчет в том, что это лишь игра.
- Не знаю... Мне кажется, это неловко и стыдно. Я как-то попробовала, чтобы не казаться белой вороной, но у меня ничего не вышло. — Джо говорила с доверительной грустью в голосе, забыв, что не должна давать «мальчугану» никаких надежд.
- Учись у Эми — ей это дано свыше.
- Да, она всегда умеет вовремя остановиться. Она легкий человек, такие всем нравятся. А я все делаю неуклюже и невпопад.
- А знаешь, мне ведь очень даже по душе, что ты вовсе не кокетка. Ты честная, веселая, умная и не желаешь строить из себя дуру. Между нами говоря, Джо, за некоторых твоих подруг мне бывает просто стыдно. Может, они и не хотят ничего дурного, но если бы они знали, что говорим мы, мужчины, у них за спиной, они бы сразу переменили свое поведение.
- Но ведь и они о своих кавалерах говорят между собой не самые лестные вещи, а язычки у них будут поострее ваших. И потом вы сами даете им повод говорить и совершать глупости.
- Едва ли вы в этом так уж много смыслите, мэм! — заявил Лори тоном превосходства. — Мы, университетские, хоть и позволяем себе эти игры, но они нам вовсе не по душе. Знала бы ты, как в нашей среде ценят скромных и простых девушек! Если бы ты хоть раз незримо присутствовала при наших разговорах...

Знаешь, когда я вижу вертихвостку, мне сразу вспоминается стишок нашего приятеля Робина:

Не верти хвостом, хохлатка,
Мне и без тебя не сладко!

Джо не могла не рассмеяться. С одной стороны, Лори хотел быть рыцарем и не отзываться дурно ни об одной особе прекрасного пола. А с другой, окружающее его общество являло такие примеры женской глупости и безрассудства, что он не мог удержаться от эпиграмм.

Джо знала, что многие мамаши прочат юного Лоренса в женихи своим дочерям и что дамы всех возрастов так его обхаживают, что другой на его месте уже давно превратился бы в неисправимого ловеласа. Джо всегда ревниво следила за другом, опасаясь, как бы его в конце концов не испортили. И теперешние его слова о скромных девушках очень обрадовали ее. Однако же она быстро опомнилась и вернулась к нравоучительному тону.

— Если ты говоришь все это искренне, то и выбери хорошую, скромную девушку, а вертихвосток оставь тем, кто им подстать.

— Ты всерьез это советуешь? — Лори взглянул на нее со смешанным чувством радости и тревоги.

— Да, но пока ты должен учиться и готовить себя к жизни. Просто ты еще не настолько хороший, чтобы заслужить такую девушку, про каких ты говорил... И неважно пока, кто она будет... — Джо в какой-то момент готова была уже произнести имя.

— Да, пока я не готов! — сказал Лори с непривычным для него выражением покорности и нервно накрутил себе на палец тесемку ее передника.

«Господи, я все только испорчу!» — подумала Джо, а вслух сказала:

— Мне хочется, чтобы ты пошел к пианино и спел. Я так соскучилась по музыке и по твоему голосу.

— А может, лучше я побуду здесь?

— Нет, здесь для тебя мало места. Сам по себе ты чересчур громоздкий, чтобы рассматривать тебя как украшение, но вот твой голос... И потом, помнишь, ты как-то сказал, что не желаешь быть привязанным к женскому переднику.

— Смотри по тому, чей это передник! — и Лори, резко дернув за тесемку, оторвал ее напрочь.

— Так ты будешь петь? — спросила Джо, закрывшись подушкой.

Пока он играл и пел, она потихоньку вышла и не вернулась до тех пор, пока он в конце концов не ушел, глубоко оскорбленный.

Джо долго не могла заснуть в эту ночь, а когда уже стала засыпать, до нее донеслись приглушенные рыдания Бет.

— Что ты, милая? — кинулась Джо к ее постели.

— Ничего. Я думала, ты спишь, — не переставая плакать, ответила Бет.

— Опять болит?

— Нет, это другая боль. Но она нестерпима.

— Но ведь тогда, помнишь, я помогла тебе. Может быть, и сейчас получится?

— Нет, теперь спасения нет! — прильнув к сестре, Бет так отчаянно зарыдала, что Джо испугалась.

— Где болит? Может, позвать маму?

Бет ничего не ответила, лишь одной рукой прикоснулась к сердцу, а другую положила на руку Джо. Но через какое-то время она все же заговорила:

— Нет, не зови маму и завтра ничего ей не говори. Ты только посиди со мной и погладь меня по голове. Я быстро усну, честное слово.

Джо долго гладила сестренку по волосам и вытерла мокрые от слез щеки. Ей очень хотелось поговорить с бедной девочкой, но она понимала: сердце, как бутон цветка, нельзя открыть насилию, надо ждать, пока оно само раскроется.

Уверенная, что знает причину страданий Бет, Джо просто спросила:

— Тебя что-то мучит, милая?

Помедлив, Бет сказала:

— Да, Джо.

— Поделись со мной, может быть, тебе станет легче.

— Только не теперь. Потом, хорошо?

- Я не буду больше спрашивать, но помни, что мы с мамой всегда рады выслушать и помочь, насколько это в наших силах.
- Я знаю и потом все расскажу вам обеим.
- Боль прошла?
- Да, мне намного легче. С тобой так хорошо, Джо.
- Спи, моя радость. Я побуду рядом.

Джо прилегла к ней на постель, и они уснули щека к щеке. Утром Бет казалась такой же, как обычно. И Джо подумала, что в восемнадцать лет ни голова, ни сердце не болят слишком долго.

После той ночи Джо приняла решение. А еще через несколько дней, все обдумав, завела разговор с матерью.

— Помнишь, ты на днях спрашивала, нет ли у меня каких-то желаний. Так вот, я хочу немного развеяться и куда-нибудь уехать на зиму.

— Почему, Джо? — в вопросе миссис Марч прозвучало возражение.

Не поднимая глаз от рукоделия, Джо попыталась объяснить:

— Мне хочется чего-то нового. Я должна видеть, делать и узнавать как можно больше. Мне трудно все время сидеть на месте. Позволь мне немного взбодриться! Если ты можешь эту зиму обойтись без меня, позволь мне вырваться из гнезда. Не бойся, я не хочу улетать слишком далеко.

— Куда же ты полетишь, моя пташка?

— В Нью-Йорк. Мне вчера пришла в голову отличная мысль. Помнишь, миссис Кирк писала тебе, что она ищет молодую особу, которая могла бы присматривать за ее детьми и шить. Пожалуй, это место по мне.

— Джо, это несерьезно. Ведь у нее огромный пансион, — миссис Марч взглянула на дочь с удивлением, но уже без прежней досады.

— Но все же это лучше, чем идти в прислуги. Миссис Кирк — добрый человек и наш друг. Я уверена, она поможет мне справиться с трудностями. Ее родные живут далеко от пансиона, никто меня не знает в Нью-Йорке. Да если и знали бы, что мне до этого? Я буду честно трудиться, и это ничуть меня не унирит.

— Мне тоже кажется, что этим можно только гордиться. Но как же твоя литература? Там у тебя совсем не будет времени.

— Это неважно. Пусть даже у меня не будет времени писать, зато я наберусь новых впечатлений. И вернусь домой с богатым материалом — хватит на целый том новой чепухи.

— Но это единственная причина, по которой ты хочешь уехать?

— Нет, есть еще другая.

— Я могу о ней узнать?

Джо густо покраснела, потом проговорила:

— Может, мне это только показалось, так, от тщеславия... но я опасаюсь, что... Дело в том, что Лори стал ко мне излишне внимателен.

— Ты хочешь сказать, что он увлекся тобой, а у тебя нет в сердце ответного чувства?

— Да, конечно! Мне нравится мой мальчуган, я горжусь им, но ничего другого между нами просто не может быть.

— Ах, Джо, ты даже не представляешь себе, как я этому рада.

— Почему?

— Да потому, что, на мой взгляд, вы совсем не годитесь для совместной жизни. В дружбе вы счастливы, но в семейной жизни просто измучили бы друг друга. Оба волевые, горячие, нетерпеливые. А в супружестве нужны терпение, понимание, прощение. Одной влюбленности слишком мало!

— Ах, мама, как же ты точно выразила то, о чем я сама все это время думала. Я рада, что это, на твой взгляд, просто влюбленность. Было бы грустно, если бы он глубоко страдал из-за меня. А я бы не смогла ответить ему нежностью лишь из одной благодарности.

— Но ты уверена, что нравишься ему?

Джо ответила с тем чувством, какое бывает у девушек, когда они говорят о своем первом ухажере. Радость, переживания, торжество слились в ней воедино.

— Да, мама, я вряд ли ошибаюсь. Его голос, выражение глаз, все... Мне надо уехать.

— Что ж, я согласна. Поскольку есть возможность уехать, надо ею воспользоваться.

Джо обрадовалась и с улыбкой сказала:

— Миссис Моффат удивилась бы, если бы узнала, о чем мы говорили, и, разумеется, обрадовалась бы. Чем Лори не жених для Энни?

— Ах, Джо. Для меня ведь главное, чтобы вы все были счастливы. Мег в общем счастлива, за нее я уже почти не тревожусь. Ты можешь пока наслаждаться свободой, хотя рано или поздно поймешь, что жизнь требует от женщины совсем другого. За Эми я тревожусь — не устроила бы она чего-нибудь с Фредом. Но я верю в ее благородство. В отношении Бет меня тревожит лишь ее здоровье — только бы она поправилась. Кстати, она немного повеселела. Тебе не удалось поговорить с ней?

— Она призналась мне, что ее что-то мучит, и обещала рассказать нам об этом позже. Ну а я и не стала выныривать, тем более что, кажется, знаю причину.

Выслушав предположение Джо, миссис Марч стала оспаривать ее «романтические домыслы», но тем не менее была явно встревожена и несколько раз повторила, что Джо следует уехать.

— Давай не будем ничего говорить Лори заранее. Я хочу исчезнуть, не дав ему опомниться. А Бет пусть пребывает в уверенности, что я еду ради собственного удовольствия. Да ведь так оно и есть отчасти. Лори останется в ее полном распоряжении, она будет его жалеть, утешать, и постепенно он меня забудет. Ему не впервые излечиваться от безнадежной страсти.

Джо старалась говорить легкомысленным тоном, хотя в глубине души опасалась, что ей не скоро суждено избавиться от безнадежной любви Лори.

На семейном совете план Джо получил одобрение. Миссис Кирк вскоре прислала ответ, что рада будет принять Джо под свое крыло. Она заверяла, что работа обеспечит Джо независимость, что вечерами у нее будет свободное время для занятий литературой, что у нее появятся новые знакомства — приятные и полезные.

Джо стала считать дни, оставшиеся до отъезда. Ей было тесно в домашнем гнезде. Независимая, мягкая душа рвалась на волю. Когда все решилось, она не без страха призналась во всем

Лори, но, к ее удивлению, он довольно спокойно принял ее отъезд.

В последнее время он стал очень серьезным, много и усердно занимался, и Джо радовалась, что ее отъезд пришелся на такую благую пору его жизни. Бет тоже казалась веселой и не роптала, что Джо покидает ее. «Так и впрямь будет лучше для всех», — думала Джо.

— Я хочу возложить на тебя некоторые заботы, — сказала она, прощаясь с Бет.

— Твои рукописи?

— Нет, моего мальчугана. Будь к нему добра. Хорошо?

— Я буду — но только кто же заменит ему его девчушку? Он будет очень грустить без Джо.

— Пусть погрустит — это ему на пользу. Но помни: он оставлен на твое попечение.

— Я постараюсь — ради тебя, — ответила Бет, удивляясь, почему сестра смотрит на нее так загадочно.

А Лори, прощаясь, многозначительно объявил:

— Не думай, что можешь укрыться от моего всевидящего ока. Я слежу за тобой, и если что не так, мигом приеду в Нью-Йорк и увезу тебя домой.

Глава X

ДНЕВНИК ДЖО

«Нью-Йорк, ноябрь.

*Дорогие мои мамочка и Бет,
хоть я и не путешествую по Европе, новостей у меня почти так же
много, как у Эми. Когда папино лицо пропало из виду, я сильно
загрустила и готова была уже заплакать, но меня развлекло ир-
ландское семейство. Четыре малыша ревели один громче другого,
и я, чтобы немножко успокоить их, дала им имбирный хлебец.*

*Потом выглянуло солнце, я решила, что это добroe предзнаме-
нование, и порадовалась тому, что я в пути.*

У миссис Кирк я сразу почувствовала себя по-домашнему, хотя вокруг десятки незнакомых людей. Она отвела мне маленькую комнатку под самой крышей — другой свободной не оказалось в пансионе. Да мне и не нужно другой, потому что тут есть печка и прекрасный стол возле окна, так что я могу сидеть и писать допоздна без свечи. Из окна открывается чудесный вид на церковный шпиль. С высокой лестницей я вполне примирилась и уже почти влюблена в свой чердачок.

Детская, где мне предстоит заниматься с девочками, а также шить по заказам пансионеров, — очень уютное помещеньице по соседству с комнатой самой миссис Кирк.

Девчурки очаровательные, правда, сначала они озорничали, но я рассказала им сказку про семью непослушных поросят, и они сразу меня полюбили. Похоже, что я стану образцовой гувернанткой.

Обедать я буду с детьми, хотя миссис Кирк приглашает меня в общую столовую. Но я ведь страшно застенчива. Вы-то это знаете, а она никак не хочет в такое поверить.

При встрече она обратилась ко мне примерно с такой речью:

— Располагайся как дома. Видишь ли, пансион — это моя большая семья. И у меня почти нет времени для моих крошек. Я меньше буду мучиться угрызениями совести, зная, что за ними есть надежный присмотр. Мои комнаты всегда для тебя открыты, а на твоем чердачке мы постепенно создадим уют. По вечерам ты свободна, и советую тебе познакомиться кое с кем в пансионе. Тут есть очень приятные люди. Если что-то окажется не так — сразу ко мне!

Но тут раздался звонок к чаю, она вспомнила, что надо переменить чепец, и оставила меня устраиваться в моем новом гнезде.

Когда я спускалась вниз, случился эпизод, который произвел на меня впечатление. Лестницы здесь высокие и узкие, и я остановилась на площадке подождать, пока поднимется маленькая служанка. Она тащила наверх ведро с углем. Вдруг ее нагнал немолодой мужчина, забрал у нее ведро и донес до двери наверху. А потом добродушно кивнул и сказал с сильным немецким акцентом:

— Фам фредно таскать такие тяжести. Пожалейте свою молодую спинку.

Мне сразу очень понравился этот иностранец. Припомнились слова папы о том, что характер проявляется в мелочах. Когда я рассказала этот эпизод миссис Кирк, она засмеялась и сказала:

— Должно быть, это профессор Баэр, он всегда так поступает.

Из рассказа миссис Кирк я узнала, что он ученый и прибыл из Германии, он очень добрый человек и усыновил двух мальчиков — детей своей покойной сестры, которая была замужем за американцем. История каких много, но что-то в ней взяло меня за душу. Я обрадовалась, узнав, что миссис Кирк нашла ему учеников и предоставляет гостиную, чтобы он проводил там уроки. Между гостиной и детской прозрачная дверь, так что я могу иногда наблюдать за его занятиями. Потом я вам про них напишу. Мама, не бери себе, пожалуйста, ничего в голову. Ему уже около сорока лет.

Кроме миссис Кирк и ее девчурок у меня есть еще один друг — моя рабочая корзинка. После чая я укладываю малышек спать, потом беседую со своей плетеной подружкой, а между делом присаживаюсь к столу и берусь за перо. Я буду вести так называемый дневник-письмо и раз в неделю отсылать его вам. Пока доброй ночи, завтра продолжу.»

«Вторник, вечер.

Ну и утречко у меня выдалось! Девчушки опять принялись озорничать, а я никак не могла придумать, как их унять. Наконец меня осенило обучать их гимнастическим упражнениям. Надо, чтобы они как следует устали, и тогда сами захотят посидеть тихо. После завтрака служанка пошла с ними на прогулку, а я села за шитье. Знаешь, мама, я теперь замечательно обметываю петли.

*Вдруг в соседней комнате скрипнула дверь, и я услышала, как мужской голос напевает «*Kennst du das Land*». При этом он гудел как майский жук или шмель. Это, конечно, очень неприлично, но я чуть-чуть сдвинула портьеру и через стеклянную дверь стала наблюдать, что делается в большой гостиной.*

Профессор Баэр раскладывал на столе свои книги, а я в это время разглядывала его. Он типичный немец — довольно плотный, с пышной бородой и постоянно взъерошенными волосами. Нос у него крупный, глаза голубые, очень добрые. Самое, пожалуй, привлекательное

в нем – это голос. До чего же американцы грубы в сравнении с ним! А в общем... Руки у него большие, черты лица совсем неправильные, только зубы красивые и ровные. И все-таки, понимаешь, он выглядит как джентльмен, хотя на сюртуке у него не хватает пуговиц, а на одном ботинке я заметила заплату.

Я продолжала за ним наблюдать. Он весело напевал, при этом лицо у него было серьезное. Он переставил горшок с гиацинтами на подоконнике на солнце, погладил кошку, которая ласкалась о его ноги, и наконец улыбнулся. И тут в дверь постучали, он откликнулся звонко и бодро:

— *Herein!*¹

Я уже собиралась задернуть портьеру, как вдруг увидела девочку с огромной книгой в руках. Она споткнулась, уронила на пол свой фолиант и побежала к профессору, повторяя: «Где мой Баэр?»

— Фот как тфой Баэр обнимет сфую Тину! — профессор со смехом поднял девочку над головой так высоко, что ей пришлось изогнуться, чтобы поцеловать его.

— *Теперь пора за уроки!* — серьезно проговорила малышка.

Он усадил ее за стол, поднял с полу книгу — это был словарь, дал ей карандаш и бумагу. Она старательно писала, при этом то и дело заглядывала в словарь и водила пухлым пальчиком по строчкам в поисках нужного слова. Профессор стоял рядом, ласково гладил ее красивые волосы. В какой-то момент я даже подумала, что она его дочка. Хотя больше похожа на француженку, чем на немку.

Потом опять раздался стук в дверь, вошли две взрослые девицы, и я перестала наблюдать. Правда, до меня доносились обрывки разговоров. Одна из учениц все время смеялась глуповатым смехом и повторяла: «Да что вы, профессор?» Я почти не знаю немецкого, но даже меня смутило их произношение. Похоже, они испытывали его терпение. Один раз он сказал очень сурово: «Я фам гофорю, а фы не слушаете», а потом даже стукнул по столу книгой: «Фу! Фсе плохо!»

Мне стало очень жаль бедного Баэра. Когда девицы удалились, я опять отодвинула портьеру, чтобы взглянуть, как он все это вынес. Он сидел на диване с закрытыми глазами, наверно, дремал,

¹ Войдите! (нем.)

тут часы пробили дважды, он рассовал по карманам бумаги и книги, взял на руки маленькую Тину, тоже уснувшую рядом с ним на диване, и осторожно унес. Наверно, у него нелегкая жизнь.

Миссис Кирк предложила мне в пять часов сойти в столовую отобедать вместе со всеми. И я вдруг обрадовалась этому, потому что неожиданно почувствовала себя одиноко. Захотелось узнать, что за люди живут под одной крышей со мною. Идя в столовую, я старалась спрятаться за спину миссис Кирк, хотя практически это невозможно — она очень маленького роста. Миссис Кирк посадила меня рядом с собою. Как только у меня прошел приступ застенчивости, я решилась оглядеть своих соседей.

Места за столом не хватало для всех, и мужчины старались поесть побыстрее, чтобы скорее уступить место другим. В целом общество не представляло собой ничего особенного: молодые люди, занятые собой; супруги, занятые друг другом; молодые матери, занятые своими детьми; почтенные господа, занятые политикой... Нашлась только одна незамужняя леди, с которой мне захотелось познакомиться поближе.

Профессор сидел поодаль от меня; его соседом справа был тугухий старик, а слева сидел француз, с которым Бауэр вел философские беседы. Эми, наверно, отвернулась бы от мистера Баэра: аппетит у него просто мужицкий, и нашу красавицу-европеянку очень смущила бы его манера орудовать большой ложкой. Но что касается меня, то мне по душе, когда люди ведут себя просто и едят с удовольствием, «от пуза», как сказала бы Ханна. И потом, весь день уча бестолочей, наверно, теряешь немало сил.

Поднимаясь к себе после обеда, я невольно подслушала разговор двух молодых людей, которые надевали перед высоким зеркалом шляпы.

- Кто эта новенькая?
- Что-то вроде гувернантки.
- Тогда какого черта она сидит за общим столом?
- Ну, старуха считает ее своим другом.
- У нее красивое лицо, но нет стиля.
- Вполне с тобой согласен. Пойдем покурим.

Сначала я рассердилась, а потом мне стало все равно. Чем гувернантка хуже клерка?

Стиля у меня, может быть, и нет, но есть здравый смысл. И манеры у меня, думаю, получше, чем у этих господ, которые говорят пошлости и дымят, как печные трубы. Терпеть не могу ординарных людей!»

«Четверг.

Вчераший день прошел тихо. Я шила, занималась с детьми, писала в своей маленькой уютной комнатке с камином. Узнала еще кое-что об обитателях пансиона. Да, меня, наконец, представили профессору.

Оказывается, Тина – дочка француженки, которая работает при пансионе – гладит тонкое белье. Это ей он помог доставить уголь по лестнице. Малышка просто влюблена в мистера Баэра и бегает за ним по пятам, как собачонка. Ему это нравится, он страшно любит детей, хоть и холостяк. Китти и Минни Кирк тоже говорят о нем с любовью, рассказывают, какие он придумывает игры, дарит подарки и сочиняет сказки. Молодые люди в пансионе подшучивают над ним, зовут его Старина Фриц, Пивной Бочонок и Медведь (по звунию с фамилией). У нас в Америке всегда подтрунивают над немцами, но он сам подхватывает шутки на свой счет, и все, в общем-то, любят его.

Незамужнюю даму, о которой я писала, зовут мисс Нортон. Она добрая, образованная и богатая. Сегодня за обедом (я не выдержала и опять пошла в столовую – пусть не всем по душе мое соседство, но мне интересно наблюдать за людьми) мы разговорились с ней, а потом она позвала меня к себе в комнату. У нее хорошая библиотека, много картин, она знакома со знаменитостями и при этом очень доброжелательна. Я стараюсь ей понравиться – мне ведь тоже хочется попасть в «общество», хотя я вкладываю в это понятие несколько иной смысл, чем Эми.

Вчера вечером я сидела в гостиной, и вдруг появился Баэр с газетами для миссис Кирк. Так как ее не было, Минни решила сама меня представить:

– Это мисс Марч, мамина подруга.

После чего этот бесенок Китти принялась рассказывать, какая я веселая и как они меня любят.

Мы с Баэром поклонились друг другу, а потом оба рассмеялись.

— Я слышал, что эти маленькие шалуны вам иногда досаждают. Если что, позовите меня, я их вразумлю! — он грозно нахмурился, что привело в восторг наших негодниц.

Вскоре он ушел, но, похоже, мы с ним будем видеться часто. Дело в том, что сегодня, поднимаясь к себе наверх, я случайно зацепила зонтиком ручку его двери, и она распахнулась. Баэр стоял у окна в халате и штопал носок. Ничуть не смущаясь, он помахал мне рукой, в которой держал носок, и сказал громко и весело:

— Счастливой вам прогулки, мадемуазель. Погода чудесная.

Сначала я рассмеялась, а потом загрустила, подумав, что бедняге приходится самому чинить свою одежду. Правда, я знаю, что в Германии мужчины любят вышивать, но они делают это, вероятно, «из любви к искусству». А штопать носки — какое уж тут искусство!»

«Суббота.

Писать особенно не о чем, разве что о моем визите к мисс Нортон. У нее в комнате много красивых вещей. Она была очень любезна, показывая свои сокровища, и просила сопровождать ее в театр и на публичные лекции. Просила как об одолжении, наверно, миссис Кирк рассказала ей о нашей семье, что мы бедны, и она хочет ненавязчиво принять во мне участие. Вот такие благодеяния меня никогда не тяготят. Я не только благодарна, но горда, как Люцифер.

Возвращаясь от нее в детскую, я услышала невообразимый шум. Заглянула в гостиную и увидела такую картину: Баэр стоит на четвереньках, Тина сидит у него на спине, а Минни кормит печеньем двух мальчуганов, посаженных в «клетки», сооруженные из стульев. Китти объяснила мне, что они играют в зверинец.

— Это мой слоник, — сообщила Тина, дергая за волосы профессора.

— Когда приходят в гости Франц и Эмиль, мама нам все разрешает. Правда, мистер Баэр? — спросила Тина.

«Слоник» присел на стул и совершенно серьезно сказал, обращаясь ко мне:

— Да, истинная правда. Но если мы будем чересчур безобразничать, вы нам только скажите «цыц» — и мы перестанем.

Я обещала, но на самом деле с удовольствием смотрела на их восхитительные шалости. Они играли в пятнашки и в войну, плясали, пели, а когда устали, пристроились на диване, и профессор рассказывал сказки про аиста на крыше и про кобольдов, летающих верхом на снежинках. Да, американцы редко бывают столь же по-детски непосредственны, как немцы.

Мне чрезвычайно нравится писать вам письма. Я бы писала и больше, но боюсь разориться на почтовых марках. Когда вы запомните письма Эми наизусть, перешлите их мне. Моим скромным новостям не стоит и тягаться с теми впечатлениями, которые переживает наша путешественница, но я знаю, мама, что тебя они порадуют. Неужели Тедди так заучился, что ему уже некогда черкнуть пару строк старой приятельнице? Позаботься о нем немного, Бет, а мне напиши о Дейзи и Деми.

Всем приветы от верной Джо.

P. S. Перечитала письмо. Только сейчас заметила, что львиная его доля посвящена Баэру. Что поделаешь? Меня всегда занимали необычные люди. И потом мне больше почти не о чем писать. Храни вас Бог.»

«Декабрь.

Милая моя Бет,
похоже, это письмо получится несколько сумбурным, поэтому давай я адресую его тебе. Расскажу кое-что о моей новой жизни, — ничего особенного, но довольно забавное, так что повеселись и порадуйся со мной вместе.

Помнишь, маленькая Эми однажды сказала вместо «геркулесовы подвиги» «геркуланомовы подвиги»? Так вот, я тоже совершаю геркуланомовы подвиги на педагогическом поприще. Врачуя умственно и духовно юные побеги, пытаясь повернуть каждую веточку в желаемом направлении. Признаюсь, с девчурками Кирк

мне не так интересно заниматься, как с Эмилем и Францем, — смесь немецкого и американского духа породила их неповторимый темперамент. Но и в отношении девочек я исполняю свой долг, и к тому же они меня любят.

В субботу мы всегда замечательно проводим время. Если погода хорошая, все детское общество пансиона выходит на прогулку, как в школе, а мы с профессором следим за порядком. Я безмерно люблю такие дни.

Мы очень сдружились с профессором, и, знаешь, я стала брать у него уроки немецкого. Впрочем, этому предшествовали некоторые забавные обстоятельства. Расскажу обо всем по порядку. Однажды я проходила мимо комнаты Баэра, и миссис Кирк, делавшая у него в это время уборку, окликнула меня.

— Ну и «порядок» у него! Ты когда-нибудь такое видела? Недавно я дала ему шесть носовых платков, и вот сейчас перевернула все вверх дном и ни одного не могу отыскать.

Да уж, действительно «oberlogово»! Все вперемешку: бумаги, книги, пенковая трубка, флейта... Тут же клетка с птичкой, не раз попадавшей в лапы коту, коробка с белыми мышами, а по всей комнате раскиданы бумажные кораблики и другие знаки присутствия мальчишек, которые его буквально поработили.

Три платка после долгих поисков все же удалось обнаружить: один был засунут между прутьев птичьей клетки, другой служил перочисткой, а третий, уже полуобгоревший, — прихваткой.

— Ну что за человек! Я уверена, что остальные три пошли либо на бинты, либо на паруса корабликам, либо на хвосты воздушным змеям. И я не могу его ругать — он такой добрый, так любит этих ребят, которые вконец его замучили. Мне ведь самой стыдно, что у него такой вид. Я даже готова взять на себя его хозяйство — постирать, починить. Но он сам почему-то никогда не дает мне своих вещей. А я не могу каждый раз вот так у него копаться. Неудивительно, что его одежда оказывается в плачевном состоянии.

После этого разговора я решила, что возьму на себя стирку и починку вещей Баэра. Он ведь так добр ко мне: приносит с почты письма от вас, разрешает пользоваться своей библиотекой.

Пока миссис Кирк продолжала уборку, я успела надвязать носки, которые он испортил своей штопкой. Мы решили ему ничего не говорить, а он по рассеянности ничего не замечал, но вот на прошлой неделе он меня «поймал».

Когда я нахожусь в детской, Тина часто вбегает и убегает, оставляя дверь в гостиную открытой. И я решила этим воспользоваться — стала слушать уроки, которые он дает своим ученикам. В один из таких дней сидела я у двери, заканчивала вязать носок, заодно пытаясь понять объяснения профессора новой ученице, бесполковой не меньше меня. Потом она ушла, и я решила, что он тоже. И вот сижу я, раскачиваюсь в кресле-качалке, спрягаю немецкий глагол и слышу какой-то шорох. Поднимаю глаза — вижу Баэра, который стоит в дверях, посмеивается и делает Тине знаки не выдавать его.

Я встала и стою в растерянности, не зная, что ему сказать.

— Так вот оно что! Все собирался прийти к вам с повинной, что иной раз я за вами подглядываю. Но оказывается, и вы не остаетесь в долгу!.. Что же вы не сказали, что хотите учить немецкий?

Я покраснела, стала говорить, что он и без того слишком занят, а мне языки даются плохо.

— Мы найдем у меня фремя, а у фас способности! Я же должен чем-то оплатить свой долг, — и он указал рукой на мою работу. — А то добрые женщины думают, будто я до такой степени слеп, что ничего не вижу, ничего не соображаю и мне кажется, что дыры сами затягиваются, пуговицы самостоятельно пришиваются и шнурки без чьей-либо помощи срастаются. Но у меня есть глаза, и я вижу многое. У меня есть сердце — и я вас благодарю. Итак, или я даю вам уроки, или запрещаю вам все это делать!

Ну, я, конечно, с радостью ухватилась за столь прекрасную возможность. Я взяла у него уже четыре урока. С грамматикой у меня скверно, порой он смотрит на меня, едва скрывая отчаяние. Я даже не знаю, смеяться мне или плакать.

Однажды я уже готова была собрать свои бумаги и, попросив у него прощения, отказаться от занятий, как вдруг он обратился ко мне, радостный и сияющий, словно я добилась каких-то невероятных успехов:

— Мы попробуем по-другому! Этот скучный учебник мы забросим в угол за то, что он доставил нам огорчения, а взамен возьмем вот эту маленькую сказку.

То был немецкий перевод сказки Андерсена. Как же я старалась. Спотыкалась на длинных словах, исправляла саму себя, начинала все снова. И когда я закончила первую страницу, он зааплодировал!

— Карошо! Теперь послушайте, я сам почитаю дальше.

Он с таким выражением читал мне «Стойкого оловянного солдатика» и так страстельно выговаривал слова, что я и смеялась, и плакала в тех местах, где это подобает. Хотя и половины не понимала.

Такой способ обучения мне больше подходит. Я глотаю грамматику в сказке, как горькую пилюлю с ложкой меда. Мне захотелось сделать ему подарок на Рождество. Посоветуйте что-нибудь вместе с мамой.

Я рада, что Лори занялся делами, бросил курить и стал отращивать волосы. Я вижу, Бет, что ты лучше меня справляешься с ним. Я не ревную. Только боюсь, что ты сделаешь из него святого, а ведь мне были симпатичны его маленькие грехи и слабости ничуть не меньше, чем его хорошие черты. Читай ему иногда мои письма. Мне некогда писать каждому в отдельности. Я так счастлива, милая Бет, что тебе лучше.»

«Январь.

Счастливого Нового года всем, включая мистера Лоренса и Тедди. Вы не представляете себе, как меня обрадовала ваша рождественская посылка. Мне принесли ее уже ближе к ночи, когда я, признаться, потеряла всякую надежду. Письмо пришло раньше, но там о посылке ни слова. Понятно, что вы хотели сделать мне сюрприз, но я, прочитав письмо, немножко взгрустнула. И вот мне приносят в комнату посылку — большую, забрызганную грязью. Я обхватила ее обеими руками и несколько минут плакала. Все такое нежданное, домашнее, желанное... Потом я уселась на полу и читала, рассматривала, жевала, смеялась, плакала... Вы ведь знаете, как по-глупому я способна переживать радость. Новый писательский передник от Бет — просто чудо. А имбирные пряники Ханны

такие, что я чуть не проглотила язык. Я, конечно, буду в холодные дни носить теплое белье, которое прислала мама, и внимательно прочту все книги из папиного списка. Большущее вам всем спасибо!

Кстати, коли зашла речь о книгах. На Новый год мистер Баэр подарил мне огромный том Шекспира, которым он сам очень дорожил. Раньше он стоял у него на полке на самом почетном месте рядом с Библией, Платоном, Гомером, Мильтоном. Мистер Баэр, вероятно, заметил, что я частенько поглядываю на эту книгу. И вот он принес мне ее с надписью: «Любезной мисс Марч от ее друга Фридриха Баэра».

— Вы говорили, что хотите иметь большую библиотеку. Это тоже своего рода библиотека под одной обложкой. Читайте его внимательно, он вам очень пригодится. Он исследует человеческий характер и научит вас разбираться в людях и изображать их своим пером.

Я рада, что он понравился вам по моим описаниям. Думаю, что когда-нибудь вы с ним познакомитесь. Маме придется по душе его добре сердце, а папе — его умная голова. Я же люблю в нем и то и другое, мой друг Фридрих — настоящее сокровище.

Не располагая большими деньгами, я, как вы мне советовали, накупила ему разную мелочь — забавную, изящную и полезную: чернильный прибор, вазочку для цветов, прихватку для кочерги — чтобы ему не жечь «мушуары» (словечко Эми). Сам он на Рождество одарил буквально всех, не забыв ни мисс Нортон, ни прачки-француженки, ни служанки, ни детей.

В пансионе на Новый год устроили маскарад. Сначала я не собиралась идти, потому что у меня не было костюма. Но миссис Кирк принесла мне парковое платье, а мисс Нортон одолжила кружева и перья. Из этого я придумала и создала образ Аллегории. Я изменила голос и, кажется, во время карнавала осталась неузнанной. Меня здесь все считают чопорной, высокомерной, а на празднике я смеялась, пела и изрекала смешные афоризмы. Когда же я сняла маску, видели бы вы, как на меня уставился один молодой человек! Потом он говорил своему приятелю, что я актриса и он видел меня в театре. Можете рассказать это Мег — она повеселится. Мистер Баэр был в костюме ткача Основы, а Тина изображала Титанию.

Позже, подводя итоги прошедшего года, я подумала, что, несмотря на неудачи, все же кое-чего добилась. Я многое узнала и многому научилась, меньше жалуюсь и гневаюсь, с большей охотой работаю и интересуюсь другими людьми. Пожелайте мне успехов. Да благословит вас Господь!

*Любящая вас
Джо.»*

Глава XI

ДРУГ

Как ни была Джо увлечена новым кругом общения, как ни утомляла ее каждодневная работа ради хлеба насущного, — она по-прежнему находила время, чтобы писать. Цель, которую Джо поставила перед собою, была вполне понятной и оправданной для бедной девушки, уверенной в своих способностях. Но вряд ли она выбрала наилучшие средства для достижения этой цели. Понимая, что большие деньги дают большие возможности, она желала добиться и денег, и возможностей, причем не для себя одной, но прежде всего для тех, кого любила больше, чем саму себя.

Устроить с удобствами семью, даже зимой кормить Бет клубникой, купить для нее новый рояль, совершиТЬ путешествие по Европе вместе с Эми и позволить себе роскошь заняться благотворительностью — таковы были ее заветные мечты. Шанс для их осуществления предоставил литературный конкурс на лучшую занимательную историю. Неудача, постигшая ее последний роман, на время выбила Джо из колеи. Но, подобно Джеку из сказки, испугавшись поначалу великана, каковым ей представлялось общественное мнение, она решила взобраться на бобовый стебель с другой стороны. Кое-чего она, надо признать, добилась на этой по сути неверной стезе, но едва не потеряла то, что дороже любых сокровищ.

Джо принялась писать разного рода пустые развлекательные истории. Надо сказать, что в ту пору разброда и шатаний даже наиболее взыскательные американцы стали зачитывать всяким вздором. Ни с кем не советуясь, Джо сочинила остро-сюжетный рассказ и решила не отправлять его по почте, а отнести свое творение мистеру Дэшвуду, редактору одного популярного еженедельника.

Для такого случая Джо надела свое самое лучшее платье. И хотя она не читала знаменитое сочинение Карлейля о том, как воздействует внешний вид на восприятие человека другими людьми, женское чутье подсказало ей, что в редакциях еженедельников чаще всего «встречают по одежке». Убедив себя, что она совершенно не волнуется, Джо преодолела несколько маршей грязной лестницы и вошла в мрачную каморку, где располагались, положив ноги на стол, трое джентльменов. Они сидели в надвинутых до самых бровей шляпах и курили сигары. При ее появлении никто из них не встал, не погасил сигару и не снял шляпу. Изумленная таким приемом, Джо замялась на пороге и пробормотала в смущении:

— Скажите, где тут редакция и как мне найти мистера Дэшвуда?

После ее слов самый развязный и прокуренный из трех джентльменов нехотя опустил ноги, поднялся и шагнул ей навстречу.

Преодолевая смущение, Джо выдавила из себя заранее подготовленную речь:

— Моя подруга попросила принести вам ее рассказ... Она просто так... Хотела бы услышать ваше мнение. Но если подойдет, то она будет писать еще.

Пока она запиналась и краснела, Дэшвуд грязными пальцами листал страницы и окидывал критическим взглядом аккуратно выведенныес строчки.

— Это у нее уже не первая попытка? — спросил он, поскольку отметил, что текст написан не с двух сторон, рукопись не скатана в трубку и не перевязана лентой и страницы даже пронумерованы.

— Нет, сэр. Она даже получила приз... Где-то в Ирландии.

— Даже так? — мистер Дэшвуд окинул Джо быстрым взглядом, оценив все, что на ней было, от пера на шляпке до пуговок на ботинках. — Что ж, если хотите, оставьте. Таких рукописей нам нанесли вообще-то целую груду, но я честно ознакомлюсь с этим и дам ответ через неделю.

«Какой он неприятный, этот мистер Дэшвуд», — подумала Джо, которой ничего не оставалось, как откланяться и удалиться с гордым видом. Она всегда выглядела очень высокомерной, когда была чем-то уязвлена или раздосадована. А обижаться ей было на что. Во-первых, Джо недвусмысленно дали понять, что не верят в существование «подруги». А во-вторых, едва она закрыла за собою дверь, как все три редактора разразились гомерическим хохотом.

«Пусть пропадает рукопись — я ни за что сюда не вернусь!» — решила Джо.

Придя домой, она, чтобы отвлечься и успокоиться, сшила один за другим два передника. А через пару часов уже от души смеялась над сценой в редакции. А отсмеявшись, стала считать дни — ей хотелось знать судьбу рукописи.

Когда Джо в следующий раз посетила редакцию, мистер Дэшвуд был в каморке один. Он уже не казался таким развязным и рассеянным, не курил и даже следил за своими манерами. Одним словом, при второй встрече он понравился Джо значительно больше.

— Мы согласны это взять (редакторы всегда говорят о себе во множественном числе), если вы не будете возражать против некоторых сокращений. Для нас это длинно, но если убрать помеченные места, будет в самый раз.

Проглядывая свою рукопись, исчерканную и измятую, Джо чувствовала себя как мать, у которой уродуют ребенка, укладывая его в прокрустово ложе. Убрать ей предлагали размышления, которые она вставила в качестве противовеса занимательным и любовным сценам.

— Но, сэр, в каждой истории должна быть какая-то мораль. Надо, чтобы хоть кто-то из грешников раскаялся.

Дэшвуд не удержался от улыбки: Джо явно забыла о «подруге» и защищала свою рукопись так, как мог защищать только автор.

— Мораль в наши дни не популярна. Люди хотят, чтобы их развлекали, а не поучали, — категорически заметил он.

— А с этими изменениями рассказ пройдет?

— Да, сюжет интересный, язык хороший. Я вас поздравляю, — любезно проговорил мистер Дэшвуд.

— Ну а вот... Я о вознаграждении... — Джо не знала, какое подобрать слово.

— Ах да! За подобные вещи мы платим от двадцати пяти до тридцати долларов. Но выплата после публикации, — ответил он небрежно, словно вопрос о деньгах был ниже его редакторского достоинства.

— Очень хорошо, я оставляю рукопись, — Джо была явно довольна: все-таки ей сразу заплатят двадцать пять долларов — это не доллар за колонку. — А если я найду у моей подруги рассказ лучше, чем этот, можно его принести? — спросила окрыленная успехом Джо, не ведая о том, что давно уже выдала себя с головой.

— Посмотрим. Передайте ей, чтобы писала короче. И никакой морали. Какое имя она желает поставить? — небрежно спросил мистер Дэшвуд.

— Напечатайте без подписи. Настоящее имя она не хочет указывать, а хороший псевдоним пока не придумала, — ответила Джо, невольно краснея.

— Что ж, как ей угодно! Публикация на следующей неделе. Деньги вам прислать или сами зайдете? — мистер Дэшвуд испытывал понятное желание узнать наверняка, кто его новый автор.

— Я зайду. До свидания, сэр.

«Бедная и гордая — то, что мне нужно», — подумал Дэшвуд, закуривая сигару и укладывая ноги на стол.

Вдохновленная похвалой Дэшвуда и примером миссис Нотбери, Джо пустилась в плавание по морям развлекательной литературы. И, кто знает, быть может, на этом пути она опустилась бы на самое дно, если бы дружеская рука вовремя не бросила ей спасательный круг...

Как большинство начинающих авторов, Джо «отправлялась» за своими персонажами за границу. Бандиты, графы, цыганки,

монахини, герцогини сменяли друг друга на страницах ее повествований. Легкомысленные читатели интересовались исключительно занимательностью сюжетов, которыми Дэшвуд и позволял ей за ничтожную плату заполнять колонку за колонкой. Джо не знала, что причина такого радушия была проста — самый плодовитый из его литературных поденщиков, прельстившись более высокой платой, подло сбежал от Дэшвуда.

Она увлеклась своей работой, поскольку ее кошелек стал заметно пополняться, обещая им с Бет поездку в горы. Ее лишь огорчало, что приходится держать свой литературный труд втайне от домашних. Родители, конечно, не одобрили бы такую чепуху, но пока она будет продолжать в том же духе — а прощения попросит, когда вернется домой. Сохранить тайну оказалось нетрудно, ведь работы выходили без подписи. Конечно, Дэшвуд быстро узнал ее имя, но обещал молчать и, как ни странно, обещание выполнил.

Разумеется, ее не оставляла мечта начать писать настоящую прозу. Но на данном отрезке жизненного пути она работала на мистера Дэшвуда, а он предъявлял к ней только одно требование — потрясать души читателей. В поисках средств для таких потрясений ей приходилось изучать многое: историю и литературу, географию и астрономию, полицейскую хронику и труды по психиатрии. Вскоре Джо поняла, что ничего не знает о том мире, который называют «общественным дном», и с присущей ей энергией взялась восполнять пробелы. Схемы будущих сюжетов она выискивала в газетах, вчитываясь в заметки о происшествиях, несчастных случаях и преступлениях. Библиотекари косо посматривали на нее, когда она просила подобрать ей литературу о свойствах ядов. Джо подмечала повадки незнакомых и изучала характеры знакомых людей — хорошие, дурные и самые ординарные; и всегда помнила, что новое — это хорошо забытое старое, а потому пристально вчитывалась в исторические хроники, выискивая и в них все, что относилось к страданиям, грехам и безумию. Она полагала, что все ее труды идут исключительно на пользу дела, но вышло так, что труд этот начал осквер-

нять ее душу. Пусть не на самом деле, а только в воображении, но она обитала в дурном обществе, и оно развращало ее. Она питала сердце и ум грубой и нездоровой пищей, вынужденно постигая темную сторону жизни, и это не могло не сказаться на ее душевном здоровье.

Дошло до того, что поступки порочных и жестоких людей она стала примеривать к себе, — а это опасное занятие для молодого неокрепшего ума. Неверные поступки всегда влекут за собой наказание; и оно пришло, как раз тогда, когда Джо больше всего в этом нуждалась.

К счастью для Джо, ее душа тянулась ко всему честному, смелому, настоящему. К тому же она теперь много читала Шекспира, и призраки зла нехотя отступали в ее сознании перед образом героя, наделенного всеми возможными совершенствами. И тут вдруг она открыла для себя идеал в лице живого и конкретного человека, которому были присущи многие забавные недостатки.

Однажды по ходу беседы мистер Баэр заметил, что ей следует изучать цельные, красивые и чистые натуры, так как это является хорошей школой для писателя. И Джо подумала, что далеко ходить за примером не надо — она займется изучением самого мистера Баэра. Прознай об этом профессор, надо полагать, он был бы крайне удивлен, потому что считал себя человеком обычным, ничем не примечательным.

И тем не менее все любили его. Почему? Он не был ни состоятелен, ни родовит, ни молод, ни красив, и совсем не походил на тех людей, которых называют обворожительными или обаятельными. Но люди тянулись к нему, как тянутся в холодный день к горячemu камину или костру. Он нуждался в деньгах, но все время делал кому-нибудь подарки; он был чужестранец, но почти в каждом видел друга; он был не молод, но умел радоваться жизни, как мальчишка; он был некрасивым и чудаковатым, но многие находили, что он прекрасно выглядит, и охотно прощали ему все странности.

Джо часто наблюдала за ним, пытаясь понять эту парадоксальность, и пришла к выводу, что все дело в его сердце. Конечно, в жизни профессора случались большие неприятности, тем не менее он умело скрывал печаль, всегда обращаясь к миру своей светлой стороной. Время не оставило на его лице грубых следов: симпатичные складки у рта и морщины на лбу являлись памятью веселого смеха и добрых слов. Даже когда он напускал на себя строгость, глаза выдавали его, они никак не хотели становиться суровыми. А его крепкое дружеское рукопожатие говорило больше, чем могли выразить слова.

Приветливость его натуры сквозила даже в одежде – ей как будто нравилось принадлежать хозяину. Просторный жилет соответствовал широте его души, выцветшее пальто свидетельствовало о подвижности и общительности хозяина, а оттянутые карманы красноречиво подтверждали, что мистер Баэр любит одаривать всех и вся. Даже у его ботинок был доброжелательный вид, а воротнички никогда не врезались в шею, как у других мужчин.

Да, все дело в этом. Благородная доброта к людям – вот что отличало этого бедного иностранца, который сам штопал себе носки, набрасывался на еду, как волк, и носил медвежью фамилию.

Высоко целя в людях доброту, Джо, однако, в такой же степени почитала и ум. И вот один случай довершил облик профессора: как-то к Баэру приехал в гости соотечественник, и в разговоре с мисс Нортон обмолвился, что у себя на родине, в своем родном городе, профессор – человек весьма известный и почитаемый, которого все ценят за большие познания и редкие человеческие качества. А здесь он всего-навсего бедный учитель. Это открытие сделало образ профессора возвышенным и романтическим в глазах Джо.

А в следующий раз она открыла в Баэре новую черту – более значительную, чем ум. С некоторых пор Джо стала входа в литературные круги, куда ее ввела мисс Нортон. Однокой женщины приглянулась любознательная и честолюбивая девушка, и она стала покровительствовать Джо так же, как и немецкому профессору.

Однажды она взяла их на обед, даваемый в честь каких-то знаменитостей, где обещало собраться самое изысканное общество. Джо пошла туда, чтобы увидеть вблизи тех, кого боготворила издали. И тут ей пришлось убедиться, что великие мира сего – всего лишь люди со всеми присущими им слабостями. Она увидела, как знаменитый поэт, чьи строфы она с упоением читала по ночам, с красным лицом обжоры уплетает устриц и как великий романист не сводит глаз с заветных графинчиков. Она узнала, что знаменитый теолог грубо и похотливо флиртует с современной Кориной и что новая мадам де Стель словоохотлива до невозможности.

Пиршество еще было в самом разгаре, а Джо уже чувствовала себя измученной оттого, что воодушевлявшие ее иллюзии рассыпались в прах. Мистер Баэр тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Два известных философа мельтешили перед его носом, ожидая случая вызвать его на интеллектуальный поединок. Их разговор был единственным, что доставило Джо некоторое удовольствие, хотя Кант и Гегель остались для нее неведомыми богами, а Субъективное и Объективное с трудом поддавались пониманию. Философы на глазах разбивали мир на куски, созидали его заново и готовы были упразднить религию, провозгласив разум единственным божеством. Их рассуждения увлекли и захватили Джо, ее понесло по течению, как бумажный кораблик. Она оглянулась на профессора и увидела, что он слушает философов с самым мрачным выражением лица. Заметив ее взгляд, Баэр подошел к Джо и предложил уйти вместе. Однако, несмотря на головную боль, ей захотелось понять, что же такое новое эти ученыe мужи намерены воздвигнуть взамен старого.

Мистер Баэр не любил споров, потому что был скромен и не хотел обсуждать с посторонними свои выстраданные убеждения. Но переведя взгляд с Джо на нескольких молодых людей, тоже воодушевленных спором, он решил вступить в борьбу за неокрепшие души. И как только его попросили высказать свое мнение, он с восхитительным красноречием встал на защиту Истинны в лице Вездесущего и Всесильного Бога Творца. Теперь его

несовершенный английский звучал как чудесная музыка, его невзрачное лицо стало самым красивым на свете. Ему пришлось выдержать не одну схватку, потому что ученые мужи умели спорить, но он, как отважный боец, сумел отстоять свое знамя. Его речь вернула для Джо мир в привычное состояние. Никто бы теперь не заставил ее усомниться в истинности Бога, бессмертия и новой жизни. Все другое — выдумка, а сказанное Баэром — правда.

Джо хотелось аплодировать ему. Она понимала, что профессору, чье имя никому не было здесь известно, трудно было вступить в спор, но совесть не позволила ему промолчать. Да, обладание цельной и сильной натурой лучше всех богатств. И если величие, по выражению одного мудрого человека, это «правда, благоговение и добрая воля», то ее друг Фридрих Баэр не просто хороший, но великий человек.

Она по-новому оценила его внимание к себе, ей захотелось добиться его уважения, захотелось стать достойной его дружбы. И именно тогда, когда желание это было особенно горячим, все едва не рухнуло.

Начало всем бедам положила треуголка. Однажды профессор вошел в гостиную, чтобы заняться с Джо очередным уроком, и на его голове красовался этот военный головной убор, сделанный из бумаги: Тина, как всегда, надела его на профессора, а он позабыл снять.

«Он, наверно, никогда не смотрит на себя в зеркало», — с улыбкой подумала Джо, но вслух ничего не сказала.

Поздоровавшись, он занял свое учительское место, не подозревая о том, какой комический диссонанс возник между его внешностью и темой урока: он должен был разбирать с Джо «Смерть Валленштейна».

Джо молчала и думала о том, как громко, от души он будет смеяться, обнаружив последствия своей рассеянности. Джо очень нравилась его способность смеяться над самим собой.

Слушать, как он читает Шиллера, было для нее одно удовольствие. Потом начались серьезные вопросы, а у Джо было самое что ни на есть веселое настроение, так как бумажная треуголка

все время маячила перед ее глазами и заставляла их искриться задорным смехом. Профессор недоумевал. Что это с ней такое? Наконец, не выдержав, он обратился к ней — с удивлением, но очень мягко:

— Миз Марч, отчено это фы смеетесь ф клаза сфоему учителю? Разве у фас нет ко мне уфажения?

— Между прочим, у вас ко мне тоже. — Джо показалось, что она нашла остроумный выход. — В присутствии дамы вы не сняли головной убор.

Профессор потешно вздрогнул, потом нащупал и снял бумажную треуголку и уставился на нее так, словно видел впервые. Через мгновение он уже смеялся раскатистым хохотом, похожим на рокот большого контрабаса.

— Аха! Это бесенок Тина очередной раз фыставила меня на посмеиче. Однако я кое-что притумал. Это у нас будит «дуратцкий колпак». Его будут носить те, кто плехо готовит уроки. Боюсь, что сегодня и фам притется его примерить.

И тут вдруг Джо заметила на лице у профессора гримасу отвращения. Расправив треуголку и просматривая газетный лист, из которого она была сделана, он проговорил с горечью:

— Я не хочу фидеть в доме подопные казеты! Они фредны молодежи, а детям просто нельзя их показыфать. Кто их фыпускает, делает большое зло!

Джо придинула к себе лист. Посередине красовался рисунок, изображавший змею, сумасшедшего, убийцу, мертвеца... Джо подумалось, что это газета Дэшвуда с ее собственной публикацией. Но нет, газета была другая. Хотя если бы даже и та — какая разница? Она ведь не ставила подписи под своими рассказами. И все же она выдала себя жгучим румянцем на щеках и пристыженным взглядом. Профессор, хоть и слыл рассеянным человеком, на деле замечал многое из того, о чем другие и не подозревали.

Баэру было известно, что Джо пишет рассказы и где-то уже печатается. К тому же он частенько сталкивался с нею в квартале, где располагались редакционные конторы. Ему, конечно,

ужасно хотелось познакомиться с ее работами, но сама Джо никогда не предлагала, а он стеснялся попросить. И вот теперь ему пришло в голову, что она не показывает того, что публикует, не из скромности, как он полагал прежде, а потому, что ей стыдно.

Другой на его месте успокоился бы мыслью, что это не его дело. Но Баэр сразу понял положение молодой девушки, бедной, оторванной от домашнего присмотра, материнской любви и отеческой заботы. Он ощущал сильное желание помочь ей; точно так же он бросился бы спасать ребенка из пасти дикого зверя. Когда урок завершился и Джо, не дожидаясь его ухода, стала вдевать нитку в иглу, он сказал очень просто, но в то же время проникновенно и серьезно:

— Мне так понравилось, как вы отодвинули это от себя. Я скорее дал бы моим сыновьям играть с порохом, чем читать подобное. Грустно думать, что какие-то молодые девушки могут читать такое.

— Вы, мне кажется, немного преувеличиваете, — возразила Джо. — Это скорее глупо, чем безнравственно. Однако на это есть спрос, за это платят деньги — и я знаю, что многие уважаемые литераторы, чтобы подработать, сочиняют подобные истории и печатают их в газетах.

Говоря это, Джо так резко дернула иголку, что надорвала ткань.

— Мы же с фами не пойдем торговаться спиртным, хотя и на него есть спрос! Если бы «уфажаемые литераторы» думали о том, какой фред приносят их так называемые истории, они почуствовали бы, что не так уж честно зарабатывают свой хлеб. Это как яд ф засахаренной облатке. Лушше уж пойти подметать улицы, чем делать то, что делают они!

Мистер Баэр произнес эти слова со всей страстью. Потом он подошел к камину и бросил в него скомканную газету. Джо сидела неподвижно, с таким видом, словно огонь обжигал и ее. Треуголка давно уже превратилась в дым, а у нее все не переставали гореть щеки.

— Если бы можно было сжечь весь тираж и еще много подопытных тиражей! — бормотал профессор, понемногу успокаиваясь.

Джо представила, какой величины костер вышел бы из рукописей и публикаций, сложенных в ее комнате наверху. Она почувствовала, как деньги, заработанные с таким трудом, вдруг легли тяжким грузом на ее совесть. Правда, она могла сказать себе в утешение, что в ее глупых рассказах нет ничего безнравственного или злобного, но... Джо взяла учебник и предложила тоном примерной ученицы:

— А можно немного продлить наш урок? Я обещаю вам отныне быть хорошей и благоразумной.

— Ошень надеюсь на это, — ответил он, вкладывая в свой ответ более глубокий смысл, и выразительно посмотрел на нее. Отчего Джо показалось, что названия ее рассказов крупными буквами напечатаны у нее на лице.

Поднявшись к себе наверх, она вытащила газеты и стала перечитывать свои рассказы. Мистер Баэр был дальновидным и иногда надевал очки. Как-то раз Джо для смеха примерила их и увидела мелкий шрифт в книге увеличенным вдвое. И вот теперь она словно надела нравственные очки. Убежество написанных ею рассказов тут же бросилось ей в глаза — она пришла в ужас.

Боже, какой же это хлам! Причем каждый следующий рассказ хуже предыдущего. «Я просто скатываюсь на дно. Как это все постыдно! Что я скажу в свое оправдание, если продолжу эту писанину и ее увидит папа или мистер Баэр?»

Джо едва не устроила пожар, предавая огню позорящие ее улики.

«Да, лучше сжечь дом, чем губить сердца людей», — думала она, глядя, как в пламени почти завершенный «Дьявол острова Джуры» превращается в черный уголек с огненными глазами.

И что же осталось от трехмесячного труда? Кучка пепла и немного денег в кошельке. Она подумала о том, как ей распорядиться гонорарами.

«Надеюсь, я сотворила не так уж много зла и могу оставить деньги как оплату за потраченное время, — сказала она себе

после долгих раздумий. — Уж лучше бы я была бессовестной. Обычно именно те, кто не задумывается о последствиях своих поступков, и преуспевают в жизни. Но я дочь своих родителей, а они у меня очень разборчивы и щепетильны».

Ах, Джо! Тебе надо не сожалеть, а благодарить Бога, что у тебя такие родители. И жалеть не себя, а тех, у кого нет добрых опекунов, готовых оградить их нерушимой стеной принципов. Это не тюрьма, как кажется поначалу, а незыблемый фундамент, на котором зиждется человеческий характер.

Бросив писать развлекательные истории, Джо ринулась в иную крайность. Взяв за образец нравоучительные творения миссис Шервуд, мисс Эджворт и Ханны Мор, она написала нечто вроде развернутой проповеди. В достоинствах своего нового сочинения она сильно сомневалась — ее живое воображение и романтические наклонности задыхались в тяжелых оковах морализаторства, она словно вырядилась в неуклюжие одежды прошлых веков. Джо попыталась предложить этот шедевр дидактики нескольким издателям, но все единодушно отвергли его. Тогда она со вздохом припомнила слова Дэшвуда о том, что мораль нынче спросом не пользуется.

Еще она написала книжку для детей, которую «за так» с радостью бы напечатали, но ей, видите ли, нужны были деньги. Правда, один миссионер высказал желание заплатить ей, но с условием, что в дальнейшем она станет работать под его неусыпным надзором. Сочинять для детей она была готова, но ее не устраивало требование, чтобы всех непослушных мальчиков неизменно съедали медведи или разрывали на части бешеные бизоны, а послушные покорно расставались с жизнью, не достигнув юности, и с пением псалмов возносились на небо, сопровождаемые эскортом ангелов.

Одним словом, из всех этих опытов ничего не вышло. «Видно, я ни на что пока не гожусь. Буду делать черную работу, а дальше посмотрим», — приняла решение юная писательница и в порыве смирения закупорила свою чернильницу.

Когда последняя победа в схватке с собой была одержана, жизнь вошла в обычную колею, и дни потянулись однообразно.

И если порой Джо выглядела чересчур серьезной или опечаленной, то на это никто не обращал внимания, за исключением профессора Баэра. Незаметно для Джо он наблюдал за ней, пытаясь понять, подействовали ли его укоры. Хотя речь на эту тему ни разу не заходила, Баэр догадался, что она бросила писать. Исчезли следы чернил с ее пальцев; она перестала покидать пансион, чтобы наведаться в очередную редакцию; и вообще больше времени стала проводить в гостиной или у себя в комнате; с заметным рвением училась, решив занять свой ум вещами более полезными, хотя, может быть, и не столь приятными, как сочинительство.

Баэр во многих отношениях помог ей, показав себя настоящим другом, и, пока ее перо пребывало в праздности, она училась у него не только немецкому языку; в беседах с профессором закладывались основы самого увлекательного произведения Джо — книги ее жизни.

Зима промелькнула незаметно, но Джо осталась у миссис Кирк до июля. Все были огорчены ее предстоящим отъездом: дети плакали, а у мистера Баэра волосы на голове стояли дыбом, поскольку он всегда ерошил их, когда был чем-нибудь огорчен.

— Счастливая девочка, у тебя есть дом! — повторял он вечером накануне ее отъезда, когда она собрала у себя в комнате гостей.

Она уезжала рано утром и поэтому попрощалась со всеми с вечера. Когда очередь прощаться дошла до мистера Баэра, Джо обратилась к нему со следующими словами:

— Я надеюсь, сэр, что если судьба приведет вас в наши края, то вы непременно проведаете нас. Если вы забудете — я вам ни за что не прощу! Мои домашние обязательно должны познакомиться с моим другом.

— Это правда? Я могу приехать? — в его голосе прозвучало столько радости и столько надежды, что Джо опешила.

— Конечно. Приезжайте в следующем месяце. Лори как раз сдает выпускные экзамены, и вы полюбуетесь церемонией вручения дипломов.

— Лори — это ваш лучший друг? — спросил профессор уже совсем другим голосом.

— Да, мой мальчуган Тедди. Я им очень горжусь и хочу, чтобы вы его увидели.

Говоря это, Джо думала лишь о том, как ей будет приятно представить их друг другу. Но что-то в лице Баэра навело ее на мысль, что Лори может повести себя не просто по-дружески. Она невольно начала краснеть и краснела тем больше, чем сильнее старалась подавить свое смущение. Ее выручила забравшаяся к ней на колени Тина, они обнялись — и Джо удалось спрятать лицо.

Она надеялась, что профессор ничего не заметил, однако он все заметил, но сдержался и сказал уже прежним, сердечным и радостным тоном:

— Боюсь, у меня не будет времени. Но я хочу пожелать вашему другу успехов, а вам большого счастья. Храни вас Бог!

Они попрощались. Он ушел, унеся Тину на своем плече.

А потом, когда мальчики улеглись спать, он долго сидел у огня и тосковал по собственному дому... Затем вдруг вспомнил, как еще вчера Джо сидела, держа Тину на коленях, и какая необычайная мягкость была во всех ее чертах... Опустив голову на грудь, он стал ходить взад и вперед по комнате, словно отыскивая что-то и никак не находя.

— Она не для меня. Да и с чего это я мог надеяться? — выдохнул он почти со стоном и, словно укоряя себя за то, что не мог подавить желания, поцеловал две светлые головки, лежащие на подушке, раскурил пенковую трубку, хотя курил крайне редко, и погрузился в чтение Платона.

Так он пытался бороться с собой, хотя и понимал, что ни пара бойких мальчиков, ни пенковая трубка, ни даже божественный Платон не могут заменить родину, дом и семью.

Джо уезжала с памятью о его улыбке, с его подарком — букетиком фиалок и со счастливой мыслью, что пусть она не прославилась и заработала мало денег, зато обрела настоящую дружбу, которую попытается сохранить на всю жизнь.

Глава XII

МУКИ ЛЮБВИ

Лори учился на последнем курсе на удивление прилежно и окончил университет с отличием. Во время выпускной церемонии он держал речь «подстать Демосфену», как сказал кто-то из его друзей. При этом присутствовал мистер Лоренс (он так гордился своим внуком!), а также мистер и миссис Марч, Джон и Мег, Джо и Бет. Все радовались и восхищались Лори, но тогда выпускник не придал этим восторгам серьезного значения, однако потом вспоминал о них не раз, потому что никакие новые победы не снискали ему подобных похвал.

— Мне придется остаться на этот несчастный ужин, но на расвете я буду дома. Вы приедете меня встречать? — обратился он к сестрам, помогая им расположиться в экипаже. Хотя говорил он во множественном числе, Джо понимала, что обращается он исключительно к ней одной.

— Я приду и в дождь, и в зной. И буду бежать впереди тебя с приветственным гимном победителю!

Нет, она не могла отказать в просьбе своему мальчугану, добившемуся таких успехов, но на душе у нее скребли кошки. Вдруг он заговорит о том самом? Что тогда?

Вечер она провела в тревоге, но утро разогнало ее страхи. Не стоит быть такой тщеславной и думать, что Лори будет преследовать ее после того, как она по сути его уже отвергла. В назначенный час она пришла на встречу с Лори в надежде, что он не скажет и не сделает ничего «неподобающего». Перед этим она успела заглянуть к Мег и «отдохнуть душой» с Дейзи и Демиджоном. Но едва завидев рослую фигуру в отдалении, она уже готова была развернуться и убежать.

— Где же твой приветственный гимн?

— Я забыла слова! — рассмеялась Джо, подумав, что влюбленный вряд ли бы так обратился.

Обычно при встречах Джо брала его под руку, но теперь она шла немного поодаль. Перескакивая с одной темы на другую, они вели ничего не значащий разговор, и так, болтая ни о чем, свернули на тропинку, которая вела через рощу к дому. Здесь Лори сбавил шаг, потом совсем остановился, и вдруг возникла напряженная пауза. Чтобы прервать ее, Джо поспешило заговорила:

- Теперь тебе нужно как следует отдохнуть.
- Да, было бы неплохо.

Что-то в его тоне заставило Джо поднять глаза, и она встретила ответный испытующий взгляд. Да, ужасный момент наступил. Она сделала шаг назад, загораживаясь рукой:

- Тедди, нет, пожалуйста!

— Но я должен сказать. А ты должна меня выслушать. Теперь уже бесполезно откладывать. Надо расставить все точки над «i», и чем скорее, тем лучше, — сказал он, все больше волнуясь.

— Хорошо, говори все, что хочешь, я слушаю, — с покорным отчаянием ответила Джо.

Лори не был опытен в любви, а серьезность искренность обуревавшего его чувства требовали ясности сию же минуту — лучше смерть, чем неопределенность. Поэтому со всем присущим ему нетерпением Лори ринулся с места в карьер.

Как ни хотелось ему сохранить мужественный тон, голос у него то и дело срывался:

— Я полюбил тебя с первой минуты, Джо. А ты... Ты была очень добра ко мне, но когда я пытался открыть тебе свои чувства, ты не давала мне говорить. Но теперь ты должна выслушать меня и дать ответ... Дальше так не может продолжаться!

— Лори, я так хотела тебя от этого уберечь. Я надеялась, что ты поймешь, — вздохнула Джо.

Она почувствовала, что объяснение окажется куда тяжелее, чем она предполагала.

— Да, ты хотела. Наверно, так. Но я ведь знаю эти девчачьи странности — говорить «нет», самой думать «да» и сводить с ума просто для забавы, — возразил Лори, искренне веря в то, что говорил.

— Это не обо мне! Я не дразнила тебя и не завлекала. Наоборот, я уехала, чтобы дать тебе время и возможность успокоиться!

— Вот! Я догадывался, в чем дело. Это так на тебя похоже. Но пойми — это было бесполезно. Я только еще сильнее тебя полюбил. Я работал как вол, бросил бильярд и все прочие привычки, которые тебя раздражали. Конечно, я и теперь еще «далеко не совершенство», я не достоин тебя, но я наделся... — он закашлялся и непроизвольно стал обрывать цветы, чтобы справиться с волнением.

— Нет, все как раз наоборот. Это я тебя не достойна. Ты замечательный человек, и я горжусь тобой. Но почему мы не можем быть просто друзьями? Правда, я одно время даже подумывала, что, может быть... Но это было бы неправильно — сказать «люблю», когда чувства нет.

— Это в самом деле так?

Он схватил Джо за руки и так посмотрел на нее, что она не скоро смогла забыть этот взгляд.

— Да, мой дорогой, это так.

Рощица, в которой происходило их объяснение, упиралась в сравнительно невысокую ограду, перемахнуть через которую не составляло для Лори никакого труда. Но он был так обесцилен душевным страданием, что вдруг остановился, закрыл глаза и припал лбом к замшелому столбу. Он так долго стоял не шевелясь, что Джо сделалось страшно.

— Тедди, милый! Я готова сейчас же убить себя, если от этого кому-то будет польза. Я не хочу, чтобы ты страдал. Что тут можно поделать? Но ведь нельзя заставить полюбить себя насилием, — фразы у Джо получались какие-то неуклюжие, но она с такой нежностью гладила его по плечу, что это опять вселило в него надежду.

— Иногда выходят замуж без любви, а просто по дружбе, из уважения. Так часто бывает.

— Это не настоящее... Я так не могу, — со всей решительностью ответила Джо.

В образовавшуюся паузу ворвались песня дрозда и шелест высоких трав... Присев на ступеньку у ограды, Джо проговорила:

— Лори, мне надо тебе кое-что сказать.

Он вздрогнул, словно в него выстрелили.

- Не говори ничего. Я не вынесу этого сейчас.
- Чего мне не говорить? — переспросила она, изумляясь его ярости.
- Про этого старика, что ты его любишь.
- Какого старика? — Джо неожиданно пришло в голову, что он ревнует ее к своему деду.
- Этого немца из пансиона, профессора, про которого ты писала в каждом письме. Если ты сейчас скажешь, что ты его любишь, я что-нибудь устрою, так и знай.

Она видела его сжатые кулаки, сверкающие глаза и понимала, что он в самом деле может «устроить».

Ей хотелось рассмеяться, но она сказала сдержанно, хотя хладнокровие давалось ей с каждой минутой все труднее:

— Не надо его ругать. И не такой уж он старик. Это очень хороший, благородный человек, это мой самый хороший друг после тебя. Я не вынесу, если ты возненавидишь моего профессора. И знай, что я не влюблена ни в него, ни в кого бы то ни было другого.

— Но когда-нибудь ты все равно полюбишь. А как же я?

— И ты тоже полюбишь. И будешь со смехом вспоминать этот разговор.

— Нет! Я никого не смогу полюбить. Я не смогу тебя забыть. Никогда! — он топнул ногой, словно припечатывая свои страстные признания.

— Ну что же мне теперь делать? — вздохнула Джо, чувствуя, что ей все труднее справляться с собою и с ним. — Все-таки послушай, что я тебе скажу. Я ведь в самом деле хочу, чтобы ты был счастлив...

Она надеялась убедить его с помощью логики, и это лишний раз подтверждало, как мало еще она знает о мире чувств.

Но Лори вновь услышал в ее словах проблеск надежды для себя. Он опустился на землю у ее ног. Он готов был слушать каждое ее слово. Могла ли она теперь говорить спокойно и рассуждать бесстрастно? Он смотрел на нее глазами, полными любви и печали, на его ресницах еще не высохли слезы, вызванные ее жестокосердием. Она нежно отвернула его лицо в сторону и стала

гладить выющиеся волосы, которые он отпустил ради нее. О, какое это было трогательное зрелище.

— Мама тоже считает, что мы не подходим друг другу, и так оно и есть. Мы оба вспыльчивы, своевольны и могли бы сделать друг друга очень несчастными, если бы эта глупость... — Джо подыскивала слова.

Но Лори сам с восторгом в голосе завершил начатую ею фразу:

— Если бы состоялась эта глупость — наша с тобой свадьба! Если бы ты меня полюбила, куда девалось бы мое своеволие? Я стал бы ангелом! Ты сможешь делать со мной все, что захочешь.

— Нет, нет. Ты можешь только подавить себя — но ты не переменишься. И этого не надо. Будь таким, каков ты есть, и пусть рядом с тобой будет та, которая примет тебя со всеми твоими недостатками. А мы не подходим друг другу — и не подойдем никогда. Не будем делать этого опрометчивого шага. Просто останемся друзьями. Хорошо?

— Нет, давай мы совершим этот шаг, как только обстоятельства будут на нашей стороне! — опять заволновался Лори.

— Пожалуйста, будь благоразумен, — срывающимся голосом умоляла Джо, чувствуя, что сила воли начинает таять.

— Нет, это не для меня. А ты, когда пытаешься быть благоразумной, становишься просто жестокой. Вообще я не верю, что у тебя есть сердце.

— Наверно, лучше бы у меня его и не было!

Голос у Джо дрогнул, и Лори решил, что это добрый знак. Он заговорил вкрадчивым, но совершенно необычным для него тоном:

— Джо, не разочаровывай всех, дорогая. Дедушка ждет не дождется нашей свадьбы, и твой отец тоже, я знаю! Скажи только «да» — а остальное сам Бог устроит. Скажи это слово!

Даже много времени спустя Джо удивлялась, как ей удалось выдержать характер при том, что она твердо знала, что не любит и никогда не полюбит своего мальчугана. Ей было очень тяжело, но она решилась покончить с этим раз и навсегда.

— Я не могу сказать это слово, это будет нечестно. Когда-нибудь ты поймешь мою правоту и скажешь мне «спасибо».

— Будь я проклят, если я скажу тебе «спасибо»! — Лори вскочил на ноги, кипя негодованием от такого предположения.

— Скажешь «спасибо», я уверена, — гнула свое Джо. — Ты найдешь воспитанную девочку с хорошими манерами, которая украсит твой большой дом и будет прекрасной хозяйкой. А из меня какая хозяйка? И к тому же я некрасивая, неловкая, эксцентричная. Ты стал бы стыдиться меня перед друзьями, начались бы ссоры, — видишь, мы уже и теперь ссоримся! Ты будешь тянуться к изысканному обществу, а мне это скучно. Ты стал бы презирать мою писанину, а я не могу без нее жить. Видишь, как все получается гадко?

— Ты все сказала? — спросил Лори, которому тягостно было выслушивать ее пророчество.

— Пожалуй, да. Могу только добавить, что мне не следует вообще, наверно, выходить замуж. И я не выйду. Я не представляю себе человека, ради которого я могла бы отказаться от своей свободы.

— А вот это уже полный вздор! — перебил ее Лори. — Может быть, теперь тебе и впрямь так кажется, но я-то тебя лучше знаю. Когда ты полюбишь, ты всем пожертвуешь для любимого! Будешь готова жить для него и умереть за него. А я буду все это наблюдать — что же мне еще остается?

И он швырнул шляпу о землю. Это было бы смешно, если бы выражение его лица не было столь трагическим.

— Да, если это случится, я буду готова на все ради любимого человека. А ты делай то, что в твоих силах. Это ведь очень эгоистично — домогаться того, чего тебе не могут дать. Я могу любить тебя как друг, но не как жена. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше для нас обоих. И не будем больше к этому возвращаться, хорошо?

Некоторое время Лори смотрел на нее, не зная, что сказать, потом вдруг резко отвернулся и тихо проговорил:

— Когда-нибудь, Джо, ты очень пожалеешь об этом.

— Ты куда? — вскрикнула она, испугавшись его слов.

— К черту!

Он бросился в сторону реки. На какое-то мгновение все замерло в ней, но она сразу успокоила себя мыслью, что для отчаянного шага нужно или совсем обезуметь, или вовсе не ведать греха, а у Лори здоровая и чистая натура, и он достаточно сильный, чтобы не принять первое поражение за окончательный крах.

Лори действительно не бросился волны – просто сел в лодку и стал изо всей силы налегать на весла. Пожалуй, даже на гребных состязаниях в университете он не показал бы такое время!

«Наверно, после этого он вернется ко мне в самом нежном и покаянном расположении духа, а мне будет неловко и стыдно», – подумала Джо. У нее было такое чувство, будто она убила какого-то красивого маленького зверька и склонила его под листвой. Джо решила, что ей надо пойти к мистеру Лоренсу и попросить его поласковее встретить беднягу Лори. «Может быть, теперь Лори полюбит Бет», – подумала Джо; но нет, она все меньше в это верила. Отчего-то ей вспомнились девушки, которым нравилось завлекать молодых людей, а потом отталкивать их. Как они могут? Ведь это же отвратительно.

Придя к мистеру Лоренсу, Джо так искренне каялась в своей бесчувственности, что он не нашел для нее ни слова упрека, хоть старику было и странно, что она отвергла его Лори. Он не понимал, как можно не любить такого замечательного во всех отношениях молодого человека. Джо не умолчала и о последних сказанных в запальчивости словах Лори, и они не на шутку перепугали старика. Расставшись с Джо, он долго качал головой и принял решение поскорее увезти внука подальше от греха.

Когда Лори пришел домой, усталый, но, как ни странно, спокойный, дедушка встретил его как ни в чем не бывало и еще час или два изображал, будто ни о чем не ведает. Правда, потом, когда они сидели вместе в сумерках, не зажигая света (именно так им нравилось проводить вечера), старику трудно было хвалить внука, как обычно, за его успехи в учении, которые Лори теперь считал напрасной тратой времени. Да и сам Лори изо всех сил тянул время.

Вдруг он подошел к пианино и начал играть. Окна в комнате были открыты, и Джо, совершившая в это время прогулку вместе с Бет, раньше своей музыкальной сестры узнала Патетическую сонату. Тедди и прежде часто исполнял ее, но никогда он не играл с таким чувством.

— Замечательно, что-то не припомню, чтобы ты так играл прежде... Но печально, печально! Ты мог бы сыграть что-нибудь веселое? — мистеру Лоренсу очень хотелось выразить свое сочувствие Лори, но он не знал, как начать.

Лори заиграл какую-то современную легкую пьесу. Он мужественно выдержал бы это испытание, но тут с улицы послышался голос миссис Марч:

— Джо, скорее сюда, ты мне нужна!

Это были именно те слова, которые он сам хотел бы произнести, правда, вкладывая в них иной смысл. Музыка оборвалась, музыкант молча сидел в темноте.

— Невозможно это вынести! — пробормотал мистер Лоренс.

Он встал, подошел к бедному музыканту, положил руки на его широкие плечи и сказал ласково, почти по-женски:

— Мой мальчик, я все знаю.

Лори по-прежнему молчал, а потом спросил резко:

— От кого тебе это известно?

— От самой Джо.

— Кончим этот разговор, — нетерпеливым движением Лори сбросил руки дедушки со своих плеч.

Он был благодарен ему за сочувствие, но его мужская гордость не могла вынести жалости от другого мужчины.

— Хорошо, но я должен задать тебе один вопрос, — мягко сказал мистер Лоренс. — Ты, наверно, хотел бы уехать отсюда?

— С какой стати мне от нее бегать? Она не может запретить мне ее видеть. Пока я побуду здесь, а дальше посмотрим.

— Нет, если ты джентльмен, а я тебя считаю таковым, то тебе следует уехать на какое-то время. Хотя мне тоже досадно, что так произошло. Скажи, куда бы тебе хотелось поехать?

— Куда угодно. Мне все равно, что со мной будет! — и Лори рассмеялся искусственным смехом, резанувшим слух старика.

— Будь мужчиной. Ты ведь хотел поехать за границу. Вот и отправляйся развеяться, чтобы все забыть.

— Сейчас я не могу.

— Отчего же? Ты давно этого хотел, и я обещал, как только ты окончишь университет...

— Я же собирался ехать не один, — прервал его Лори, отходя в другой конец комнаты и отворачиваясь, чтобы дедушка не видел выражения его лица.

— Ты и поедешь не один. Есть человек, готовый сопровождать тебя хоть на край света.

— И кто же это? — Лори замер, ожидая ответа.

— Я, мой мальчик.

Лори шагнул к деду и протянул ему руку:

— Я ужасный эгоист. Но, дедушка...

— Господи, помоги мне! Лори, я сам когда-то пережил это, потом пережил это с твоим отцом. Послушай, вот какие у меня планы. Собственно говоря, все уже готово, и мы можем отбыть хоть завтра, — торопливо говорил мистер Лоренс, боявшийся, что Лори куда-нибудь убежит, как некогда сбежал его отец.

— Говори, я слушаю, — ответил Лори бесцветным голосом.

— У меня есть одно дело в Лондоне. Я даже думал поручить его тебе, но теперь вижу, что должен взяться за него сам. Здесь я все вполне могу переложить на плечи Джона Брука. Кстати, мы с ним уже все подготовили к тому, чтобы ты занял мое место главы предприятия.

— Но ты ведь не любишь путешествовать, и тебе в твоем возрасте... Короче, я не могу от тебя принять такую жертву! — Лори был благодарен дедушке, но полагал, что если уж надо ехать, то одному.

Мистер Лоренс понимал, к чему клонит внук. Но в нынешнем состоянии не мог предоставить юношу самому себе. Придется ему расстаться на время с домашним покоем.

— Разве я совсем уж стар? Даже если и так, полезно размять старые кости. Тем более что путешествовать теперь не труднее, чем сидеть в кресле.

Наблюдая за Лори, он видел, что юношу что-то не устраивает. И поспешил добавить:

— Я не собираюсь следовать за тобой по пятам. Каждый из нас будет развлекаться на свой лад. У меня есть друзья в Лондоне и Париже, а ты, я знаю, предпочитаешь Италию, Германию, Швейцарию. Что ж, отправляйся туда и наслаждайся музыкой, живописью, новыми местами.

Лори по-прежнему чувствовал, что сердце его разбито, но от слов дедушки разбитое сердце внезапно дрогнуло у него в груди, а в пустыне его чувств зазеленел оазис.

— Пусть будет по-твоему. Мне все равно, — он старался говорить прежним, бесцветным голосом.

— Если тебе все равно, Лори, то мне отнюдь нет. Я даю тебе полную свободу не затем, чтобы ты ею злоупотреблял. Обещай мне, что все будет хорошо.

— Что ж, я готов обещать, если тебе это угодно.

Будучи натурой энергичной, мистер Лоренс ковал железо, пока горячо. В дни недолгих приготовлений Лори вел себя так, как все молодые люди в его положении. Он то становился раздражителен, то задумчив, потерял аппетит, подолгу сидел за фортепьяно и высматривал из окна Джо с таким страдальческим видом, что она, увидев это, перестала спать по ночам, мучаясь сознанием своей вины. Правда, в отличие от иных страдальцев, Лори никому не изливал своих чувств и другим не позволял заводить о них разговор, даже миссис Марч, которая всей душой желала выразить ему сочувствие. Эта сдержанность несколько облегчала жизнь его друзьям, но все же дни перед его отъездом были тяжелы для всех, и все уже с нетерпением ждали, чтобы «несчастный, милый мальчик поскорее отправился в дорогу, забыл свои огорчения и вернулся домой веселый и счастливый». Лори лишь мрачно усмехался над их заблуждениями и поглядывал на всех с чувством превосходства: он не из тех, кто забывает свою любовь и предает верность.

Накануне расставания он напустил на себя необычайную веселость. Никто на эту удочку не попался, однако каждый сделал вид, что принимает все за чистую монету. Лори держался до последней

минуты, но когда миссис Марч поцеловала его и что-то шепнула на ухо, он, торопливо перепрощав всех, даже подскочившую Ханну, ринулся прочь так, словно бежал от смертельной опасности.

Джо все это время скрывалась у себя в комнате, но тут решилась и вышла помахать ему рукой. И тогда он вернулся, обнял ее и сказал, испытующе глядя на нее снизу вверх, поскольку она стояла на ступеньке, чуть возвышаясь над ним.

— Ах, Джо, неужели ты ничего не можешь с собой поделать?

— Тедди, если бы я могла!

Тогда, помолчав немного, Лори выпрямился и сказал небрежно:

— Все в порядке, забудь!

Но забыть Джо не могла и она ясно сознавала, что все не все в порядке. Со дня их объяснения она чувствовала себя так, словно вонзила нож в спину своему лучшему другу. И теперь, когда Лори ушел не оглянувшись, Джо поняла, что он уже никогда не вернется.

Глава XIII

ТАЙНА БЕТ

Когда Джо вернулась домой от миссис Кирк, ее потрясло, насколько изменилась бедная Бет. Никто об этом не говорил и, возможно, даже не замечал изменений, общаясь с девушкой изо дня в день. Но после разлуки Джо это видела слишком ясно и глубоко страдала, глядя на лицо сестры.

Нельзя сказать, что Бет слишком похудела или побледнела с осени, но она казалась странно прозрачной, точно все телесное истончилось и бессмертная душа сияла сквозь хрупкую плоть в неописуемо трогательной красоте.

Джо, видевшая и ощущавшая это, решила до поры ни с кем ничего не обсуждать. И, поскольку больная пребывала в хорошем расположении духа, первое впечатление постепенно теряло свою силу.

Домашние по-прежнему были уверены, что дела у Бет идут на лад, и Джо, занятая множеством своих забот, со временем перестала тревожиться. Однако после отъезда Лори, когда в доме вновь воцарился мир, беспокойство охватило ее с новой силой. Она искренне призналась домашним в своих газетных прегрешениях, и ее простили. Но когда она, показав свои сбережения, заговорила о поездке в горы, Бет, сердечно поблагодарив, попросила не увозить ее далеко от дома. Ее больше устроила бы поездка на океанское побережье, как в прошлый раз, вместе с мамой. Но новоиспеченная бабушка не хотела оставлять внуков, и потому здоровьем сестры занялась сама Джо. Они подыскали тихое местечко, где можно было больше времени проводить на свежем воздухе и где, как надеялась Джо, «ветер с океана слегка освежит бледные щечки милой Бет».

Среди отдыхающих были преимущественно простые и приятные люди, но сестры почти не завязывали знакомств, стараясь большую часть времени проводить вдвоем. Застенчивая Бет, надо признать, и не стремилась к общению, а Джо была слишком обеспокоена состоянием Бет, чтобы думать о чем-то еще. Им вполне хватало общества друг друга, и они даже не замечали того повышенного интереса, какой пробудили у окружающих.

Обе сестры в глубине души чувствовали, что им предстоит скорая разлука, и это словно связывало их незримыми узами. Разговоры сестер, однако, были самыми обычными; в подобном положении люди обычно ощущают некую черту, через которую нельзя переступить. Вот и Джо чувствовала, что между ними существует некая область молчания, и как только она ненароком вторглась в эту область, возникло чувство, что она нарушает что-то сокровенное.

Но однажды Бет заговорила сама. Они были на берегу, Бет лежала неподвижно и казалась спящей, а Джо, опустив книгу, всматривалась в ее осунувшееся лицо, пытаясь отыскать в нем хоть малую толику надежды. Бет была страшно бледна и уже так слаба, что даже не могла удержать в горсти маленькие розовые ракушки, собранные в песке. И Джо поняла, что близится час,

когда сестра уйдет от нее навсегда. Она инстинктивно обняла ее, точно пытаясь удержать, и в ответ поймала такой нежный и проникновенный взгляд, что все само сказалось, без слов.

— Джо, я рада, что ты все понимаешь. Я хотела тебе сказать, но не смогла.

Они прижались щека к щеке. Джо не плакала — она никогда не плакала в тяжелые минуты. Но теперь из них двоих слабой оказалась она, и Бет предстояло ее поддержать и успокоить. Нежно обняв старшую сестру, младшая продолжала говорить полуслепотом:

— Я давно все про себя знаю и уже свыклась с происходящим, мне совсем не тяжело об этом говорить. Ты тоже смирись, потому что так, если вдуматься, просто легче.

— А тогда, осенью, ты еще боялась и тебе было тяжело, да?

Джо не хотела верить, что «так лучше», но одно могло ее утешить: Лори здесь был ни при чем.

— Да, тогда я впервые осознала, что будет так и никак иначе. Но мне не хотелось никого беспокоить. Я еще надеялась, что, может быть, это только мое воображение. И потом, когда я видела вас, таких уверенных, здоровых, полных надежд, — я страдала оттого, что никогда уже не буду такой, как вы.

— Бет, но почему же ты не открылась мне, не дала тебя утешить? Почему ты все носила в себе?

В голосе Джо звучала нежность; ей было больно от одной мысли о том, какую тяжелую душевную борьбу пришлось выдержать Бет, чтобы научиться говорить «прости» здоровью, любви, жизни и в смирении нести свой крест.

— Может быть, я была не права, но я очень старалась поступить правильно. У меня не было полной уверенности, я еще думала, что, возможно, ошибаюсь. Так зачем же мне было вселять в вас тревогу, посуди сама: мама занята Мег и малышами, Эми в отъезде, а ты... Я ведь тогда думала, что у тебя начинается роман с Лори.

— Правда? — Джо радовалась, что теперь они могут говорить обо всем начистоту. — А я точно так же была уверена, что его любишь ты, поэтому и уехала в Нью-Йорк.

Бет была явно удивлена, услышав это, и тогда Джо улыбнулась, несмотря на то что на душе у нее была тяжесть, и нежно проговорила:

— Значит — нет? А я была уверена, что это он — причина твоих страданий.

— Ну, перестань! Неужели я могла думать о Лори, зная, как он влюблен в тебя? — с детским простодушием воскликнула Бет. — Я, конечно, очень люблю его. Он так добр ко мне. Но он всегда был для меня только другом, нет, братом... Я еще, может быть, доживу до того дня, когда смогу назвать его братом.

— Нет, Бет, никогда... Впрочем... Остается еще Эми, и если у нее ничего не выйдет с тем англичанином, то Лори прекрасно подошел бы ей. Но сейчас мне больше не хочется об этом говорить. Все мои мысли теперь только о тебе. Ты должна поправиться!

— Джо, я, конечно, очень хочу. Но я чувствую, что сил у меня больше не осталось. Это как прилив и отлив. У меня отлив — этого нельзя остановить.

— Значит, надо дождаться нового прилива! Тебе девятнадцать лет. Я не отпущу тебя, слышишь? Я буду молиться и бороться. Я верю, что можно найти верное средство, еще не поздно. Бог не настолько жесток, чтобы нас с тобой разлучить! — Джо, не бывшая столь же набожной, как ее сестра, несла в себе мятежное начало, и ей трудно было его побороть.

— Ты ведь подготовишь наших, когда мы вернемся домой? — немного отдохнув, спросила Бет.

— Они поймут все и без слов, — с горечью ответила Джо; теперь ей казалось, что Бет меняется с каждым днем.

— Как знать? Я слышала, что кто больше любит, тот меньше видит. Если они не поймут, ты скажешь им, да? Пусть моя тайна больше не будет ни для кого тайной. У Мег есть муж и дети — она утешится. А вот папу и маму ты обязана поддержать.

— Я обещаю, если... Но Бет, я не сдамся так легко! Может быть, это в самом деле больное воображение? Ты должна надеяться! — Джо изо всех сил старалась придать своему голосу беззаботный тон.

— Я ни с кем не могу говорить об этом, только с тобой. Понимаешь, я чувствую, что мне на роду написано рано уйти. Я не такая, как вы трое. Я никогда не думала о том, что буду делать, когда вырасту, никогда не помышляла о замужестве. Я всегда чувствовала себя глупой маленькой Бет, место которой в четырех стенах нашего дома, и больше нигде. Мне никогда не хотелось, как вам, куда-то уехать. Мне и теперь тяжелее всего разлука с вами. Я и на небесах буду тосковать по дому.

Джо ни слова не могла выговорить в ответ. Несколько минут они сидели молча — только шумел океан и вздыхал ветер. Мимо пролетела белокрылая чайка с отсветом солнца на сизой груди. Пока птица не скрылась из виду, Бет провожала ее грустным взглядом. А потом на берег опустилась маленькая серая птичка — она запрыгала по песку и зачирикала, словно радуясь солнцу и морю. Птичка приблизилась к Бет, посмотрела на нее дружелюбно и, взлетев на нагретый солнцем камень, принялась чистить перышки. Что-то очень домашнее было в этой малой птахе. Бет улыбнулась и успокоилась — и эта кроха может быть другом; и на исходе жизни можно найти в мире нечто приятное.

— Пташечка! Ты же совсем ручная. Ты мне нравишься гораздо больше, чем чайка: хотя ты не так прекрасна и отважна, но ты доверчива и мила. Ты — моя птичка. Мама говорила прошлым летом, что эти пичужки похожи на меня: они всегда на берегу, возле людей, всегда заняты делом и довольно чирикают. А чайка — это ты, Джо. Ты сильная, вольная, любишь бури и грозы, залетаешь далеко в море и счастлива своим одиночеством. А Мег — нежная голубка в своем игрушечном гнездышке. Кто же тогда Эми? Помнишь, она писала, как ходила на рассвете смотреть, как взлетает в небо жаворонок? Скорее всего, она — жаворонок. Он может подняться так высоко, что его не видно с земли. Но потом он обязательно опустится вниз. Вот и Эми — какие бы честолюбивые мечты ни владели ее душой, она всегда будет помнить родной дом. Хочется думать, я еще увижу ее — только где она теперь?

— Она возвратится весной и будет удивлена, увидев тебя опять веселой и румянной, — сказала Джо.

И вдруг ей подумалось, что главная перемена, произшедшая в Бет, — это ее необычное красноречие. Бывало, слова от нее не дождешься — а теперь разговорилась, да так хорошо...

— Оставь надежду, Джо. Мы проведем эти дни счастливо, и если ты до конца будешь со мной, то отлив пройдет легко.

И Джо, склонившись к ее успокоенному лицу, поцеловала Бет. Этим тихим поцелуем она клялась всецело, без остатка посвятить себя сестре.

Джо была права. Когда они вернулись домой, слова оказались не нужны. Отец и мать воочию убедились, что сбылись их самые страшные опасения. Бет устала от путешествия и сразу пошла в постель, сказав лишь, что рада вернуться домой. Когда Джо спустилась в гостиную, ей стало ясно, что никакой тайны уже не существует. Отец стоял, прислонившись к камину, и даже не повернулся, когда она вошла. А мать протянула руки ей на встречу, словно прося о помощи, — и Джо подошла, чтобы утешить ее, без слов.

Глава XIV

НОВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

В три часа пополудни весь высший свет Ниццы сходится на Английской набережной. Это чудное место — широкая дорога обсажена по бокам вечнозелеными кустарниками, цветами и пальмами; по одну сторону от нее синеет море, а по другую шумят апельсиновые рощи и светятся на солнце горные вершины. Самые разные народы, языки и костюмы представлены здесь. Чопорные англичане, вертлявые французы, неулыбчивые немцы, красивые испанцы, невзрачные русские, тихие евреи, смелые американцы — все разъезжают или прогуливаются вдоль по набережной, обсуждая друг с другом свежую новость или новоприбывшую знаменитость — актрису Ристори или писателя Диккенса, короля Виктора Эммануила или королеву Сандвичевых островов.

Не меньше, чем сами приезжие, занимательны их экипажи. Особенно хороши плетеные дамские ландо, запряженные лошадками-пони; к ландо приделаны яркие сетки, чтобы шлейфы и оборки платьев (дамы обычно сами правят ландо, оставляя грумов сидеть сзади на возвышении) не попали под колеса и не стянули туда бойких модниц.

В день Рождества по набережной шел высокого роста молодой человек с заложенными за спину руками и довольно мрачным выражением лица. Чертами лица он более всего напоминал итальянца, костюмом – англичанина, а манерой держаться – американца. Подобное сочетание притягивало немало прекрасных глаз. А молодые щеголи в черных бархатных костюмах с розовыми галстуками, в желтых кожаных перчатках и с оранжевыми цветами в петлицах, завида его, пожимали плечами, хотя каждый втайне завидовал его осанке и высокому росту.

На хорошеньких женщин наш герой почти не обращал внимания, лишь изредка приглядывался к какой-нибудь блондинке в голубом. Дойдя до конца набережной, он замешкался, размышляя – пойти ли ему в сад послушать оркестр или прогуляться дальше вдоль берега к Замковой горе. Стук копыт маленьких лошадок заставил его оглянуться. По улице быстро двигался экипаж, в котором сидела юная блондинка, одетая во все голубое. Молодой человек внимательно взгляделся в нее, улыбнулся и, помальчишески размахивая шляпой, побежал навстречу.

– Лори, это ты! Я уже решила, что ты никогда не приедешь! – бросив вожжи, Эми протянула ему обе руки, что вызвало возмущение одной француженки, которая поспешила увести свою дочь – не следует девочке смотреть на то, как ведут себя эти безумные англичанки.

– Мне пришлось задержаться. Но я же обещал провести Рождество с тобой – и вот я здесь.

– Когда ты приехал? Где остановился? Здоров ли дедушка? – засыпала его вопросами Эми.

– Вчера вечером... В «Шовене»... У него все в порядке. Я уже заходил в вашу гостиницу, там мне сказали, что юная леди вышла.

— Мне так много нужно тебе рассказать. Даже не знаю, с чего начать. Садись рядом со мной. Мне как раз нужен спутник. Фло осталась в гостинице — она готовится к вечеру.

— Будет бал?

— Да, большой рождественский бал — в нашей гостинице! Там в основном американцы, и они хотят отпраздновать Рождество. Ты ведь пойдешь с нами? Тетя будет очень рада.

— Что ж, пожалуй. Ну а куда теперь? — спросил Лори, лениво откидываясь на спинку ландо и складывая руки на груди, что, впрочем, устраивало Эми: очаровательный кнутик и голубые вожжи доставляли ей бесконечную радость, и ей хотелось привить самой.

— Сначала за почтой, а потом к Замку. Я люблю кормить там павлинов. Ты ведь бывал там?

— Довольно часто, несколько лет назад, но не возражаю побывать еще раз.

— Ну, расскажи о себе. Твой дедушка писал, что ожидает тебя из Берлина.

— Да, месяц я был в Германии, потом вернулся к нему в Париж. У него там друзья, развлечения, а я то приезжаю, то опять уезжаю...

— Прекрасные дружеские отношения, — Эми казалось, что Лори недоговаривает чего-то.

— Видишь ли, он не любитель путешествовать, а я не люблю сидеть на одном месте. Каждый из нас поступает так, как ему хочется, и это замечательно. Но каждая встреча с ним мне в радость. Он с удовольствием слушает рассказы о моих приключениях, а я, возвратясь из очередной поездки, рад немного отдохнуть рядом с ним... Что это за грязная дыра? — с отвращением спросил Лори, когда они ехали по бульвару в старой части города к площади Наполеона.

— Грязно, зато живописно. Я люблю эти закоулки. Нам придется подождать — пусть пройдет эта процессия. Они идут к Святому Иоанну.

Лори без особенного удовольствия наблюдал за процессией. Впереди шли священники под балдахинами, за ними монахини

в белом с зажженными свечами, замыкали шествие монахи в голубых сутанах, распевавшие псалмы. Эми вдруг ощутила, что немного робеет в присутствии Лори. Она с трудом узнавала в этом молодом угрюмом мужчине милого вертопраха, который не так давно провожал ее в путешествие. Тогда, на набережной, он показался ей красивее и интереснее, чем прежде. А теперь... Не то что бы он выглядел уставшим или нездоровым, но после двух лет беззаботной жизни мог бы выглядеть и получше. Она, видимо, чего-то не понимала, и ей хотелось спросить его прямо, без затей. Однако Эми не решилась на это, а лишь покачала головой и тронула с места своих лошадок, как только процессия свернула в арку под мост, направляясь к церкви.

— Que pensez-vous?¹ — все же отважилась она задать вопрос, показывая заодно, что ее французский несколько улучшился за время путешествия.

— Мадемуазель не теряла времени даром, и результат налицо, — галантно ответил Лори, восхищенно кланяясь и прижимая руку к груди.

Она смущилась и покраснела от похвалы, хотя предпочла бы услышать какое-нибудь грубоватое словечко, которыми пестрела его речь в дни студенчества, дома. Эми вспомнила, как в один из праздничных дней, он, обойдя ее со всех сторон и погладив по голове, объявил, что она выглядит на «отлично». А теперь, хотя в глазах Лори и промелькнуло восхищение, в его тоне сквозило какое-то равнодушие.

«Боюсь, с годами он будет меняться не в лучшую сторону. Мальчуган Лори нравился мне больше», — подумала она с чувством разочарования и неловкости, стараясь казаться по-прежнему беззаботной и веселой.

На почте она взяла письма от родных и, передав вожжи Лори, с наслаждением принялась читать их, пока они ехали по тенистой дороге, обрамленной живой изгородью цветущих чайных роз.

¹Что вы думаете? (фр.) — Правильнее было бы спросить: «О чём вы думаете?»

— Мама пишет, что Бет совсем плоха. Похоже, надо возвращаться домой, но все уговаривают меня остаться. Так я и сделаю, потому что вряд ли мне еще представится такая возможность, — сказала Эми, печально глядя поверх письма.

— Думаю, ты права. Ты все равно ничем не поможешь. А им гораздо спокойнее знать, что ты здорова и замечательно проводишь время. И не надо терзаться, моя дорогая.

Он придвигнулся к ней ближе и стал вновь похож на прежнего Лори. И этим братским обращением «моя дорогая» он как бы заверил ее, что, случись беда, будет кому поддержать ее в горе на чужбине.

В одном из писем они нашли рисунок Джо — шарж на саму себя. Карикатура изображала ее в «писательском облачении» с исходящими из уст словами: «Меня осенило!». Лори с улыбкой спрятал листок в карман, чтобы «не унесло ветром», и внимательно выслушал послание Джо.

— Это, пожалуй, мое самое веселое Рождество. Утром подарки, днем — встреча с тобой и письма, а вечером — бал! — сказала Эми, когда они вышли из ланда недалеко от развалин замка.

Они взобрались на вал, и стая прирученных павлинов ринулась им навстречу. Они теперь поменялись ролями. Эми ушла в свои раздумья, любуясь сверкающими на солнце чудесными птицами, а Лори смотрел на нее, с любопытством отмечая прошедшие в ней перемены. Кроме, быть может, некоторой искусственности манер, ничто больше не разочаровало его. Эми была все такой же грациозной и изящной, и к этому добавилось еще то неуловимое, что люди называют элегантностью. Всегда чрезчур зрелая для своих лет, теперь она могла бы показаться вполне искушенной светской дамой, если бы не девичья восторженность и порой какая-то детская капризность.

И это, и многое другое бросилось в глаза Лори, пока он наблюдал за Эми. И от посещения замка у него осталось самое прекрасное воспоминание: девушка в лучах солнца стоит в окружении экзотических птиц; нежный оттенок платья, свежий румянец и золотистый цвет волос — чудная картинка на фоне не менее чудесного пейзажа.

Они поднялись на каменную площадку, и Эми заговорила, указывая то в одну, то в другую сторону:

— Вон там собор и Корсо, а там рыбаки тянут сети, дальше открывается дорога на Вилла-Франка. А самое лучшее — вон то пятнышко посреди моря. Я не совсем уверена, но мне говорили, что это Корсика.

— Да, это она. Не слишком все изменилось...

— Джо многое бы отдала, чтобы увидеть это пятнышко! — сказала Эми, воодушевляясь и желая увлечь Лори.

Он лишь кивнул в ответ, однако стал пристальнее всматриваться в морскую даль, надеясь рассмотреть остров, который вдруг навеял ему мысли о любви — властелине более могущественном, чем сам Бонапарт.

— Мы ей непременно расскажем, что видели Корсику, да? А теперь давай посидим немного. Расскажи, чем ты занимался все это время, — и Эми стала располагаться поудобнее, готовясь к дружескому разговору. Но разговора не получалось, хотя Лори отвечал на все ее вопросы. Она лишь узнала о том, какие достопримечательности посетил он в Европе и в Греции.

На обратном пути Лори заехал к ней в гостиницу засвидетельствовать свое почтение миссис Кэррол. Затем отправился к себе, пообещав прийти вечером.

Эми в этот вечер прихорашивалась больше, чем обычно. «Мы встретились в Старом свете, и он предстал передо мной в новом свете», — пошутила она про себя. Да, теперь возле нее был не милый мальчик, а красивый и обаятельный мужчина, и ей захотелось ему понравиться. Эми знала свои сильные стороны и пользовалась ими со вкусом и умом, а ум и вкус — это воистину наилучшее приданое для очаровательной, но бедной девушки.

Чтобы хорошо выглядеть на балу в Ницце, девушке не обязательно быть богатой. Следуя разумной английской моде на простые наряды, она покупала дешевые кисею и туль и очень эффектно украшала их живыми цветами. Порой в ней брал верх художник, и она делала себе какую-нибудь прическу в античном стиле или укладывала складки на одежде подстать богиням

классической древности. Но за ее добре сердце и миловидность ей легко прощали и претензии, и некоторое тщеславие.

«Надо произвести на него впечатление, чтобы он написал до- мой о том, как я выглядела на балу в Ницце», — подумала Эми, примеряя перед зеркалом старое бальное платье Фло и набрасы- вая на плечи шарф из входящей в моду ткани «иллюзия». О, как восхитительно вырисовывалась на фоне этого белого облака ее золотистая головка! Она даже не стала мучить свои прекрасные волосы щипцами, а просто собрала их на затылке, как юная Геба.

— Не слишком модно, ну и пусть. Лучше так, чем выгля- деть нелепо, — отвечала она на уговоры сделать завивку или за- плести косу.

Не имея никаких драгоценностей, Эми приколола на пояс розовые азалии, а белизну плеч оттенила веточкой плюща. Глядя на свои атласные туфельки и любуясь своими аристократиче- скими ножками, она не без грусти вспоминала о временах пере- крашенных ботинок.

— Так... Веер подходит к цветам, перчатки — к брелоку, кру- жева на платке — ко всему наряду. Мне бы еще классической формы нос и рот, и я была бы счастлива, — сказала она, крити- чески оглядывая себя в зеркале.

На балу Эми появилась оживленной и изящной; полагая, что при высоком росте ей подобает быть медлительной и величавой, как Юнона, она стала неторопливо прохаживаться взад и вперед по большому залу в ожидании Лори. Сперва она старалась держать- ся поближе к люстрам, чтобы свет падал на ее волосы, но потом решила, что не стоит производить впечатление в первую же минуту, и отошла в дальний конец зала. Оказалось, что удачнее и нельзя было придумать. Когда Лори вошел, он увидел ее стоя- щей возле окна, и стройная фигура в белом на фоне пурпурных портьер смотрелась как античная статуя.

— Добрый вечер, Диана! — произнес Лори.

Она отметила про себя, что он рассматривает ее не просто с интересом, а даже с удовольствием.

— Приветствуя тебя, Феб! — ответила Эми улыбкой на его улыбку.

Он тоже выглядел необыкновенно элегантно, и, представив, как она войдет в зал с таким кавалером, Эми пожалела четырех невзрачных сестер Дэвис.

— Это тебе. Я сам их выбрал, ведь ты, как говорила Ханна, не любишь «подбирать стебелечки друг к другу», — и он подал ей изящный букетик в точно таком кольце, каким она однажды любовалась в витрине «Кордильи».

— Какой ты милый! — восхлинула она с благодарностью. — А я не подумала о рождественском подарке для тебя.

— Пустяки... Букетик не так уж и хорош, но ты — чудесное к нему дополнение.

— Ой, только без комплиментов.

— Разве тебе неприятно их слушать?

— От тебя — не очень. Звучит так ненатурально, мне больше по душе твоя студенческая грубоватость.

— Что ж, я рад, если так! — сразу повеселев, он помог ей застегнуть перчатки, а потом совсем прежним тоном, как дома, собираясь на товарищескую вечеринку, поинтересовался, хорошо ли повязан у него галстук.

О, что за общество собралось в длинной столовой гостиницы! Пожалуй, нигде, кроме континентальной Европы, не увидишь такого. Радушные американцы пригласили всех, с кем завели знакомство в Ницце. И, не имея ничего против аристократов, они пригласили несколько титулованных особ на свой торжественный бал.

Русский князь беседовал в углу с немолодой скандинавкой, напоминавшей своим видом Гертруду — мать Гамлета. Восемнадцатилетний польский граф увлеченно общался с дамами, которые нашли его «прелестным юношем», а невозмутимый немец в одиночестве обходил столы в ожидании ужина. Был тут и личный секретарь Ротшильда — большеносый еврей в узких ботинках, который держался так, словно это был не он, а сам его патрон. А еще были старый танцмейстер, лично знавший Наполеона, и одна британская матrona в окружении маленького семейства — из восьми человек.

Но особенно много было, разумеется, девиц: резвых американок, красивых и томных англичанок, некрасивых, но очаровательных француженок. Они все веселились в обществе молодых людей, а мамаши всех национальностей благосклонно взирали на них, расположившись вдоль стен.

Любая девушка может представить себе состояние Эми, когда в тот вечер она «появилась на сцене», сопровождаемая Лори. Она знала, что отлично выглядит, она любила танцевать, балы были ее стихией, и она наслаждалась тем удивительным ощущением власти, которое пробуждается, едва девушка вступает в новое и прекрасное королевство, в котором рождена владычество по праву молодости, красоты и женственности.

Ей было жаль сестер Дэвис, нескладных, неуклюжих и сопровождаемых лишь угрюмым папашей да еще более угрюмыми тетушками — тремя старыми девами. Проходя мимо этих бедных сестричек, Эми, как обычно, дружелюбно им поклонилась, и это было очень хорошо с ее стороны, так как дало им возможность рассмотреть ее платье и пробудило в них жгучее любопытство: что за представительный джентльмен будет сегодня с ней танцевать?

При первых же звуках оркестра щеки у Эми зарумянились, глаза засверкали, и она уже нетерпеливо постукивала ножкой по полу — о, она здесь научилась замечательно танцевать, и чем скорее Лори оценит это... И вдруг — легче вообразить, нежели описать то, что она пережила, когда Лори спросил совершенно бесстрастным тоном:

- Тебе хочется танцевать?
- О Господи! А что же еще делать на балу?

Лори понял, что допустил бес tactность, и поспешил исправиться.

— Я имел в виду первый танец. Ты окажешь мне честь?

— Что ж, но тогда мне придется отказать графу. Он изумительный танцор, жаль было бы потерять такого партнера, думаю, однако, он меня простит, поскольку ты мой давний друг, — Эми, конечно, говорила все это неспроста: ей хотелось и произвести впечатление громким титулом, и заодно заставить Лори с собой считаться.

— Он — милый мальчик, но разве щупленький поляк годится в партнеры той, что

Величественна и стройна,
Как олимпийская царица.

Эми показалось несколько надуманным это поэтическое сравнение.

В котильоне участвовали в основном англичане, и Эми пришлось проделывать вместе со всеми медлительные па, — а как бы ей хотелось сейчас пуститься в тарантеллу! Лори сразу по окончании котильона передал ее на попечение «милого мальчика», а сам пошел исполнять свой долг — приглашать на танец Фло. Он не попросил Эми оставить ему другие танцы, и она решила его наказать, раздав все танцы до самого ужина. Впрочем, она была готова его простить при условии искреннего раскаяния.

Когда он лениво, словно бы нехотя подошел к ней (вместо того чтобы броситься) с приглашением на очередной тур, она раскрыла перед ним свою бальную книжку. Он отошел, выразив сожаление. Но проносясь галопом в паре с польским графом, Эми взглянула на Лори и поняла, что он ничуть не огорчен ее отказом и что беседа с тетушкой Кэррол вполне его устраивает.

Нет, этого она не могла ему простить. И Эми демонстративно перестала обращать на него внимание, разве что роняла пару слов, когда между танцами подходила к своим родным, чтобы поправить свой туалет или перевести дух. Впрочем, она умело скрывала свое раздражение под маской веселья, отчего казалась еще обольстительней и счастливей. Она не просто хорошо танцевала, но была поистине артистичной в танце, получая удовольствие сама и доставляя его другим. Лори вдруг поймал себя на том, что неотрывно наблюдает за ней. Не прошло и двух часов, как он сделал неожиданный для себя вывод, что «маленькая Эми Марч превращается в очаровательную женщину».

Бал был великолепен. Рождественское веселье всех осчастливило и окрылило. Музыканты в упоении трубили в трубы, били в барабаны, водили смычками по грифам. Почти все танцевали, а те, кто не мог, восторгались танцующими. Девочки Девис, забыв, что у них нет кавалеров, весело порхали по залу. И только

сиятельный тевтон, раньше других завладев накрытым к ужину столом, перезаказав все блюда, означенные в меню, ужасал прислугу производимыми опустошениями. Но воистину прославился на этом балу приятель Бонапарта. Невзирая на свой преклонный возраст и немалый вес, он скакал по залу, как мячик. Не зная новых танцев, он с чувством импровизировал, а за ним и остальные уже повторяли изобретенные им па. Это был какой-то новый Пиквик, только на французский манер.

Эми и польский граф являли ту же ревность, но при этом куда большую грацию. Лори казалось, что к ее атласным туфлям приделаны крыльшки. Но графу Владимиру нужно было отбыть по каким-то делам, и он с огромным сожалением оставил зал. Только тогда Эми вспомнила о своем изменнике. Как он там переносит наказание?

Когда тебе двадцать три года, даже самые тяжелые душевые раны исцелятся в столь приятном обществе: очарование красоты, музыки, движения и света не могут не действовать — кровь начинает быстрее бежать в жилах, нервы — трепетать, а душа — радоваться. Одним словом, спящий проснулся. «Я знала, ему это пойдет на пользу», — с улыбкой подумала Эми.

— Что это за ткань? — спросил он, рассматривая ее шарф.

— Она называется «иллюзия».

— Очень точное название. Она что, совсем недавно вошла в моду?

— Господи, она стара как мир. Ты десятки раз видел ее на других девушках.

— Я точно знаю, что прежде не видел ее на тебе. Ты сегодня...

— Сэр, я запрещаю вам говорить комплименты. Сейчас мне нужны не лестные слова, а чашечка кофе. Ну, что же ты сидишь?

Лори послушно принес ей кофе и почувствовал странное удовольствие от того, что над ним взяли власть. Ну а Эми, утратив прежнюю застенчивость, продолжала им помыкать. Так ведут себя все девушки, если обнаружат в своих кавалерах хоть намек на покорность.

— Когда ты успела всему этому научиться? — спросил он с усмешкой.

— Чему этому? Будь любезен уточнить.

— Ну, манера держаться, весь стиль, тон... — Лори замешкалась, подыскивая нужные слова.

Эми была обрадована, услышав это, хотя и не показала виду.

— Когда живешь за границей и живешь, как говорят, «играючи», все приходит само собой. Ну а это, — она небрежно показала на платье, — это почти ничего здесь не стоит, а я давно уже научилась представлять скромные вещи в наилучшем свете.

Эми запнулась, пожалев о своей излишней откровенности. Но Лори почувствовал уважение к ней, умеющей обходиться немногим и так искусно скрывающей свою бедность.

Эми еще не понимала, почему он смотрит на нее так ласково и почему написал свое имя на всех оставшихся строчках ее большой книжки. Хотя все было проще простого: в новой обстановке они произвели друг на друга новое, неожиданное впечатление.

Глава XV

В ЗАТОЧЕНИИ

Француженки проводят свои юные годы довольно скучно и монотонно, зато после замужества они пользуются неограниченной свободой. Американки, напротив, наслаждаются свободой в юности, а выйдя замуж, оказываются в заточении. Как только свадебные волнения остаются позади, о них все забывают, и большинство моих соотечественниц повторили бы слова, которые я услышала недавно от одной красивой и молодой дамы: «Я все так же хороша собой, но до меня больше никому нет дела, потому что я замужем!»

Мег не была красавицей, ей не доводилось блистать в свете, поэтому она не испытывала подобных огорчений, пока ее малышам не исполнился год. В том маленьком мирке, которому она принадлежала, ее так же любили и восхищались ею так же, как прежде.

Она была воплощением женственности, поэтому и материнский инстинкт оказался у нее очень сильным, так что детьми она была поглощена всецело, до самозабвения. Поручив все заботы о муже наемной кухарке, Мег не выходила из детской, лелея и пестуя своих крошек. Успевший привыкнуть к ее заботам, Джон явно страдал теперь от недостатка внимания, но во имя любимых чад готов был до поры до времени терпеть лишения, с присущей большинству мужчин наивностью полагая, что скоро все войдет в свою колею.

Однако шел месяц за месяцем, а семейная гармония никак не восстанавливалась. У Мег был что называется замученный вид, дети полностью занимали ее время, даже заботиться о хозяйстве было совершенно некогда, а Китти, кухарка, прибывшая из Ирландии, только и знала, что повторять: «Принимайте все полегче, хозяюшка», тем самым оправдывая собственную леность.

По утрам, когда Джон выходил из дома, он изо всех сил старался запомнить множество поручений мамаши-затворницы, а вечером, когда ему так хотелось обнять жену и малышей, он слышал уже с порога: «Прошу тебя, тише! Они весь день капризничали, только сию минуту уснули». Стоило ему предложить ей как-нибудь развлечься, хотя бы в стенах дома, он слышал в ответ, что этого ни в коем случае делать нельзя — дети могут перепугаться. Если же он пытался вытащить Мег из дома на лекцию или на концерт, то обычно раздавалось однозначно-укоризненное: «Я не из тех, кто бросает детей ради собственного удовольствия!»

Спалось бедному отцу семейства обычно плохо: то его будил детский плач, то видение призрачной фигуры, блуждающей взад и вперед по комнатам. На обед он зачастую получал на одно блюдо меньше, потому что жена, заслышав наверху плач, удалялась и уже не показывалась до следующего утра. Неудивительно, что, читая по вечерам газету, он в списке торговых судов находил имя «Дейзи», а среди фамилий биржевых магнатов глаза отыскивали знакомое — «Демиджон».

Словом, дети отняли у него Мег. Постепенно весь дом превратился в одну большую детскую, а он чувствовал себя варваром-

поработителем, незаконно нарушившим границы Священной Детской империи. Полгода он кротко терпел, но поскольку никаких перемен не намечалось, он поступил так, как поступают все мужья, которыми пренебрегли их жены, — постарался найти утешение среди друзей.

К тому времени его приятель Скотт успел тоже жениться и завести свое хозяйство. Но детей в молодом семействе пока не было, так что у прелестной миссис Скотт была только одна забота — быть приятной и радовать мужа. И вот, сидя в пустой гостиной и слушая долетающие сверху нескончаемые колыбельные, Джон в какой-то момент не выдержал и зачастил к Скоттам.

У друзей его ждали приятная обстановка, шахматная доска с расставленными фигурами, хорошо настроенное пианино и вкусный ужин. И все эти радости предлагались с необычайной любезностью.

Лучше, конечно, иметь свой такой же уютный домашний очаг, но когда его нет, приходится обходиться соседским.

Поначалу его частые отлучки очень устраивали Мег. Ее совесть была спокойна: Джону есть где провести время. По крайней мере, он не засыпал над газетой в гостиной и не будил детей, расхаживая по дому. Но когда у малышей наконец прорезались первые зубки и они стали мирно засыпать, оставляя маму на целый вечер в покое, Мег, сидя с рукоделием у камина, начала думать, что хорошо бы и Джону сидеть напротив и развлекать ее беседой, подпаливая на каминной решетке войлок своих шлепанцев.

Нет, она была слишком горда, чтобы попросить его остаться дома, но в душе у нее зрела обида. При этом она и не подумала вспомнить, сколько вечеров подряд он понапрасну ждал, когда она спустится к нему из детской. Еще не оправившаяся от бессонных ночей, Мег пребывала в том тревожном состоянии духа, которое знакомо большинству добросовестных молодых матерей. Измотанные заботами женщины многое видят в превратном свете. К этому еще следует добавить неподвижный образ жизни, отсутствие свежего воздуха и приверженность американок к крепкому чаю. Понятно, что в подобной ситуации женщина чувствует себя так, словно состоит из одних только нервов.

— Да, — сказала она, глядя в зеркало, — я старею и теряю красоту. Разумеется, ему приятнее смотреть на хорошенькую и беззаботную соседку. Ну и пусть. По крайней мере, дети меня любят, даром что я худая, бледная и непричесанная. Я все же верю, что и Джон со временем оценит мою жертву. А вы что думаете, мои солнышки?

Деми в ответ забубнил, Дейзи заворковала, как голубка, и Мег от жалоб перешла к восторгам. Конечно, занятия с малышами скрашивали ее заточение, но обида и тревога мало-помалу росли. Джон увлекся политикой и стал еще чаще сбегать к Скоттам, чтобы обсудить последние новости, он и не замечал, что она по нему скучает. Однажды мать, заглянув к ним в гости, застала ее в слезах. Она и раньше замечала уныние дочери, а теперь появился повод обо всем хорошенко расспросить.

— Ах, мама. Я никому не хочу про это говорить, но твой совет мне очень нужен. Если Джон и дальше продолжит в том же духе, то я мало чем буду отличаться от вдовы, — и она промокнула свои горькие слезы нагрудничком Дейзи.

— Что ты имеешь в виду? — встревожилась миссис Марч.

— Целыми днями он на службе, ладно, но и вечерами его вечно нет дома — он постоянно у Скотов. Почему я не думаю о развлечениях, а он не может без них обойтись? Все мужчины — ужасные эгоисты.

— А женщины? Не спеши обвинять Джона, может, в чем-то и ты не права?

— Ты что, оправдываешь его невнимание ко мне?

— А ты сама внимательна к нему?

— Одним словом, ты на его стороне.

— Я очень тебе сочувствую, но, по-моему, все же дело в тебе.

— В чем же я не права?

— Хорошо, объясню. Скажи, Джон проявлял свой «эгоизм», пока ты не стала оставлять его одного по вечерам?

— А как быть, если у меня на руках двое детей? Я не могу, пойми.

— Не можешь? Или не хочешь? Но ты должна. Давай поговорим откровенно. Но только постарайся понять, что если я укоряю, это не значит, что я не сочувствую.

— Ну конечно, мамочка! Только поговори со мной так, как в детстве, когда я была маленькой. Именно теперь, когда у меня появились свои дети и они во всем от меня зависят, мне так недостает твоих уроков!

Мег пододвинулась поближе к креслу, в котором сидела мать, и две любящие женщины заговорили о жизни, чувствуя, что материнство придало их отношениям новую глубину.

— Ты повторяешь ошибку многих молодых жен: любя детей, ты забыла о своем долге жены и хозяйки дома. Это простительная ошибка, но она может привести к беде. Дети должны сближать отца и мать, а не разъединять. Ты же полагаешь, что они твои и только твои, а Джон нужен лишь для того, чтобы добывать средства на пропитание вам троим. Не думай, я уже давно за вами наблюдаю. Но я ждала, что ты сама опомнишься и все встанет на свои места.

— Боюсь, что уже не встанет. Если я попрошу его остаться со мной, он решит, будто я ревную. Это все равно, как если бы я его оскорбила. Он не понимает, как он мне нужен теперь. А я не знаю, как мне выразить это.

— Приведи дом в порядок, чтобы мужу было приятно тут оставаться. Ему ведь тоже хочется, чтобы у него был свой дом. Но без тебя и дом не дом, а ты все время пропадаешь в детской.

— Разве не там мое место?

— Но не столько же времени. Погляди, ты стала нервной от своего затворничества. А ведь это не может не сказаться и на детях. Запомни, у тебя такой же долг перед Джоном, как перед детьми. И потом, впусти его в детскую, это ведь и его дети. Дай ему почувствовать, что он отец ваших чудных малышей. У тебя своя роль в их воспитании, а у него своя. И, я уверена, он прекрасно исполнит эту роль.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Не просто думаю, а уверена. Я это постигла на собственном опыте. Когда вы с Джо были маленькими, я повела себя точно так же, как ты теперь. Мне казалось, что я плохо поступлю, если не отдам вам всю себя. Сколько раз ваш отец просил, чтобы я доверила ему хоть частицу вашего воспитания. Я не смогла,

и он с головой ушел в свои книги. Ну а я продолжила заниматься исключительно вами. С тобой я ещеправлялась, но вот с Джо начались трудности. Я стала потакать ее прихотям и могла бы просто ее испортить. Потом вы обе заболели, а под конец и я слегла. Тут-то и пришел на помощь папа, я увидела, как уверенно он со всем спраивается, и с тех пор я уже никогда не обхожусь без его помощи. Вот в чем секрет нашего семейного счастья: он не отгораживается случайными обязанностями от домашних дел, а я стараюсь не погрязнуть в домашних хлопотах и быть в курсе всего, что творится на свете. У каждого из нас свои интересы и пристрастия, но в стенах дома мы трудимся сообща.

— Да, мама, я все поняла. Я тоже хочу стать для мужа и детей той, кем ты была для нас. Подсказывай мне, пожалуйста, я последую каждому твоему совету.

— Знаю, ты послушная девочка. Вот и начни с очевидного: попроси его чаще уделять мужское внимание Деми. Мальчику полезно как можно раньше ощутить, что у него есть отец. А ты больше занимайся дочкой. И еще, я ведь тебе уже предлагала, давай я буду отпускать к вам Ханну. Она прекрасная няня, и ты спокойно можешь оставлять с ней малышей, а сама тем временем приведешь в порядок дом. Будь подвижнее, чаще выходи на прогулки, бывайте в гостях, пробуди в себе прежнюю жизнерадостность. Погоду в семье делает женщина, и если ты будешь мрачная, то не бывать в семье ясным дням. Страйся вникать во все, чем интересуется Джон. Не замыкайся в чисто женских пристрастиях. Поверь, от больших мировых проблем мир в семье тоже зависит. Попроси, чтобы он читал тебе, пока ты занята рукоделием, и главное, не стесняйся задавать ему побольше вопросов. Только так ты вернешь мужа, а Джон вновь обретет жену.

— Ну, если я стану задавать ему вопросы о политике и прочем, он поймет, что я глупа.

— Чепуха! Твоя любознательность его только воодушевит. Сделай, как я тебе говорю, и посмотрим, не окажется ли для него «голубятня» привлекательнее, чем гостиная миссис Скотт.

— Бедный Джон. Я ведь и в самом деле совсем его забросила, а он ни разу меня даже не упрекнул.

— Да, он старался быть отзывчивым, но не нашел в тебе понимания. Теперь все зависит от вас: захотите вы разлететься в разные стороны или же воссоединиться вновь. Первое чувство быстро тает, когда нет общей заботы и постоянства. А у вас, молодых родителей, сейчас самое счастливое время, когда вы можете вместе следить за первыми шагами своих малышей, которых вам предстоит повести по жизни. Не разлучай детей с отцом, они — залог его счастья и преуспеяния в этом мире испытаний и искушений. Дети укрепят вашу любовь — запомни это, моя девочка. Подумай обо всем этом и будь готова к свиданию с любимым. Да благословит вас Бог!

Мег вняла материнским советам и решила следовать им впредь, но первая же попытка оказалась не очень-то удачной. Своей излишней опекой Мег успела превратить детей в домашних тиранов: капризами и слезами они научились добиваться от мамы всего, чего им хотелось. Она с рабской покорностью исполняла малейшие их прихоти, тогда как с папой им было не так просто справиться. Как ни отстраняли его от воспитания, все же он находил случай преподать буйну Деми уроки дисциплины. Мальчик унаследовал от отца волевой характер — не будем торопиться называть это упрямством или строптивостью. Мир для него был его «королевская рать» и существовал затем, чтобы удовлетворять все его желания. Мег казалось, что он еще слишком мал и пока рано ломать его характер, а Джон исходил из того, что чем раньше, тем лучше. И всякая попытка вступить с папой в борьбу неизменно оканчивалась для мистера Деми поражением. Мужской инстинкт заставлял малыша почитать своего победителя, и строгое папино «нет» постепенно начинало значить для него больше, чем снисходительное мамино «да».

Прошло несколько дней после разговора Мег с Марми, и вот она решила устроить мужу приятный вечер. Она заказала вкусный ужин, убрала гостиную, надела лучшее платье и стала укладывать детей спать пораньше, чтобы провести время в спокойной обстановке. Но Деми взбунтовался и не желал ложиться спать раньше обычного. Казалось, он решил и ночью продолжить свои дневные проказы. Бедняжка Мег пела его любимые

колыбельные, рассказывала сказки, перепробовала множество разных хитростей – все напрасно! Сна у Деми, как говорится, не было ни в одном глазу.

– Ну вот что. Ты будешь хорошим мальчиком и полежишь спокойно, пока я спущусь вниз и дам папе чаю. Он очень устал на работе, ты понимаешь? – сказала Мег, когда стукнула парадная дверь и Джон, следя ее наказам, на цыпочках прошел в столовую.

– Я тоже буду пить чай! – воскликнул Деми, радуясь, что ему предстоит принять участие в пиршестве.

– Нет, мой мальчик, уже поздно. Но я тебе оставлю к завтраку вкусное печенье, если ты будешь послушным. Смотри, как сладко спит Дейзи.

– Ладно! – и Деми крепко закрыл глаза в ожидании близкого утра.

Мег поспешила вниз, чтобы предстать перед мужем нарядной и счастливой. В волосах у нее был голубой бантик, особенно любимый Джоном.

– Для кого это так принарядилась наша мама? Будут гости? – поинтересовался Джон, сразу отметив произошедшие перемены.

– Для тебя, только для тебя.

– Постой, сегодня какая-нибудь годовщина?

– Нет. Просто мне надоело быть неухоженной. Ты всегда приходишь с работы такой элегантный, а я... Теперь у меня стало чуть больше времени – и вот я решила...

– Ну что ж! Я уверен, что все у нас будет как в старые добрые времена. Твое здоровье! – и он с торжественным видом поднял чашку с чаем. Но блаженство длилось недолго. Дверная ручка задергалась, и за дверью послышался капризный голосок:

– Пусти, я тут!

– Господи, он же обещал уснуть... Теперь он обязательно простудится и заболеет! – поспешила Мег на зов.

– Утречко! – радостно крикнул Деми, входя в столовую в длинной ночной рубашке и внимательно осматривая стол в поисках обещанного печенья.

— Нет, еще не утрецко! Ну-ка, в постель. Если послушаешь мамочку, то получишь печенье, и я еще помажу его вареньем.

— Я папу люблю! — объявил Деми и стал взбираться к отцу на колени в надежде добыть запретное.

Но Джон проговорил непререкаемым тоном:

— Если ты велела ему спать, то заставь его вернуться в постель. Иначе он никогда не будет с тобой считаться.

— Да, конечно. Деми, пойдем! — Мег увела сына наверх.

Но боясь, что он опять не послушается, она решила прибегнуть к подкупу. Запретив Деми «ночные гуляния», она тихонько вложила ему в кулакок кусок сахара.

Нарушитель спокойствия, посасывая сахар, стал думать о том, что предпринять дальше. Первая попытка ему удалась, зачем же останавливаться на достигнутом?

Не успели Джон и Мег снова расположиться за столом и продолжить свой приятный ужин, как маленький призрак явился опять и потребовал еще сахара.

— Нет, так дело не пойдет! — Джон изо всех сил старался сам не подпасть под обаяние юного грешника. — Пока ребенок не научится вовремя засыпать, в доме не будет покоя. Довольно быть у него в подчинении, накажи его хотя бы раз, чтобы он наконец понял. Отведи его наверх, уложи и оставь одного.

— Если меня не будет рядом, он не заснет и даже не останется в кроватке.

— Хорошо. Тогда им займусь я. Деми, ступай сейчас же наверх и ложись.

— Не! — пролепетал Деми и как ни в чем не бывало принял участие в уплетать печенье.

— Ты почему так разговариваешь с папой? Ну-ка, давай я отнесу тебя наверх, — попыталась справиться с ним Мег.

— Пойдем со мной, а папу я не люблю! — объявил Деми, хватая маму за подол.

Но мама сумела сдержать свои чувства и передала его отцу, лишь проговорив тихо:

— Только будь с ним поласковей.

Итак, он пропал! Не будет ни сладостей, ни развлечений. Теперь ему оставалось самому оказать сопротивление. Всю дорогу он визжал и брыкался в руках у папы, а когда сильные руки положили его на кровать, он скатился на пол с другой стороны. Его ловили за ноги и водворяли на место, а он опять предпринимал попытку к бегству. Так продолжалось до тех пор, пока силы не оставили маленького озорника. И тогда он стал вопить во все горло. Обычно эти вопли побеждали маму. Но с папой оказалось все не так просто. Джон сидел неподвижно. Ни сахара, ни сказки, ни колыбельной – только черный силуэт на фоне горящего камина. «Мама!» – взывал плениенный мятежник. И этого жалостного крика Мег не выдержала.

Она вбежала в детскую и взмолилась:

- Позволь мне остаться с ним, увидишь, он теперь будет вести себя хорошо.
- Нет, он будет спать, как тебе обещал, даже если мне придется провести возле него всю ночь.

– Он перевозбудится и заболеет! – пыталась возражать Мег, чувствовавшая себя преступницей и предательницей из-за того, что оставила свое чадо.

– Ничего не случится. Он так устал, что вот-вот уснет. Он должен наконец понять, что нужно слушаться родителей. Ступай вниз, я сам с ним справлюсь.

- Это мой сын, я не хочу, чтобы его мучили.
- Это еще и мой сын, и я не хочу, чтобы его портили!
- Хорошо, но поцеловать-то мне его можно?
- Да, конечно. Деми, скажи маме «доброй ночи» и отпусти ее отдохнуть, она очень с тобой устала.

Мег уверяла потом Джона, что начало победе положил ее поцелуй. В самом деле, после этого он больше не боролся, а только лежал, отвернувшись к стене, и лишь время от времени всхлипывал.

Джон решил уже, что мальчик измучился и уснул. Но, заглянув ему в лицо, понял, что Деми не спит. Дрожащим голосом сын проговорил:

- Папа, я стал хороший!

Когда Мег, встревоженная долгим затишьем, опять поднялась в детскую, она увидела Джона спящим на диване, а рядом с ним, ухватившись за отцовский палец, спал Деми. Ожидая, когда малыш отпустит его руку, Джон в конце концов заснул сам, утомленный часом борьбы с юным наследником больше, чем целым днем, проведенным в кабинете.

Постояв немного, Мег вернулась в гостиную, решив, что отныне будет доверять сына папе — одной ей скоро будет трудно с ним справляться.

Когда Джон спустился вниз в полной уверенности, что его ожидает обиженная жена, он был приятно удивлен, увидев, что Мег украшает свою шляпку. Она попросила мужа почитать ей новости, если он не слишком устал. Джон увидел, что с ней случился настоящий переворот, но не стал ни о чем расспрашивать, зная, что Мег, не способная и под угрозой смерти хранить секреты, рано или поздно все разъяснит ему сама. Он читал ей о выборах и давал доходчивые комментарии, а она старалась показать, что в данный момент ее внимание принадлежит судьбам нации, а не шляпке. В глубине души Мег думала, что политика мало чем отличается от скучной математики, а манера политиков поносить друг друга просто гнусна, но, когда он закончил читать, лишь произнесла дипломатично:

— Не знаю, к чему мы придем в конце концов.

И она вновь занялась своим изящным творением, составленным из цветов и кружев, а Джон, смеясь про себя, подумал, что все его разглагольствования не принесли ей и доли той радости, какую доставляет этот пустячок. Ну что ж, если она ради него пытается понять политику, то ему надо ради нее постичь тайну дамских шляп.

— Очень красиво! Что это, новый утренний чепчик?

— Джон, как тебе не стыдно! Это моя лучшая выходная шляпка.

— Прошу прощения, но мне она показалась такой маленькой и чуточку, как бы это сказать, легкомысленной... А как же она удержится на голове, если, например, ветер?

— Видишь вот эти кружевые ленточки? А это розовый бутон, то есть застежка в виде бутона.

Показывая ему, как застегивается шляпка, Мег вновь обрела чувство покоя, которое делало ее неотразимой.

— Красивая шляпка. Но главное то, что под этой шляпкой твое лицо опять стало юным и счастливым.

Джон поцеловал это счастливое лицо, слегка помяв, правда, розовый бутон на шляпке.

— Да, теперь нам с тобой остается пойти на хороший концерт. Я соскучилась по музыке.

— Конечно. Давно пора. Ты засиделась дома, да и мне хочется встряхнуться. Но как это тебе пришло в голову, милая мамочка?

— Понимаешь, у меня был разговор с мамой. Я пожаловалаась на себя, что стала раздражительной и злой. И она мне дала много хороших советов. Теперь Ханна будет приходить к нам и помогать с детьми. А я займусь домом и буду выходить в свет, чтобы преждевременно не превратиться в старуху. Но это и ради тебя тоже. Я была так постыдно невнимательна к тебе это время. Давай сделаем наш дом таким, каким он был прежде. Ты ведь не возражаешь?

Неважно, что ответил Джон. Важно то, что он и не думал возражать. Иначе в доме и его обитателях не произошли бы так быстро значительные перемены. До райской идиллии было, конечно, далековато, но разделение труда всем пошло на пользу. Пунктуальный и уравновешенный отец семейства утвердил в Священной Детской империи незыблемые законы, а Мег снова помолодела и похорошела благодаря подвижному образу жизни, доверительным беседам с умным мужем и некоторым развлечениям, которые она все чаще стала себе позволять.

Теперь Джону уже не приходило в голову покидать свой «игрушечный домик» иначе как в обществе жены. Скотты сами часто наведывались к Брукам и находили их гнездышко обителю довольства и любви. Даже взыскательная Салли Моффат чувствовала себя в этих стенах очень уютно.

— Мне приятно бывать у вас, — сказала она, печально оглядываясь вокруг, как будто искала тайну, с помощью которой ей удалось бы победить холод и одиночество, поселившиеся в ее большом доме, — здесь так мило и уютно.

У нее все еще не было детей, а Нед жил в своем собственном мире и не допускал туда Салли.

Так Джон и Мег нашли ключ к семейному счастью. Сокровище истинной любви может открыться самым бедным людям и оказаться скрытым от самых богатых. Мег не жаловалась больше на свое «заточение». Право, в четырех стенах можно чувствовать себя избавленной от суэтности мира, тем более когда рядом с тобой любящие дети и твой верный друг, и ты с радостью правишь своим домашним царством — не как царица на престоле, а как разумная жена и мать.

Глава XVI

ЛЕЖЕБОКА ЛОРЕНС

Лори намеревался пробыть в Ницце всего неделю, а задержался на месяц. Он устал путешествовать в одиночестве, а присутствие Эми вдруг вернуло ему домашний уют на другом полуширии. Как не хватало ему семейства Марч, всегда готового приветить «милого Лори»; и сколь ни гостеприимно встретила его Европа, ничто не могло заменить ему общества «девочек» Марч. Эми из четырех сестер баловала его меньше всех, но теперь она была ему рада, потому что и сама, при всей ее кажущейся беззаботности, стосковалась по дому, а Лори был в известном смысле членом ее семьи.

Им было приятно проводить время вместе, разъезжая верхом, совершая долгие прогулки, танцуя на балах или просто бездельничая, потому что мудрено посвятить себя какому-то делу, когда весь город пребывает в праздности.

Окружающим они казались беззаботной и легкомысленной парой, а между тем молодые люди пристально приглядывались друг к другу, делая одно открытие за другим. Эми с каждым днем вырастала в глазах Лори, а она находила в нем все больше недостатков, и каждый из них уже знал правду, хотя еще не было сказано ни слова.

Эми старалась понравиться ему, и ей это удалось. В душе она была ему благодарна за то, что он развлекал ее, и платила ему маленькими любезностями, которые были столь присущи ее изящной, женственной натуре. А Лори плыл по течению, принимая ее внимание как должное: все женщины, считал он, должны быть добры к нему уже потому, что некогда одна из них проявила к нему жестокость. Пожалуй, он передарил бы Эми все безделушки в Ницце, согласись она принять эти подарки. Но вместо этого он ловил на себе ее грустно-ироничный взгляд и начинал бояться проникновенных голубых глаз Эми.

— Все отправились на целый день в Монако, а я осталась написать письма. Зато теперь я собираюсь поехать в Вальрозу на этюды. Что ты на это скажешь? — спросила она, когда в один прекрасный день, устав от своих ленивых скитаний, Лори забрел к ней.

— Я бы составил тебе компанию, но не слишком ли жарко для столь дальней прогулки?

— Наймем экипаж. Править будет Батист, а твоё дело — только держать надо мной зонтик. Я, как видишь, проявляю заботу о твоих перчатках, — Эми лукаво взглянула на его безукоризненно чистую пару из тонкой лайки — перчатки вообще были слабостью Лори.

— Что ж, я еду! Милости прошу, — он протянул руку за этюдником.

— Ну нет. Для тебя это чрезмерная нагрузка, а для меня привычное дело, — продолжала посмеиваться Эми, легко сбегая вниз с этюдником под мышкой.

Лори ни на чем больше не настаивал, но когда они сели в экипаж, он сам взял вожжи, так что Батисту оставалось лишь скрестить руки на груди и погрузиться в дрему на своей скамеечке.

До этого дня они ни разу не поссорились. Эми была неизменно тактична, а Лори слишком ленив. В дороге время от времени он заглядывал под поля ее шляпки, она улыбалась в ответ, — и они ехали дальше в самом дружеском расположении духа.

А ехать было так приятно; в пути встречались чудные картины. Пастух в коротких штанах, деревянных башмаках и остро-

верхней шляпе играл на дудке, а вокруг паслись козы. По дороге брели два ослика с корзинами свежескошенной луговой травы, на одном ехала юная красавица, а на втором — старушка с прялкой. Из встречных домиков выбегали загорелые, светлоглазые дети и предлагали купить у них цветы или апельсиновую ветку с плодами. Оливковые деревья укрывали холмы в тени своих крон, в садах золотились плоды, по обочинам дорог алеши ане-моны, а вдали зеленели подножья гор и белели на фоне синего итальянского неба заснеженные вершины Альп.

Вальроза означает «долина роз». Лето не покидает этих широт, и розы растут здесь повсюду. Они буквально обволакивают арки, тянутся к проходящим из-за чугунных прутьев ворот, образуют аллеи, красуются на холмах рядом с лимонами и пальмами.

Каждый уголок тут представлял собою цветник, в каждом гроте из-под вуали улыбалась мраморная нимфа, и над водами каждого фонтана склонялись созерцающие свои отражения розы — алые, белые или бледно-розовые. Кусты роз окружали колонны, поднимались вверх на террасы, с которых открывался вид на озаренное солнцем Средиземное море и белый город на побережье.

— Что можно придумать лучше для медового месяца? — заметила Эми, вдыхая умопомрачительный аромат. — Ты где-нибудь еще видел такие розы?

— Нет, и таких шипов тоже, — ответил Лори, засовывая в рот большой палец, пострадавший при попытке добыть самую ослепительную розу.

— А ты сорви такую розу, у которой нет шипов! — с этими словами она сорвала три небольших светлых цветка и вдела ему в петлицу.

С минуту он смотрел на них со странным выражением. Будучи наполовину итальянцем, Лори был суеверен; еще он пребывал в том меланхоличном состоянии, горестном и сладком одновременно, когда наделенные воображением молодые люди в разных пустяках видят символический смысл и повод для романтических фантазий.

Ослепительная колючая роза связывалась в его сознании с Джо — она часто приходила к ним в оранжерею и брала именно такие розы. А эти светлые розочки... Итальянцы никогда не вкладывают их в свадебные букеты, но только в руки умерших. Что это? Дурное предзнаменование? Но для кого? Для него или для Джо? Здравый смысл американца помог ему быстро прогнать мрачные мысли, и он вдруг засмеялся так весело и сердечно, как не смеялся еще ни разу со дня приезда в Ниццу.

— Прими дельный совет и убережешь руки, — продолжала тем временем Эми очень серьезным тоном.

— Что ж, я ему последую, — отвечал он в шутку, но спустя время и впрямь воспользовался ее советом.

— Когда же ты поедешь к дедушке? — полюбопытствовала Эми, устраиваясь на каменной скамье.

— Наверно, скоро.

— Ты уже три недели это говоришь.

— Люблю отделяться короткими ответами.

— Поезжай, он ведь ждет тебя.

— Ты невероятно гостеприимна!

— Нет, в самом деле, а почему ты не едешь?

— Природная испорченность, надо полагать.

— Проще говоря, лень. Это отвратительное качество! — Эми посмотрела на него почти сурово.

— Я ему там буду только докучать, уж лучше — здесь и тебе, ты это спокойнее переносишь.

И он уселся в ленивой позе на широком выступе балюстрады.

Покачав головой, Эми с безнадежным видом раскрыла этюдник.

— Чем ты занят?

— Наблюдаю за ящерицами.

— А что потом собираешься делать?

— Закурить, если позволишь.

— Какой же ты противный! Хорошо, я разрешу тебе выкурить одну сигару, если ты мне попозиришь. Мне не хватает тут натурщика.

— К вашим услугам. Во весь рост? Сидя? Стоя на голове? Меня самого больше устраивает лежачая поза — можешь назвать свой этюд «Сладостное безделье».

— Пожалуйста, можешь даже вздрогнуть, пока я работаю, — звонким, энергичным голосом сказала Эми.

— Завидный энтузиазм!

И, слегка зевнув, Лори прислонился затылком к большой каменной вазе.

— Интересно, что сказала бы Джо, если бы сейчас тебя увидела? — Эми хотела поддразнить его, напомнив о своей энергичной сестре.

— Наверно, сказала бы, что ей некогда, и прогнала прочь! — засмеялся он, но смех вышел ненатуральным от прикосновения к еще не зажившей ране.

Поглядев на него, Эми встретила угрюмый взгляд, полный сожаления, разочарования, боли. Но она не успела ничего разглядеть, все тут же исчезло, уступив место вялому безразличию. Потом он как будто бы забыл о ней и погрузился в свои мечты, а Эми продолжала изучать его глазами художницы. Да, он в самом деле был похож на итальянца, особенно теперь, когда с задумчивым видом лениво растянулся на солнце.

— Ты похож на изваяние на могиле молодого рыцаря, — сказала она, старательно прорисовывая профиль, рельефно очерченный на фоне камня.

— Хотел бы я им быть!

— Глупое желание, только портишь себе жизнь. Ты страшно изменился, и я иногда начинаю думать... — Эми не договорила, но взгляд ее выражал больше, чем несказанные слова.

Лори заметил выражение взрослой заботы и тревоги на ее лице и, глядя ей прямо в глаза, ответил, как обычно отвечал ее матери:

— Все в порядке, мэм.

Это немного развеяло ее сомнения, и, кроме того, она была тронута сердечностью его тона.

— Слава Богу! Я, разумеется, не думала, что ты стал скверным, дурным человеком, но порой мелькала мысль: а вдруг он

проиграл деньги в этом мерзком Баден-Бадене или полюбил какую-нибудь прелестную француженку, а потом узнал, что она замужем... Словом, чего не случается за границей? Не лежи так долго на солнце, давай устроимся в тени и поболтаем, как мы когда-то с Джо на нашем диване.

— Что ж, я готов! — в глазах Лори мелькнуло любопытство.

Он перебрался на траву и стал украшать венком из маргариток ее шляпку.

— Мне, собственно, рассказывать нечего, я тебе уже все рассказал, так что начинай ты.

— Я думал, у тебя есть новости из дома.

— Ты же видел последние письма. А разве Джо не ведет с тобой переписку? Наверно, присыпает тебе целые тома.

— Она, похоже, очень занята, да и мне тоже некогда. Скачешь с места на место — какие уж тут письма? Ну а ты уже сотворила тут шедевры, Рафаэлла? — сменил он тему разговора, гадая, знает ли Эми его секрет. Что если она намеренно так часто заговаривает с ним о Джо?

— Мне не создать шедевров, — печально, но решительно ответила Эми. — Рим развеял все мои тщеславные мечты. Увидев там чудеса, я осознала, насколько я мала.

— Как же так? С твоей энергией и способностями...

— В том-то и дело. Способности — еще не талант, и никакой энергией не превратишь одно в другое. Я хочу быть всем или никем. Заурядных художников и без меня хватает.

— И что же ты собираешься делать?

— Совершенствовать другие мои таланты и быть украшением общества.

Это прозвучало дерзко, но Лори подумал, что у нее есть основания для таких заявлений. Еще ему понравилось, что она не собирается впадать в уныние от поражения, а наоборот, не мешкая, ставит перед собой новую цель.

— Браво! Кажется, в это общество тебя успешно вводят Фред Вон.

Он сразу же заметил ее смущение и продолжил:

— Теперь я беру на себя роль старшего брата. Прошу отвечать на мои вопросы!

— Я тебе этого не обещаю.

— Что ж, если хочешь, молчи, а я попытаюсь прочесть ответы на твоем лице. Ты еще не такая светская львица, чтобы полностью скрывать свои истинные чувства. Мне кое-что рассказали о Фреде, и этот... рассказчик считает, что если бы Фреда не вызвали домой, у вас что-нибудь могло бы уже выйти.

— Не мне об этом судить, — холодно произнесла Эми, но предательский блеск в глазах говорил о том, что она знает силу своих чар и торжествует победу.

— Но ты, надеюсь, не помолвлена? — Лори посмотрел на нее печально и немного сурово.

— Нет.

— А если он вернется, встанет перед тобой на колени, будет умолять, — что тогда?

— Как знать? Все может быть.

— Ага! Ты любишь его.

— Если бы я постаралась, то могла бы полюбить.

— Почему же одно сослагательное наклонение? А знаешь что... Он хороший парень, но он не в твоем вкусе.

— Отчего же? Он богат, он джентльмен, у него прекрасные манеры, — Эми старалась говорить спокойно, но по голосу чувствовалось, что ей стыдно за саму себя.

— Да, конечно. Как же быть украшением света, оставаясь бедной? И ты решила найти выгодную партию? Все правильно, так поступает весь мир... Но Эми, ты ведь дочь своей матери!

— Да! И тем не менее! — холодная решимость, прозвучавшая в ее голосе, не вязалась с обликом Эми. И вдруг она обратилась к нему совсем иным тоном:

— Послушай, сделай ради меня одну вещь. Стряхни с себя свою лень.

— Только с твоей помощью.

— Я бы с радостью помогла, но как? — в ее голосе вдруг проявились такая решительность, словно она сию же минуту была готова начать войну за обновление Лори.

— Ты, главное, начни! — Лори обрадовался возможности позорничать и подразнить Эми — слишком долго она заставляла его ходить по струнке.

— Ты через пять минут разозлишься.

— Я никогда на тебя не разозлюсь. Чтобы высечь огонь, нужны два кремня, а мы... Я превратился в жуткого лентяя, как ты правильно заметила. А... ты сейчас больше похожа на альпийский снег — такая же мягкая и холодная.

— Ну, если тебя растереть снежком, ты сразу оживешь. И станет ясно, что ты только притворяешься равнодушным.

— И впрямь, мне это не повредит, а тебя позабавит, — как сказал один здоровяк своей хрупкой жене, когда она набросилась на него с кулачками. Ты тоже вообрази себе, что я твой муж... Или что я большой пыльный ковер, который надо выколотить.

Его слова больно задели Эми, и, затачивая карандаш, она решила «заточить» и свой язычок.

— Знаешь, как мы с Фло тебя прозвали? Лежебока Лоренс. Нравится?

Он как будто бы совсем не рассердился — только улегся поудобнее и заложил руки за голову.

— Спасибо вам обеим за новое имя.

— А ты хочешь знать, как я на самом деле к тебе отношусь?

— Говори.

— Так вот — я тебя презираю.

Скажи она «ненавижу», он, пожалуй, только посмеялся бы, сочтя это за кокетство. Но «презираю»... И причем так серьезно, с такой грустью в глазах.

— Почему же?

— Потому что у тебя есть все, чтобы быть чутким, трудолюбивым и счастливым. А ты замкнутый, ленивый, порочный и несчастный!

— Надо же, какие сильные определения!

— Я могу продолжить.

— Сделай милость. Мне интересно послушать, что ты еще скажешь.

— Ну да, эгоистичные люди всегда готовы с жадностью слушать, что о них говорят, им даже безразлично, хорошее говорят или плохое.

— Так я еще и эгоист? — с искренним удивлением переспросил Лори (готовый признать за собой любые прегрешения, он с гордостью считал великодушие своей неоспоримой добродетелью).

— Еще какой! — Эми говорила очень спокойно, но и самый лютый гнев не подействовал бы на Лори так, как еедержанность. — Я успела тебя изучить за эти дни. Ты уже полгода торчишь за границей, а что ты сделал? Только зря тратил время и деньги. И доставлял разочарование своим близким.

— Ну знаешь, после четырех лет в университете человек имеет право немного развлечься и получить удовольствие.

— Я не заметила, чтобы тебе хоть что-то доставляло удовольствие! Я напрасно тебе сказала, что ты переменился к лучшему. Нет, в Америке ты был куда лучше. И что у тебя тут за общество! Дураков, которые тебя нахваливают, ты предпочитаешь честным, умным людям, чье доверие надо еще заслужить. И это при твоем богатстве, способностях, красоте, ловкости! Ты мог бы быть совершенством, а ты...

— А я лежебока и принц на горошине.

Однако выговор начинал приносить ощутимую пользу. Во взгляде Лори уже поблескивали обида и тревога.

— Вас устраивает, чтобы мы были куколками и ангелочками. А если девушка о чем-то задумывается и умеет высказать правду в глаза, то на нее надо махнуть рукой и высмеять.

Эми с горечью отвернулась от юного страдальца, распростертого у ее ног. Она хотела было продолжить рисовать, но от волнения рука дрожала. И тут Лори произнес детским голоском:

— Я буду хорошим!

Но Эми даже не улыбнулась, она ткнула Лори в руку острием карандаша и продолжила обвинительную речь:

— Господи, и это рука мужчины! Мягкая, белоснежная, словно женская, как будто ты только и делал в жизни, что собирали цветы и носил перчатки от Жувена. Хорошо еще, что ты не обзавелся бриллиантовым перстнем, а носишь простое колечко, которое тебе когда-то подарила Джо. Боже мой, как бы я хотела, чтобы она была сейчас здесь!

— Я тоже!

Он лежал на траве, закрыв лицо шляпой. Но даже по тому, как поднималась и опускалась его грудь, Эми было ясно, что он пытается скрыть что-то потаенное и наболевшее. Сопоставляя в уме различные намеки и эпизоды, Эми потихоньку начала догадываться о том, чего не захотела поведать ей старшая сестра. Недаром Лори сам не заговаривал о Джо, а когда о ней вспоминала Эми, у него по лицу пробегали тени! Недаром он не расстается с ее подарком — простеньким колечком, которое совсем не украшает его руку. Как же она, видя эти красноречивые знаки, до сих пор ничего не поняла!

И вот она устремила на него нежный и проникновенный взгляд, и он услышал совсем другой, непередаваемо прекрасный голос:

— Прости меня! Господи, разве у меня есть право так говорить с тобой! Как же ты великодушен и мягок, раз смог вытерпеть это! Просто, понимаешь, мы все всегда гордились тобой, а потом ты вдруг так изменился... А из дома никто не писал, что с тобой что-то не так... Но они, возможно, лучше, чем я, понимают эту перемену.

— Еще как понимают! — послышался голос из-под шляпы, срывающийся и берущий за душу.

— Но почему мне ничего не сказали! Я никогда не допустила бы такой бес tactности, я была бы с тобой терпеливой, доброй, поверь! Мне никогда не нравилась эта твоя мисс Рендл, а теперь я ее просто ненавижу! — хитрая Эми решила сделать первую пробу.

— Какая еще мисс Рендл!

Он отбросил в сторону шляпу, ясно давая понять, что к упомянутой особе у него никаких чувств нет и быть не может.

— Прости, но я слышала и мне казалось...

— Ничего тебе не казалось! Ты отлично знала, что я никогда никого не любил, кроме Джо, — вся его прежняя искренность и пылкость прозвучали в этих словах; и он отвернулся.

— Да, я до недавнего времени совершенно была в этом уверена. Но в доме никогда об этом не говорили, потом ты уехал — и я решила, что, наверно, ошиблась. А ведь Джо любила тебя. Неужели...

— Любила, но совсем не так, как мне того было надо. Что ж, ей повезло, что она от меня отделалась, раз я, как ты говоришь, никуда не годный. Хотя, между прочим, это она меня таким сделала, она! Можешь ей так и передать.

И снова Эми увидела его холодный, тяжелый взгляд. Она растерялась, не зная, как поступить в столь неловкой ситуации и чем утишить рану, которую сама же разбередила.

— Я была кругом не права... Но от всего сердца желаю, чтобы ты нашел в себе мужество это пережить. Ты слышишь меня, Тедди?

— Не надо. Этим именем называла меня она, — он вскинул руку, желая закрыться от ее слов, сказанных таким тоном, словно их произносила не Эми, а Джо, — столько было в них понимания и нежной укоризны. — Подожди, вот испытываешь такое сама, — прибавил он тихо, нервно выдергивая из земли пучок травы.

— Я бы постаралась перенести это мужественно. И, думаю, добилась бы уважения со стороны того, кто не сумел ответить мне любовью, — заявила Эми с самоуверенным апломбом, который выдавал в ней душу, еще не познавшую горестного опыта.

До сих пор Лори казалось, что он переносит свою неудачу самым достойным образом: не жалуясь, не ища сочувствия, уходя от общества людей в свое одиночество. Однако Эми заставила его по-новому взглянуть на себя. Оказывается, он всего лишь слабохарактерный эгоист, который при первом же поражении пал духом и замкнулся в скорлупе уныния и равнодушия. Но теперь с него сняхнули дремоту, и он не вправе вновь погружаться в сон. Приподнявшись с земли, он спросил задумчиво:

— Считаешь, Джо сейчас презирала бы меня так же, как ты?

— Да, потому что она враг любой душевной лени. Господи, неужели за это время ты не попытался совершить ничего примечательного, чтобы завоевать ее любовь?

— Я пытался — но все бесполезно.

— Ах да! Ты окончил университет. Но при чем тут Джо? Ты это сделал для себя и отчасти еще для дедушки. Еще бы не хватало тебе провалиться, когда он затратил на тебя такие деньги! Это при твоих-то способностях.

— Но в другом отношении я провалился.

— Неправда! Учеба дала тебе знания, опираясь на них, ты можешь принести людям много пользы. Поставь себе новые задачи — и ты опять станешь счастлив, ты позабудешь свои огорчения!

— Вряд ли у меня получится.

— Попробуй. Ты, конечно, думаешь, что я просто маленькая дурочка с большими претензиями. Да, у меня мало опыта, но я довольно-таки наблюдательна. Я вижу, как ведут себя люди, и пусть я что-то не понимаю, но я стараюсь все запомнить и извлечь из этого для себя пользу. Люби Джо всю жизнь, но не пренебрегай другими дарами, идущими к тебе в руки, лишь потому что один когда-то не дался. Но хватит нотаций. Я знаю, с этой минуты ты начинаешь новую жизнь и покажешь моей жестокосердной сестре, что ты настоящий мужчина.

Несколько минут они сидели молча. Лори крутил кольцо на пальце, а Эми заканчивала свой набросок. Потом она положила листок ему на колени.

— Что скажешь?

Рисунок в манере шаржа был выполнен замечательно. На нем Лори Лоренс лежал на траве, с мрачным выражением лица, полузакрытыми глазами и с сигарой в руке, дым от которой кольцом окружал его голову.

— Ты прекрасно рисуешь! — сказал он, искренне восхищаясь ее мастерством, и вздохнул. — Да, вот я какой стал.

— А вот каким ты был. — Эми положила рядом с первым рисунком другой, выполненный на скорую руку.

По мере того как Лори разглядывал этот небрежный набросок, его лицо принимало новое выражение. Это была одна из зарисовок прежних лет, на ней Лори укрощал коня. Прекрасное животное выгибало шею, туго натягивая узду, било копытом о землю и так настороженно поводило ушами, как будто вслушивалось в голос своего повелителя. В растрепанных волосах и энергичной позе наездника читались предельная собранность, сила, юная жизнерадость, представлявшие такой разительный контраст ленивой позе на первом рисунке. Лори молчал, но по тому, как он переводил взгляд с одного рисунка на другой, Эми поняла, что ее уроки увенчались успехом.

— Помнишь, как в своих мечтаниях о славе лихого ковбоя ты взялся укрощать Шалуна? Тогда Бет и Мег в испуге прижались друг к другу, Джо ликовала и прыгала от восторга, а я сидела на заборе и рисовала. Сегодня утром я обнаружила этот рисунок в одной из папок и захватила его с собой, чтобы немного тебя развлечь.

— Должен заметить, что как художница ты сделала большие успехи, поздравляю... Однако позволь напомнить, что в пять часов у вас в отеле обед.

Лори поднялся, с улыбкой вернул ей рисунки и посмотрел на часы, как бы показывая, что воспитательные работы пора заканчивать.

«Ну, конечно, я его обидела! — подумала Эмми. — Зато вывела его из спячки. Жаль, если он меня возненавидит, но я сказала правду... а сказанного уже не вернешь».

На обратном пути лошадьми правил Батист. Время от времени поглядывая на юную пару со своего возвышения, он пришел к выводу, что господа пребывают в наилучшем расположении духа. Однако грум ошибался; несмотря на внешнюю веселость, ни он, ни она не испытывали в душе радости, а в сердцах у обоих засело недовольство.

— Надеюсь, мы сегодня еще увидимся?

— Нет, я, к сожалению, занят. До завтра, мадемуазель! — Лори нагнулся, чтобы поцеловать ей руку.

И хотя Эми нравилось, как он это делает, она ощущала, что сейчас это ненужно и неуместно.

— Давай расстанемся как добрые товарищи. Мне больше по вкусу сдержанное английское рукопожатие, чем эти французские изыски.

— До свидания, дорогая!

Он сказал это самым сердечным и дружественным тоном. И почти до боли сжал ей руку.

Утром Эми, как обычно, ждала, что Лори зайдет к ней в гостиницу. Но вместо этого ей вручили записку, начало которой вызвало у нее улыбку, а конец — тревожный вздох.

*«Мой дорогой Ментор,
можете передать мой поклон тетушке и порадоваться, что
Лежебока Лоренс наконец отбыл к дедушке. Приятной Вам зимы,
и пусть боги даруют Вам счастливый медовый месяц в Вальрозе.
Желаю успехов в воспитании Фреда, которому так же, как и мне,
не мешает прочистить мозги. Так и передайте ему, вместе с мо-
ими поздравлениями.*

Ваш благодарный Телемах.»

«Хороший мальчик. Как я рада, что он поехал», — улыбнулась Эми.

Но оглядев пустую комнату, она сказала, грустно вздохнув:
— Конечно, я рада, но мне его будет очень не хватать.

Глава XVII

ДОЛИНА ТЕНЕЙ

Бет уже не становилось лучше. И, пережив много горестных дней, семья постепенно стала привыкать к неизбежному. Беда еще теснее сплотила родителей и сестер. Все досадные мелочи отступили перед великим несчастью. Каждому хотелось лишь одного, чтобы последний год с Бет оставил после себя хоть какие-то счастливые воспоминания.

Больной отвели самую уютную комнату в доме, и там было собрано все, что она особенно любила: цветы, картины, ее пианино, рабочий столик и обожаемые ею кошки. Сюда же были перенесены лучшие книги отца, любимое кресло матери, письменный стол Джо, лучшие рисунки Эми.

Каждое утро Мег совершала с детьми паломничество в родительский дом, чтобы порадовать «тетю Бет». Джон тайком от всех откладывал немного денег на фрукты для Бет. Постаревшая от горя Ханна со слезами на глазах чуть ли не ежедневно замешивала тесто, чтобы ублажить неважный аппетит своей любимицы. А письма, приходившие из Европы, казалось, несли в себе тепло и аромат краев, не знающих зимней стужи.

Оберегаемая всеми, словно священная реликвия в ковчеге, Бет проводила целые дни в этой уютной комнате, пребывая в спокойствии и занимаясь различными делами. Она и в страдании оставалась кроткой и внимательной к людям. Она знала, что ее дни сочтены, и старалась оставить по себе добрую память у тех, кому предстояло жить без нее. Силы с каждым днем оставляли ее, но Бет не позволяла себе лениться.

Она придумала себе занятие: каждый день мимо ее окон гурьбой пробегали школьники и она, выбрав среди них кого-то одного, делала ему подарок. Мальчику с вечно красными от холода руками она связала варежки, а «куклиной маме» сшила игольницу. Каждому ребенку она дарила что-нибудь нужное: перочистку, карандаши, альбом. И дети отвечали ей добром. Все, кому она старалась скрасить трудный подъем по лестнице знаний и кого освещала дарами, звали ее доброй феей, удивляясь тому, как она угадывает их вкусы и желания.

И Бет не нужно было никакой иной награды, кроме сияющих детских лиц, обращенных к ней, и записок с каракулями и кляксами, которые протягивались ей через окно.

Эти месяцы можно было даже назвать счастливыми. Бет оглядывала свою комнату и восклицала: «Как же у меня тут красиво!» Все семейство собиралось теперь у нее: малыши возились и шумели возле ее ног, мать и сестры занимались рукоделием.

Отец же своим прекрасным, выразительным голосом читал фрагменты из старых и мудрых книг, полных слов доброты и утешения, книг, ничуть не устаревших, хотя и написанных сотни лет назад. Он и дома напоминал священника в маленькой церкви, наставляющего паству и дающего уроки, которые надлежало исполнить. И его простые проповеди проникали глубоко в их души еще и потому, что он был отцом не только духовным. Когда голос его начинал срываться от душевного волнения, это лишь усиливало впечатление от того, что он читал или говорил.

И слава Богу, что это счастливое время было им ниспослано: они успели приготовиться к печальным дням, последовавшим затем. Однажды Бет сказала, что иголка «такая тяжелая», и более ей уже не суждено было открыть шкатулку для рукоделия.

Даже самые близкие люди стали ее утомлять, и страдание, мучившее слабую плоть, начинало пересиливать ее кроткий дух. О Боже! Какие это были тяжелые дни, какие долгие, нескончаемые ночи; какая боль проникала во все сердца, какие горячие возносились молитвы, когда Бет в мучениях протягивала им на встречу исхудальные руки, умоляя помочь, и неоткуда было взять помощи.

Но мятеж всегда покорной души, борение юного существа в тисках смерти милосердной волею неба продолжались недолго. Восстание окончилось — и в душу девушки опять пролился покой, может быть, еще более прекрасный, чем прежде. Чем больше слабело хрупкое тело, тем сильнее становилась душа, и окружающие по очень скромным словам Бет могли понять, что готовность в ней растет. Те сияющие фигуры, о которых сестры читали в «Путешествиях пилигрима» уже готовились к встрече с ней, радуясь тому, что первой призывается самая достойная.

Джо, с тех пор как услышала от Бет, что сестренка в ее присутствии чувствует себя сильнее, не оставляла ее в одиночестве ни на один час. Она спала рядом с ней на кушетке, часто просыпаясь, чтобы расшевелить огонь в камине, поправить подушку или просто поддержать милую терпеливицу, не хотевшую лишний раз причинять близким беспокойство. Тем, что именно ей суждено было стать сиделкой, Джо гордилась больше, чем любой другой честью, которая могла бы выпасть на ее долю. Это были важные, полезные для Джо дни, ее порывистая натура обретала новые и столь необходимые качества.

Младшая сестра преподала ей в самой ненавязчивой форме уроки терпения и доброты. Джо училась понимать, что такое душа любящая, прощающая и забывающая зло, что такое чувство долга, помогающее сносить любые трудности, что такое искренняя вера, не знающая ни страха, ни сомнений.

Однажды ночью, лежа без сна, Бет взяла со стола книгу и увидела то, что заставило ее на время забыть слабость смертного тела, нестерпимую не меньше, чем боль. Среди страниц «Путешествия пилигрима» она нашла листок, исписанный рукою Джо. В посвящении стояло ее имя, а расплывшиеся кое-где чернила убеждали, что писавшая стихи плакала.

Бет не стала будить сестру и спрашивать позволения прощать. Глядя на нее, уснувшую на ковре перед камином и готовую пробудиться, как только рассыпется головня, она лишь сказала про себя: «Спи, милая, а я пока прочту твое стихотворение».

МОЕЙ БЕТ

В этом временном пристанище,
Думая, что это дом,
Безмятежные пока еще,
Мы тяжелой вести ждем.
Кто уходит рано – правы те.
Птиц тревожа в камышах,
Первая ты в эти заводи
Делаешь бесстрашный шаг.

Попечение житейское
Оставляя и борьбу,
Одолжи мне все, что скрасило
Грустную твою судьбу.
Одолжи твое терпение,
Данное как благодать,
В муках, боли, заточении
Не велевшее роптать.

Дай мне дух раздумий сладостный,
Чтоб к смиренью я пришла,
Чтобы службы малорадостной
Легкою тропа была.
Дай мне самоотвержение,
Чтоб с людьми не волком жить,
Чтоб обиды и презрение
Именем любви простить.

Сделай, чтобы расставание,
Кроме горести скорбей,
Даровало мне сознание,
Что в разлуке связь тесней, –
Ибо скорбь неисцелимая,
Неизбежная печаль
Учат прозревать незримое,
Сердце устремлять в ту даль...

Чтобы ко всему готовая
Я стояла над рекой
В ожидании, что издали
Ты подашь мне знак рукой.
Вместе с Верой и Надеждою,
Херувимами двумя,
Ты, сестра моя ушедшая,
Встретишь за рекой меня.

Неровные, расплывчатые, с помарками, строки эти принесли Бет огромное утешение. В последнее время она грустила единственно о том, что так мало успела сделать в своей жизни, но Джо своими стихами уверила ее, что жизнь была не напрасной и что смерть ее не принесет отчаяния близким — чего она особенно боялась. Пока она сидела со сложенным листком в руке, обугленная головня в камине с треском распалась, Джо проснулась и, поправив огонь, шагнула к постели.

— Я не сплю, дорогая... Я счастлива! Видишь, я нашла это и прочитала. Думаю, ты не возражаешь. Джо, неужели ты в самом деле видишь во мне все эти достоинства? — спросила она тихо и задумчиво.

— Ну, конечно, Бет! — и Джо положила голову к сестре на подушку.

— Теперь я хотя бы чувствую, что жила не зря. Конечно, я далеко не такое совершенство, как ты тут пишешь. Но если я хоть чуточку тебе помогла — то нет для меня большего утешения!

— О, ты очень многому меня научила. Я прежде думала, что не сумею примириться с нашей разлукой. А теперь учусь чувствовать, что не только не теряю тебя, но ты становишься для меня чем-то большим, чем прежде. И смерть не разлучит нас!

— Да, я знаю, что не разлучит. Я тоже больше не боюсь ее. Я уверена, что по-прежнему буду твоей Бет, и буду любить тебя, и помогать... Тебе ведь придется теперь занять мое место возле папы и мамы. И если тебе будет тяжело одной нести трудное бремя, позови меня! Ты самая талантливая из нас, Джо. Думаю, только у тебя из всех нас есть настоящий дар. Но тебе придется принести его в жертву. Ты долго не будешь ничего писать и никуда не сможешь уехать из дома. Но я пошлю тебе оттуда свою любовь, а ты подел

лишься ею с папой и Марми. А любовь – это больше, чем талант и удача. Любовь – это единственное, что мы можем, умирая, унести с собой. И она может облегчить конец жизни.

— Я чувствую, Бет, что смогу теперь со многим смириться! — Джо казалось, что ей уже ничего не стоит отказаться от прежних стремлений, признать тщету земных помыслов и успокоить сердце верою в бессмертие любви.

Дни шли своей чередой; весеннее небо становилось прозрачней, на ветвях распускались почки, в траве появлялись первые цветы, неяркие, но прекрасные, и птицы успели вернуться из дальних стран, чтобы пропеть Бет свое «прощай!».

Как измученное, но доверчивое дитя, Бет подала руки тем, кто держал их все дни ее жизни. Отец и мать осторожно перевели ее через долину теней и предоставили Богу.

Одни покидают этот мир в мучениях, другие – с блаженством на лице, третья – с мужественным словом на устах. Но те, кому доводилось в жизни прощаться со многими душами, знают, что чаще всего конец наступает так же естественно, как сон. «Отлив», как и надеялась Бет, прошел легко. Той же грудью, что она сделала первый вздох, она издала и последний, не сказав никому ни слова, – лишь прощальный взгляд, исполненный любви.

Со слезами и молитвами мать и сестры готовили ее к долгому сну, который навсегда прекратил ее страдания. Они глядели благодарными глазами, как выражение муки на лице их милой Бет уступает место прекрасному спокойствию, и в этот миг им даже верилось, что смерть может быть не только страшным призраком, но и тихим ангелом.

Впервые за много месяцев камин в комнате был холодным, а место Джо пустым. Но на расцветшей ветке перед окном распевала птичка, на подоконнике стоял букетик ландышей, и весенний луч озарял неподвижное лицо на подушке – уже не омраченное страданием, совершенно спокойное, так что все, кто пришел проститься, мысленно поблагодарили Бога за то, что Бет отстрадала свое и ей теперь, наконец, хорошо.

НАУКА ЗАБЫВАТЬ

Уроки Эми пошли во благо юному Лоренсу, хотя признал он это не сразу. «Венцы творения» не желают считаться с советами слабого пола, пока не убедятся в их правильности, а потом заявляют, что именно так они и хотели поступить. Если, действуя согласно совету, они чего-то добиваются, то иногда признают за «скудельным сосудом» какую-то часть заслуг, зато при неудаче возлагают на женщину всю вину целиком.

Возвратясь к дедушке, Тедди целый месяц был столь почтительно любезен, что старик, приписав это благотворному влиянию Ниццы, предложил ему туда вернуться. Порой Лори самого начинало неодолимо тянуть в Ниццу, но там была Эми, а возобновить отношения с ней ему мешала гордость. То и дело всплывали в памяти ее слова: «Я тебя презираю» и «Почему бы тебе не совершить что-нибудь, чтобы завоевать любовь Джо?»

Положим, она была права в том, что он себялюбец и лентяй, но когда человек страдает – разве нельзя до поры прощать ему многое? Теперь ему начинало казаться, что былое чувство уже окончательно умерло, и хотя оплакивать его придется, быть может, всю жизнь, пора бы уже снять траурные одежды. Джо никогда его не полюбит, это ясно. Но он может заставить ее относиться к нему с уважением и восхищением. Эми не сказала ему в Ницце ничего такого, до чего он не додумался прежде сам. Похоронив свою мечту, он скроет от мира свое разбитое сердце, уйдя в работу.

Гете умел и муки, и радости превращать в поэзию. А он, Лори, мог бы облечь драму своей любви в музыкальные звуки. Он сочинит реквием! Пусть этот реквием терзает сердце Джо и трогает тысячи других сердец. И как только дедушка заметил, что внуку вновь овладевает смятение, и стал в очередной раз спровоживать его в путь, Лори отправился в Вену, где с помощью друзей-музыкантов решил начать совершенствоваться в композиции. Но то ли горе было слишком тяжким, чтобы удалось

воплотить его в звуках, то ли музыка — слишком воздушна, чтобы нести груз его душевных мук, — но только Лори понял, что реквием ему пока не по силам. Ему не работалось. Вместо скорбных песнопений он слышал в своем сознании бодрые танцевальные мелодии, живо напоминающие рождественский бал в Ницце и резвого толстяка француза — какой уж тут реквием!

Может быть, опера? Конечно! Можно наделить героиню некоторыми чертами Джо... Он обращался к памяти за любовными воспоминаниями, но память, как нарочно, рисовала характер возлюбленной почему-то из одних недостатков и причуд, а ее саму — в самых неромантических видах: то Джо занималась уборкой, то выглядывала из окна в своем писательском колпаке, то колотила его диванным валиком. Нет, эта чудачка совсем не годилась в оперные героини.

Тогда Лори попытался выискать желанный образ в недрах своей фантазии. Ему предстало золотоволосое создание среди чудного сплетения павлинов, роз, белых лошадок и голубых лент. Он еще не придумал имени своей возлюбленной, но уже горячо любил ее и шел рука об руку с ней через бесчисленные испытания, которых не выдержала бы, наверно, ни одна смертная женщина.

Какое-то время он работал с увлечением, но почему-то быстро охладел и предпочел подолгу сидеть в одиночестве или бродить по веселым улочкам Вены в поисках сюжетов и стремясь проветрить голову, в которой этой зимой творилось что-то непонятное. Но, работая меньше, он много думал и все больше ощущал, что в нем происходит какая-то разительная перемена. «Надо подождать, пока снизойдет вдохновение, как только оно явится, я сразу успокоюсь», — говорил он себе, но в глубине души подозревал, что тут замешаны не божества и музы, а что-то более земное. Долго еще Лори вынашивал мысли о великих музыкальных творениях, пока однажды не осознал простое и ясное: никакой он не музыкант, а всего лишь любитель-дилетант.

Вернувшись из Королевского театра, где давали одну из опер Моцарта, он сразу сел за инструмент сыграть две-три темы из собственной оперы. А несколько минут спустя под пристальными взглядами Баха, Мендельсона и Бетховена — мраморных бюстов

на каминной полке – он уже рвал на мелкие части нотные листы, мысленно говоря себе со всей беспощадностью: «Эми права. Способности – это еще не талант. Вена развеяла все мои иллюзии, как Рим развеял ее. Довольно обманывать самого себя. Но что же тогда мне делать?»

Впервые он пожалел о том, что вырос в богатой семье и не имеет надобности зарабатывать свой хлеб. Когда у человека много денег и нет никакого постоянного занятия, дьявол тут как тут. Но в мучительной борьбе Лори одолел многие искушения, ибо больше всего на свете ценил чистую совесть. И ему доставляло радость каждый раз по возвращении к дедушке говорить с порога, что у него все в порядке.

Лори казалось, что пройдут годы и годы прежде, чем он сможет забыть свою любовь к Джо, но, к его великому удивлению, это произошло куда быстрее. Поначалу он отказывался верить в это, сердился на себя, не понимал, как такое возможно. Но человеческое сердце полно противоречий, а время и природа устраивают все на свой лад, не сообразуясь с нашими желаниями. Сердце уже не болело, раны быстро затягивались, дошло до того, что он уже не пытался забыть, а силился вспомнить.

Он никак не предполагал подобной развязки и оказался к этому не готов. Хотя в какой-то момент испытал даже облегчение: надо же, такой страшный недуг – и так быстро прошел. Иногда он еще пытался расшевелить угли на пепелище, но они уже не давали огня, а только приятно светили и слегка грели. И волей-неволей он должен был признать, что на месте бушевавших страстей нынче живут лишь тихая нежность да легкая грусть и что любовь в самом деле ушла, а вот братская привязанность к Джо осталась у него на всю жизнь.

Однажды, когда мысли о братском чувстве в очередной раз посетили его, Лори бросил взгляд на портрет Моцарта, висевший на стене. «Да, это был великий человек. Когда у него не получилось с одной сестрой, он нашел утешение в другой», – подумал он вдруг, но сразу же взбунтовался, стараясь заглушить пришедшую мысль. Он вновь стал давать клятвы верности Джо и целовать колечко на своей руке. В конце концов ему на ум пришло неожиданное решение.

Схватив перо и бумагу, он написал письмо Джо. Речь в нем шла о том, что он ни на что не может решиться, пока существует надежда, что она передумает. Может быть, она еще позволит ему возвратиться домой и быть счастливым? Последующие дни в ожидании ответа внешне он бездействовал, но внутри у него все кипело. Ответ пришел и окончательно развеял его сомнения. Джо всецело занята заботами о Бет и слышать не может слова «любовь». Она умоляла его найти себе счастье с какой-нибудь другой девушкой, а для нее, любящей сестры, оставить в сердце лишь маленький уголок. В постскриптуме она просила ничего не говорить Эми о тяжелом состоянии Бет — пусть оставшиеся дни своего отдыха она проведет в радости. В то же время Джо просила, чтобы Лори опекал Эми и не давал ей тревожиться и тосковать по дому.

«Да, так и нужно поступить, а то, боюсь, что бедняжка вернется домой к печальной развязке», — подумал он и выдвинул ящик стола, чувствуя, что теперь уже ничто не мешает ему написать письмо Эми.

Случилось, однако, так, что исполнение этого решительного намерения было отложено. Роясь в ящиках, он среди писем, векселей и прочих бумаг наткнулся на несколько писем Джо, рядом с которыми лежали три письмечка от Эми, перевязанные голубой лентой и напоминающие своим ароматом о вложенных туда сухих розах. Со смешанным чувством сожаления и облегчения он собрал письма Джо, расправил листки, аккуратно вложил в конверты, повертел на пальце заветное кольцо, а потом медленно его снял и запер вместе с письмами в ящике. После чего решил отправиться в собор Святого Стефана и послушать траурную мессу. Его уже не давила душевная мука, но ему показалось более уместным провести остаток дня именно так, а написание письма отложить на потом.

А затем у них с Эми началась переписка. Девушка тосковала по дому и признавалась в этом с доверчивой искренностью. Всю весну «депеши» с завидной регулярностью летали туда и обратно. Распродав бюсты великих композиторов и отправив в камин свою незаконченную оперу, Лори вернулся в Париж, ожидая,

что вскоре там появятся и Кэрролы вместе с Эми. Ему хотелось в Ниццу, но его туда не звали: Эми мучилась своими переживаниями, которые не хотела доверить великому насмешнику, каким оставался в ее мнении Лори.

Была и другая причина, почему Эми задерживалась. К ней вернулся Фред Вон, и они какое-то время провели вместе. Однако почти уже твердо решив ответить согласием на его предложение руки и сердца, она неожиданно для самой себя ему отказалась. В последний момент она вдруг ясно поняла, что богатство, положение в обществе, умение держаться весьма заманчивы, но этого недостаточно. К тому же в памяти всплыл разговор с Лори и его слова, что Фред не тот человек, который должен бы ей нравиться. Вспомнилось, с каким пылким осуждением Лори посмотрел на нее, когда она намекнула, что ею до некоторой степени движет расчет. Расчет... Господи, до чего неженственно звучит это слово! Нет, ей больше уже не хочется блистать в свете, ей просто хочется быть женщиной, достойной настоящей любви.

Ответив Вону отказом, она стала еще чаще писать Лори. Эта переписка была для нее большим утешением, потому что письма из дома приходили все реже и реже. И потом ей хотелось быть с ним поласковой, своей добротой она как бы просила прощения за жестокосердие Джо. Глупышка Джо! Любая другая девушка прыгала бы от радости, что ее любит такой славный юноша. Только Джо ведь не такая, как все. И теперь лишь она, Эми, может одарить его сестринской заботой.

О, если бы все сестры относились к своим братьям так, как Эми теперь относилась к Лори, тогда воистину братья были бы самыми счастливыми созданиями среди всех живущих. О нотациях не было больше и речи. Она без конца обращалась к нему за советом, интересовалась мнением по каждому поводу, спрашивала чем он занят, и каждую неделю отправляла два письма со своими зарисовками красивых видов и занимательных сценок.

Поскольку не каждый брат может похвастать тем, что сестра носит его письма в карманах, то и дело их перечитывает, обливает слезами, если коротки, и целует, если пространны, то мы

не станем приписывать Эми всех этих глупостей. Скажем лишь, что она слегка побледнела и стала задумчивой в ту весну; общество утратило для нее свою притягательность, и она предпочитала ходить или ездить на эскизы в одиночестве. Правда, она не много работ смогла завершить, но смею предположить, она, наверняка, не напрасно просиживала часами на террасе в Валь-розе — изучала природу или же бегло набрасывала то, что время от времени вставало перед ее мысленным взором: могучего рыцаря, высеченного на надгробии; юношу, уснувшего в траве с надвинутой на глаза шляпой; девушку, с выющимися волосами и в пышном платье, прогуливающуюся в ожидании бала под руку с высоким и стройным кавалером. Надо сказать, что лица этих двоих были изображены нечетко, что соответствовало новому веянию в искусстве, но не удовлетворяло зрительское любопытство.

Тетушке казалось, что Эми сожалеет о своем отказе Фреду, а сама Эми, находя возражения бесполезными, а разъяснения — излишними, предоставила пожилой женщине думать все, что ей хочется. В то же время она поторопилась известить Лори о том, что Фред отбыл в Египет. Ничего другого она не сообщила, но Лори и так все было ясно. Успокоенный, он лишь подумал: «Я знал, что она ему откажет. Бедняга Фред! Могу посочувствовать ему, потому что сам пережил такое».

Лори тяжело вздохнул, отдав последнюю дань прошлому, а потом, растянувшись на диване, с наслаждением стал перечитывать письмо Эми.

А в Америке в этот день Бет доживала свои последние часы. Письмо с печальной вестью почему-то не дошло до Эми, а новая весточка пришла уже тогда, когда на могиле зазеленела трава.

Эми узнала о случившемся в Веве, — майская жара прогнала путешественников из Ниццы, и они направились в Швейцарию, по пути полюбовавшись на Геную и итальянские озера.

Она стойко перенесла горе и, поскольку все равно ей не довелось проститься с Бет, по совету домашних не стала прерывать поездку, чтобы постараться развеять свою печаль на чужбине. Тем не менее Эми рвалась домой и каждый день с грустью глядела на другой берег озера, ожидая, что Лори не сегодня завтра приедет утешать ее.

В самом деле он вскоре приехал. Ему тоже сообщили скорбную весть, но он получил ее несколько позже Эми, так как находился в Германии. Прочитав письмо, он тут же упаковал вещи, простился с приятелями и отправился выполнять свое обещание. На сердце у него было одновременно радостно и тяжело; он надеялся и сомневался.

Он хорошо знал Веве и, едва лишь лодка толкнулась о маленькую пристань, выпрыгнул и побежал вдоль берега к замковой башне Ла-Тур, где жили на полном пансионе Кэрроллы. Мальчик-слуга растерялся при появлении Лори. Дамы только что отправились гулять на озеро. Но, кажется... Кажется, светловолосая мадемуазель осталась в саду замка. Он предложил гостю посидеть и подождать, пока он ее приведет, но Лори отказался от его услуг и спешил в сад.

Великолепный старый сад располагался на берегу прекрасного озера. Высоко над головой Лори шумели каштаны, под ногами вился плющ, и черная тень от башни ложилась на поверхность воды, ослепительно блестевшую на солнце. В углу широкой низкой ограды стояла скамья, и Эми часто приходила туда с книгами и этюдником в надежде, что красота подарит ей утешение. Вот и теперь она сидела здесь, думая о доме, вспоминая Бет и недоумевая, почему так долго не едет Лори.

Она не слышала, как он шел через дворик, не видела, как замешкался под аркой, что вела в сад. Лори замер на минуту, присматриваясь к ней и примечая то, чего прежде, пожалуй, не видел никто — нежную сторону ее натуры. Все в ее скорбной позе говорило о том, что она любит и грустит: письма у нее на коленях, черная лента, стягивавшая волосы, и женственно кроткое, скорбное выражение лица. Даже маленький деревянный крестик у нее на шее много сказал его душе — это ведь был его подарок, и теперь, в эти печальные дни она носила его как единственное украшение.

Он еще мог сомневаться в том, какой прием ему будет оказан, но лишь до той минуты как она подняла свой взгляд. Теперь все сомнения пропали. Уронив на траву письма, лежащие у нее

на коленях, Эми бросилась к нему и воскликнула с выражением самой неподдельной радости и любви:

— О, Лори, Лори, я знала!

Мне думается, что все было сказано и все решилось именно тогда, когда они стояли не говоря ни слова, и его темная шевелюра склонилась к ее светлым кудрям, как будто бы оберегая и защищая. Эми поняла тогда, что Лори единственный, кто может теперь утешить ее и поддержать, а ему стало ясно, что если есть существо, которое могло бы занять в его сердце место Джо и подарить ему счастье, то это Эми.

Он правда ничего не сказал ей о своих чувствах, но она не была огорчена; они оба переживали нечто более важное и радовались этому.

— Я выехал, как только узнал о несчастье. Милая Бет... Я не знаю, чем тебя утешить, Эми, я лишь готов разделить с тобой скорбь, — его внезапно охватила неуверенность, и он не знал, что еще сказать.

Он хотел положить голову Эми к себе на плечо и дать ей выплакаться, но даже этого не посмел. Однако оказалось достаточно сочувственного рукопожатия, чтобы ее успокоить.

— Ничего больше не говори. Я утешена тем, что Бет отстрадала свое. Ей там хорошо, и я не должна желать ее возвращения к нам. Мне только страшно теперь ехать домой, хоть я и тоскую по своим. Нет, не надо больше про печальное — а то я разрыдаюсь. Я очень тебе рада. Ты ведь не уедешь сегодня?

— Нет, если ты хочешь, чтобы я остался.

— Да, я прошу тебя об этом. Тетя и Фло прекрасно ко мне относятся, но ты... Ты — частичка моей семьи.

Этими словами и выражением глаз она напомнила ему ребенка, тоскующего вдалеке от родного дома. Он чувствовал, что ей трудноправляться с переполнявшей ее сердце тоской. И забыв о своей застенчивости, он дал ей именно то, чего ей в последние дни недоставало, — родственную ласку и дружественный разговор.

— Бедняжка, ты просто заболеешь, если и дальше будешь так тосковать и горевать. Теперь я буду с тобой, я помогу тебе успокоиться. Не сиди на этом холодном ветру, пойдем прогуляемся, —

сказал он, завязывая ленточки на ее шляпке. Лори говорил ласково, но вместе с тем по-мужски властно, что очень понравилось Эми.

Они шли каштановой аллеей. В движении он чувствовал себя более непринужденно, а Эми приятно было опираться на сильную руку, видеть знакомую улыбку и слышать милый, приятный голос, говоривший теперь не для всех, а для нее одной.

Аллея привела их в старый сад, приютивший под своей сенью не одну пару влюбленных. Он как будто был создан для любовных свиданий – прохладный, солнечный и пустынный. Вокруг не было ни души, лишь высокая башня словно приглядывала за ними, и большое, покрытое рябью озеро уносило эхо их голосов.

Целый час бродили они по дорожкам, сидели, отдыхали на низкой ограде и наслаждались зародившимся чувством, которое преобразило и время, и пространство. Когда ужасно неромантичный звонок позвал их к обеду, Эми почувствовала, что бремя одиночества и скорби осталось там, в старом саду.

Как только миссис Кэррол увидела изменившееся лицо племянницы, ее тотчас осенила догадка: «Да ведь она все это время тосковала по Лоренсу. Вот не ожидала».

Впрочем, пожилая леди повела себя тактично, не выдав ни словом, ни взглядом своей осведомленности. Она лишь просила Лори остаться погостить, а Эми простодушно советовала побольше времени проводить в его обществе, потому что нельзя же так замыкаться в своем горе. Сама она почти все время была с дочерью, предоставляя Эми развлекать гостя, что та и делала с большим старанием и успехом.

Если в Ницце Лори уныло бездействовал, давая тем самым повод Эми отчитывать его, то теперь перед ней было само воплощение энергии. Он совершал с Эми дальние прогулки – верховые и пешие, подолгу катался на лодке, много читал, вернулся к своим научным занятиям. Все это приводило Эми в восторг, и она, насколько это было ей по силам, стремилась следовать его примеру. Он твердил, что местный климат благотворно на него действует, Эми не возражала, тем же самым объясняя улучшение собственного здоровья и самочувствия.

Чудесный воздух и подвижный образ жизни преобразили их душевно и телесно. В окружении вековечных гор они трезвее и яснее видели настоящее и заглядывали в будущее. Свежий ветер окончательно развеял их сомнения, страхи, вводящие в заблуждение фантазии и душевную смуту, и под яркими весенними лучами начали расцветать их смелые планы, радужные упования и светлые помыслы. Плеск озерных волн словно говорил «прощай» былому, а могучие древние горы, казалось, наклонялись к ним и шептали: «Дети, любите друг друга!»

Хотя память о горестной утрате была совсем свежа, все же это было счастливое время, настолько счастливое, что Лори опасался произнести лишнее слово, боясь нарушить очарование их душевной близости. Господи, неужели он уже исцелился от своей первой и, как ему раньше казалось, последней и безнадежной любви? Порой ему думалось, что он совершаet грех, но тут же находилось оправдание: ведь Эми – родная сестра Джо и, как ни различны они, у них единая душа, а с «чужой» девушкой у него не могло бы выйти ничего подобного. Со смешанным чувством сожаления и раскаяния он вспоминал о своем ухаживании за Джо как о чем-то уже далеком. Нет, он не стыдился своей неудачной влюбленности. От нее в душе сохранились и горечь, и сладость, и когда боль миновала, он даже возблагодарил судьбу за то, что эта любовь была в его жизни.

Для себя он решил, что его новая любовь будет спокойной и простой, без каких-либо бурных сцен. Лори думал, что ему, быть может, даже не придется объясняться Эми в своем чувстве: ведь она и так все понимает без слов и в глубине души, похоже, давно дала ответ. Все шло очень естественно, никто не был огорчен или задет их чувством, и Лори знал, что даже Джо порадуется за них, когда узнает. Что ж, после первой неудачи мы нередко становимся осмотрительнее, и Лори не торопил время, наслаждаясь каждым часом и лишь подстерегая минуту, чтобы решительным словом завершить первую, самую упоительную, главу своего нового романа.

Он ожидал, что признание произойдет в саду замка при лунном свете или в какой-нибудь более подходящей обстановке,

а это случилось на озере среди бела дня. Утром они отправились на лодке от сумрачного Сен-Жингольфа в сторону солнечного Монтрё. По одну сторону от них возвышались Савойские Альпы, по другую — гора Сен-Бернар, в долине лежал живописный Веве, а на холмах — Лозанна. Над ними синело ясное небо, их белоснежная лодка плыла по синей глади в окружении других таких же белых лодок, напоминающих севших на воду чаек.

Они обогнули на лодке Шильонский замок и вспомнили о Бонниваре¹, а потом, завидев вдалеке Кларан, где была написана «Элоиза», завели разговор о Руссо. Ни Эми, ни Лори не читали «Элоизу», но знали, что это история о любви, и каждый думал про себя, что она и на сотую долю не так увлекательна. Сидя на корме, Эми чуть прикасалась ладонью к воде, когда она подняла голову, то увидела, что Лори внимательно наблюдает за ней.

— Отдохни, ты устал грести, давай я сяду на весла, — попросила она, чтобы прервать возникшее неловкое молчание. — Мне надо хоть немного потрудиться, а то я только прохлаждаюсь и нежусь с тех пор, как ты здесь.

— Я не устал, но если хочешь, давай поменяемся местами, — сказал Лори, точно обрадовавшись ее предложению, и пересел к рулевому веслу.

Сноровистая, обученная многим видам спорта, Эми прекрасно управлялась с веслами. Весла ритмично поднимались и опускались, и лодка равномерно скользила по озерной глади.

— А мы очень даже неплохо гребем вместе! — воскликнула Эми, которой теперь казалось невыносимым долгое молчание.

— Ну а если я предложил бы тебе всю жизнь грести со мной в общей лодке? Что ты ответила бы на это? — вдруг спросил он просто, но необычайно ласково.

— Да, Лори, — прошептала она.

Они перестали грести, и к потрясающей красоте, отраженной в водах озера, прибавился прекрасный образ человеческой любви и счастья.

¹ Франсуа Боннивар — участник борьбы горожан Женевы против герцога Савойского. Прототип героя поэмы Байрона «Шильонский замок».

Глава XIX

СОВЕРШЕННО ОДНА

Легко отрешиться от собственного «я», когда несешь бремя забот о другом человеке и его прекрасный пример очищает твое сердце и вселяет в тебя мужество. Но уроки заботы и любви закончились, дорогое существо навсегда ушло, и не осталось ничего, кроме одиночества и горя. Оказалось, что теперь Джо невыносимо трудно выполнить свое обещание. Как утешить родителей, когда собственное сердце разрывается от тоски по Бет? Как можно наводить уют в доме, когда тепло, красота и свет ушли из него, переселились в иное жилище? И где, где в целом мире отыскать ей «полезный и радующий труд», который смог бы заменить преданное служение, бывшее по сути вознаграждением?

Она продолжала исполнять свои домашние обязанности, но сердце с каждым днем все решительнее восставало против кропотливого и не приносящего радости труда. Почему одним только свет, а другим только тень? Она всегда нисколько не меньше Эми старалась быть хорошей дочерью, но никогда не получала награды — одни разочарования, неприятности да тяжкий труд.

Бедная Джо! это были темные дни для нее. «И неужели вот так всю жизнь?» — с горечью думала она. Непомерные заботы, редкие тусклые радости и долг, долг, долг? «Я не смогу, я не создана для такой жизни, я сотворю что-нибудь отчаянное, если никто не явится мне на помощь», — впадала она в уныние, — так часто случается, когда людям сильной воли приходится подчиняться неизбежному.

Но добрые ангелы услышали Джо и пришли на помощь, хотя поначалу она даже не поняла, что это ангелы: они явились в земном обличии и волшебство их было самым простым, человеческим.

Поначалу, когда она просыпалась среди ночи, вид второй пустой постели сводил ее с ума. «Бет, вернись ко мне, прошу тебя!» — порой восклицала она, и ее мольбы не оказались на-

красными. Мать приходила разделить с ней горе. Джо понимала, что материнская скорбь куда больше ее, сестринской, и пример Марми учил смирению и вселял надежду. То были поистине святые минуты, когда под покровом ночи одно сердце обращалось к другому, умеряя горе, укрепляя любовь, обращая скорбь в благословение. Джо понимала, что не так тяжела ее горестная ноша и не так невыносима жизнь, когда можно укрыться в безопасном убежище материнских объятий.

Понемногу ее сердце смирилось — и мятежному разуму тоже нашлась поддержка. Однажды Джо отворила дверь кабинета и, глядя на улыбнувшегося ей навстречу отца, робко проговорила:

— Папа, пожалуйста, поговори со мной так, как ты говорил с Бет. Мне это нужно даже больше, чем ей. Она была в мире с Богом, а я какая-то неправильная.

— Милая, для меня нет большего утешения, чем эта твоя просьба! — произнес он с дрожью в голосе и крепко обнял дочь, словно сам искал у нее поддержки.

Присев в маленькое кресло Бет, она рассказала ему о своих обидах, о недостатке веры, омрачавшем жизнь, о горестном смятении, имя которому отчаяние. Она обратилась к нему с полным доверием, и он смог ей помочь. Они были теперь друг другу не только отец и дочь. Она увидела в нем мужчину, а он в ней — сильную женщину, которой требовалось сопререживание и сочувствие. Воспрянувшая и усмиренная, покидала она всякий раз «церковь одного прихожанина», как называла она отцовский кабинет.

Так близкий человек, научивший одно свое дитя встретить смерть без страха, учил другое дитя принимать жизнь без отчаяния, черпая силы в себе самой.

Простые вещи, труд, радости, окружавшие Джо, — они тоже прибавляли ей сил, а она учились замечать и ценить их. Во всех этих старых щетках, вениках и швабрах сохранялось что-то от домовитого духа Бет, и, начиная уборку, Джо вдруг принималась петь любимые песни сестры. И она чувствовала, что аккуратность, внимание к мелочам, присущие Бет, теперь воскресают в ней. В Джо стали утверждаться прежде чуждые ей качества

и привычки. Постепенно она превращалась в хозяйку, и это не укрылось от внимательных глаз Ханны:

— Ты умница! Хочешь заменить нам нашу милую овечку. Я все замечаю! Бог тебя за это наградит — вот увидишь.

Джо стала чаще наведываться к Мег и подолгу просиживала с ней за рукоделием. При этом Джо не могла не заметить, что старшая сестра очень повзрослела и изменилась в лучшую сторону. Как прекрасна она в своих женских порывах и чувствах, как счастлива с мужем и детьми, как любит ее Джон!

— Все-таки замужество — это хорошо. Интересно, неужели и я так же расцвела бы, если б вышла замуж? — сказала однажды Джо, kleя воздушного змея для Деми в перевернутой вверх дном детской.

— Конечно, именно это теперь тебе и нужно, Джо. В тебе еще не проявилась женская сущность. Видишь вот этот каштан? У тебя тоже колючая кожура, как у него, а внутри ты шелковисто-гладкая, но только нужно добраться до твоего ядрышка. Когда любовь дотянется до твоего сердца, то колючая скорлупа сразу отпадет.

— Каштаны раскрываются при заморозках. К тому же нужно как следует потрясти дерево, чтобы они упали. Вот только я не хочу, чтобы потом меня затолкали в мешок, — задумчиво проговорила Джо, наблюдая, как Дейзи висит на хвосте у воздушного змея, не давая брату его запустить.

Мег рассмеялась, однако продолжила выдвигать все новые и новые аргументы в пользу замужества, самыми убедительными из которых оказались дети, — ведь Джо очень любила детей. Горе уже приоткрыло колючую скорлупу каштана, и Джо почти была готова к тому, чтобы ее «затолкали в мешок». Еще немного солнца — и каштан созреет. Но не мальчишке будет суждено нетерпеливой рукой трясти ствол, — свежее, отполированное ядро из скорлупы бережно вынет рука опытного мужчины. Приди ей такое в голову, она наверняка еще больше замкнулась бы в скорлупе, выставив колючки, но Джо, можно сказать, потеряла бдительность и, когда настал срок, скорлупа раскрылась.

Вы, конечно, скажете, что мне подобало бы из Джо сделать не грешницу, а святую, чтобы отреклась она от мира, носила черные шляпки, читала религиозные брошюрки и не уставала творить добрые дела. Но Джо никогда не была святой, она была обычной, каких тысячи, девушкой из плоти и крови, проявляла свой характер, печалась и радуясь, воодушевляясь и впадая в апатию в зависимости от настроения. Да, изредка на земле являются святые и добродетельные герои, но для их появления нужны объединенные усилия множества простых, честных людей.

Джо выбрала верный путь. Она стремилась исполнять свой долг, а когда ей это не удавалось, то даже чувствовала себя несчастной. Но исполнять долг с радостью – такое ей казалось уже чересчур. Однако постепенно к ней пришло понимание, что нет ничего прекрасней, чем посвятить свою жизнь родителям, сделать их старость такой же прекрасной, какой они сделали ее собственное детство. Конечно, это трудно, но пусть все силы мятежной и честолюбивой души будут потрачены на преодоление этих трудностей!

И вновь к ней пришла помощь, – не как награда, а как опора: так Христиану в поэме Беньяна помогла маленькая беседка, в которой он отдохнул и набрался сил перед восхождением на вершину горы, именуемой Трудность.

– Что же ты не пишешь? – однажды спросила ее Марми. – Тебя это всегда делало счастливой.

– У меня пропало желание, да и кому нужна моя писанина?

– Нам. Ты только не думай сейчас о славе, а просто постарайся порадовать нас.

– Едва ли я теперь что-то смогу...

Как бы то ни было, но Джо открыла свой письменный стол и принялась разбирать старые черновики. Потом откуда-то был извлечен и писательский колпак, и черный передник. Миссис Марч оставалось лишь радоваться, что мысль, посетившая ее, оказалась настолько удачной. Джо даже не поняла, как это у нее получилось, но что-то в ее новом рассказе взволновало сердца

всех, кому он был прочитан или показан. Насмеявшись и наплакавшись над новым творением Джо, отец и Марми почти против ее воли послали рассказ в один известный журнал, и там не только приняли его, но сделали заказ на новые.

Когда рассказ был опубликован, на имя Джо стали приходить письма от друзей и от совсем незнакомых читателей: как от простых людей, так и от тех, чью похвалу можно было принять за честь. Для короткого рассказа успех был невероятный. Он даже превысил успех ее романа, на долю которого, впрочем, похвал выпало столько же, сколько и брань.

— Да чем же они так восхищаются? — недоумевала Джо, показывая письма отцу.

— Тут есть правда — вот и все. Ты нашла равновесие между пафосом и юмором. У тебя складывается свой собственный стиль. Ты, мне кажется, перестала думать о деньгах, о том, чтобы написанное непременно кому-то понравилось, а просто изливаешь душу. Судьба превратна: сегодня — горечь, а завтра — улада. Старайся не изменять себе — тогда ты и дальше так же будешь счастлива своим трудом, как мы сейчас счастливы твоим первым настоящим успехом.

— Если тут и есть что-то стоящее, то этим я обязана тебе, маме и Бет, — сказала Джо, тронутая словами отца больше, чем сотней откликов из большого мира.

Так она учились выражать в словах свои любовь и горе. А затем отправляла свои рассказы, как маленьких странников в дальние дали, и они, надо сказать, приносили ей утешительные вести.

Когда Эми и Лори написали о своей помолвке, Миссис Марч поначалу опасалась, что эта новость расстроит Джо, но ее страхи быстро улетучились, поскольку Джо, хотя и нахмурилась, читая письмо, но, на самом деле, всем сердцем порадовалась за «ребятишек».

А письмо это представляло собой настоящий эпистолярный дуэт: влюбленные наперебой превозносили друг друга, и родным оставалось только радоваться за них.

— Ты в самом деле рада, мамочка? — спросила Джо, складывая мелко исписанные листочки и глядя в глаза матери.

— Да, я надеялась на это, когда стало известно, что она отказалась Фреду. И потом по некоторым замечаниям в письмах было понятно, что «меркантильный интерес» в ней потерпел поражение, а любовь и Лори одерживают победу.

— А мне не сказать ни слова! Какая ты проницательная и какая скрытная.

— Мать должна все примечать да помалкивать, когда дело касается ее дочерей. Ну, рассказала бы я тебе, ты бы сразу написала им письмо с поздравлениями, а ведь у них ничего не было решено.

— Но теперь я поумнела, и ты можешь на меня положиться; я достаточно сдержанна и разумна и мне вполне можно довериться.

— Прости меня. Я думала... Неужели тебя не ранило известие о новой любви твоего Тедди?

— Что ты, мама? Разве не я сама отказалась от его любви?

— Однако боюсь, если бы не Эми, он вновь сделал бы тебе предложение — и вряд ли получил бы прежний ответ. Ведь я же вижу, как ты одинока и очень страдаешь от этого. А твой мальчик, если попытался бы сейчас, наверно, помог бы тебе заполнить пустоту.

— Нет, мама. Все к лучшему. Эми вовремя завоевала его. А иначе в самом деле я сказала бы «да», только это был бы голос не любви, а одиночества, желания быть любимой.

— Я рада, Джо. Ты выросла не только как писательница. Кто знает, может, как раз среди своих читателей ты найдешь себе друга по сердцу, а пока угешайся любовью родителей, сестер, малышей, — что делать?

— Да, мама, казалось бы, нет ничего лучше, чем быть все время около тебя! Но, оказывается, сердцу не хватает одной материнской любви. Во всяком случае мое сердце такое большое и жадное, что я не скоро смогу его наполнить. Я порой даже перестаю себя понимать.

— А вот я тебя понимаю.

И миссис Марч улыбнулась, глядя как Джо вновь разворачивает письмо.

«Замечательно быть любимой такой любовью, какою любит меня Лори. Он сдержан, немногословен и совсем не сентиментален, но я во всем чувствую его любовь. Я такая счастливая теперь и такая покорная, что ты меня просто не узнаешь. До сих пор я не понимала, сколько таится в его сердце нежности, великодушия, доброты, — и вот это сердце отдано мне. Он говорит, что чувствует, будто «совершает чудесное путешествие на яхте и я — его помощник, а наша любовь — ценный груз». Я молюсь, чтобы так и было. Всем сердцем и всей душою буду любить моего отважного капитана и не покину его, пока Богу угодно, чтобы мы были вместе. Ах, мама, мир может превратиться в настоящий рай, когда люди любят и живут друг для друга.»

— И это наша сдержанная и расчетливая Эми! Поистине любовь творит чудеса. Да, я вижу, что они безмерно счастливы друг с другом, — заметила Джо и осторожно сложила шуршащие листы, так мы переворачиваем последнюю страницу захватывающего любовного романа и вновь оказываемся в одиночестве среди серых будней.

Джо захотелось прогуляться, но неожиданно пошел сильный дождь и всколыхнулось знакомое — пусть не столь острое, как прежде, — чувство, что одной сестре дают все, а другая опять ничего не получает. Она понимала, что это не так, ей хотелось выкинуть из сердца неприятные и неблагодарные мысли, но естественная жажда любви одолевала ее и будила в ней желание отыскать того «отважного капитана», которого она полюбила бы «всем сердцем и всей душой» и которого «не покинет, пока Богу будет угодно, чтобы они были вместе».

Беспокойные блуждания по дому в конце концов привели ее на чердак, где стояли, выстроившись в ряд, четыре ящика, на каждом из которых рукою владелицы было выведено имя. Каждый хранил реликвии детства и юности, и Джо, отыскав свой, принялась разбирать сокровенные залежи. Связка тетрадей привлекла ее внимание, в них она писала, когда жила в Нью-Йорке у миссис Кирк. Читая их, она то улыбалась, то впадала в задумчивость и печаль. Когда в одной из тетрадей меж страницами

на глаза попалась короткая записка, полученная некогда от профессора Баэра, Джо внезапно содрогнулась всем телом, губы ее задрожали. Простые дружеские слова жгучей болью отзывались в ее сердце:

«Ждите меня, друг мой. Я, может быть, слегка запоздаю, но обязательно буду».

«Вот если бы он приехал к нам! – подумала она. – Какой он хороший и милый, как был терпелив со мной. Я так мало ценила его, пока он был рядом. А теперь, когда все покинули меня и я осталась совершенно одна, с какой радостью я поговорила бы с ним».

Сжав в руке маленькую записку с обещанием, которому, конечно же, не предстояло исполниться, Джо уткнулась в мешочек с лоскутами и глухо заплакала, словно вторя стучавшему по кровле дождю.

Чего здесь было больше – жалости к себе, тоски, одиночества? Кто знает! Или это пробуждалось первое чувство, лишь ждавшее удобного момента, как и тот, кто был его причиной? Кто скажет?

Глава XX

СЮРПРИЗЫ

Джо неподвижно лежала в сумерках на старом диване и, не отрываясь, смотрела на огонь. Так, в обнимку с красной подушкой Бет, она почти всегда проводила этот вечерний час, мечтая, или с нежностью думая об Эми, или замысливая сюжеты новых рассказов. Завтра ей стукнет двадцать пять лет. Увы, она стареет, – а что сделано такого, чем можно похвастаться?

«Я становлюсь старой девой, – думала она. – Вместо мужа у меня перо, а вместо детей – мои рассказы. Лет через двадцать, глядишь, познаю и запоздалую славу, как бедный Самюэль Джонсон. Но какое дело гордой и независимой старой dame

будет до чьего-то мнения? А впрочем, совсем не обязательно впадать в крайность: становиться или скучной святошкой, или самолюбивой грешницей. Старые девы иногда тоже живут неплохо, надо только привыкнуть к своему положению».

И Джо тяжело вздохнула — подобная перспектива ее отнюдь не радовала.

В двадцать пять лет тридцатилетие кажется нам уже почти старостью. Но не так уж все плохо, если у человека есть что-то за душой. В двадцать пять лет девушки уже называют себя старыми девами, но втайне еще надеются на скорое замужество; в тридцать — они уже ничего о себе не говорят и только решают, как распорядиться ближайшим двадцатилетием и красиво состариться.

Милые девочки, не надо смеяться над старыми девами; если бы вы знали, какие драмы и трагедии скрыты в их сердцах, ровно бьющихся под строгими платьями, и как прекрасны в глазах Бога эти существа, самоотверженно принесшие в жертву своим близким здоровье, молодость, радужные надежды и саму любовь. Даже если они капризны и ворчливы, простите их — хотя бы потому, что они не испытали самого сладостного, что есть в жизни. Взгляните на них с сочувствием, а не с презрением. Как знать, а вдруг и вы упустите свое время? И когдаожухнет ваша кожа, а в пышных волосах промелькнут серебряные нити, — тогда и вам сделаются столь же приятны уважение и почтение, как теперь восхищение и влюбленность.

И вы, юные джентльмены, будьте любезны с ними, ибо рыцарскому сердцу надлежит почитать старость, защищать слабого и служить женщине, независимо от ее возраста, красоты и богатства. Вспомните ваших старых добрых тетушек — ведь они не только поучают вас и цепляются к пустякам, вспомните, сколько они ласкали вас и нянчили, часто не получая за это никакой благодарности, из скольких неприятных историй они помогли вам выйти с честью, сколько раз делились с вами своими скучными сбережениями, сколько обили чужих порогов, прося за вас. Вспомните это и окажите милым старым дамам

те небольшие знаки внимания, в которых нуждается каждая женщина до скончания своих дней. Ясноглазые девушки оценят ваше почтение к пожилой родственнице и полюбят вас за это еще больше. А если жестокая смерть вдруг унесет из жизни вашу дорогую матушку, то верьте, что какая-нибудь тетушка Присцилла прижмет к одинокому сердцу и обласкает в своем Богом забытом углу «лучшего на свете племянника».

Джо задремала ненадолго (как, наверно и ты, мой читатель, во время моего небольшого отступления), и вдруг ей привиделся Лори. Он склонился над нею, глядя как прежде, когда пытался скрыть сильное чувство. Но Джо, подобно героине романтической баллады, «проверить не могла, что перед нею он», и глядела ошеломленно, пока он не склонился еще ниже и не поцеловал ее. Тут только она поняла, что «это был не сон», вскочила и радостно закричала:

— Мой Тедди! Мой мальчуган!

— Джо, дорогая! Так значит, ты рада меня видеть?

— И ты еще спрашиваешь? Конечно, я рада. А где Эми?

— Они с мамой у Мег. Мы зашли туда, и теперь моя жена не скоро вырвется из любящих объятий.

— Какое слово ты сказал? Повтори! — воскликнула Джо, ловя его на последней фразе, произнесенной с упоительной гордостью.

— Да, черт побери, я это сделал, — отвечал Лори с таким виноватым видом, что Джо не выдержала и повысила голос:

— Удрали из дома и поженились!

— Прости, это было в последний раз! — и покаянно скрестив на груди руки, он повалился перед ней на колени; глаза его светились озорством, весельем и торжеством победы.

— Нет, вы в самом деле муж и жена?

— Перед Богом и людьми.

— Господи, помилуй! И что ты дальше намерен делать? — Джо, с трудом переводя дыхание, опустилась на диван.

— Поздравление своеобразное, однако не очень лестное! — парировал Лори, пребывая все в той же смиренной позе, но уже сияя от удовольствия.

— Огорошил меня и еще хочет, чтобы я улыбалась! Вставай, несносный мальчишка, и выкладывай все в подробностях.

— Не скажу ни слова, пока не позволишь мне сесть на любимый диван и не выкинешь куда-нибудь подальше свою колотушку.

Джо рассмеялась так, как она не смеялась уже много дней, и подвинулась, освобождая ему место на диване, а потом пристодушно объявила:

— Да будет тебе известно, что старый валик пылится теперь на чердаке и он нам больше ни к чему. Итак, я готова выслушать твою исповедь, Тедди.

— Как приятно, что меня снова зовут Тедди. Никто больше не называет меня так — только ты.

— А как зовет тебя Эми?

— Она называет меня «милорд».

— Ну что ж! Это похоже на Эми. А ты и впрямь стал походить на знатного вельможу! — взгляд Джо был красноречив: ее мальчуган теперь ей нравился более, чем прежде.

Колючий валик больше не разделял их, но зато воздвиглась иная преграда, сотворенная переменой времени, места и чувств. С минуту они смотрели друг на друга так, словно этот незримый барьер отбрасывал на них легкую тень.

Но тень улетучилась, как только Лори, тщетно пытаясь казаться важным, проговорил:

— А разве по мне не видно, что я женатый человек и глава семьи?

— Ничуть. Ты поздоровел и похорошел — это да. Но ты все такой же шолапай!

— Ну, Джо, все-таки теперь ты должна оказывать мне некоторое почтение, — пробормотал Лори, от души наслаждаясь происходящим.

— Пойми, — Джо радостно улынулась, — не могу я воспринимать тебя в роли степенного и солидного человека.

Лори рассмеялся, и они принялись беседовать, как в старое добroе время.

— Тебе незачем в такой холод выходить встречать Эми — они все вот-вот подойдут. Ну а я решил их опередить. Должен же я

был преподнести тебе сюрприз и, что называется, снять сливики, — помнишь, мы так говорили, когда спорили из-за молока?

— Ты испортил свой сюрприз. Кто же начинает рассказывать историю с конца? Расскажи мне теперь все с самого начала и по порядку. Я просто сгораю от нетерпения.

— Ну, я так поступил, чтобы сделать приятное Эми, — заявил Лори с нескрываемым лукавством.

Джо сейчас же парировала:

— А вот это называется вранье номер один! Все следует понимать наоборот: Эми дала согласие, чтобы доставить удовольствие тебе. Продолжайте, сэр, и постарайтесь в дальнейшем говорить правду, хотя бы отчасти.

— До чего же забавно выслушивать ее придирики! — воскликнул Лори, обращаясь к огню в камине, который вдруг разгорелся сильней, словно в знак согласия с ним. — Не все ли равно, кто кому? — он вновь повернулся к Джо — Разве мы с ней теперь не одно целое?.. Так вот. Мы сначала хотели вернуться домой вместе с Кэрролами, потом подумали было остаться еще на одну зиму в Париже. Но тут вдруг дедушка решил вернуться домой. Что было делать? Я и его боялся отпустить одного, и Эми не мог оставить. А у миссис Кэррол свои английские предрассудки — она, видите ли, не может отпустить с нами свою компаньонку! Ну, я и решил разрубить этот узел одним махом: мы поженимся и будем поступать, как нам хочется.

— Ну и ты, как обычно, сумел настоять на своем.

— Положим, это получалось у меня не всегда, — что-то в голосе Лори заставило Джо повернуть разговор в иное русло:

— И как же вам удалось поладить с тетушкой?

— Было, прямо скажем, тяжело, но уговорили. Ведь столько всего было в нашу пользу. Писать письмо мистеру Марчу и Марми, чтобы дали согласие, было уже поздно. Но тут все уже знали о наших чувствах и в общем приветствовали. Так что нам оставалось, как выражалась моя жена, воспользоваться случаем.

— С какой же гордостью милорд повторяет слова своей миссис! — заметила Джо, в свою очередь обращаясь к огню и с удовольствием наблюдая, как он дарит веселый от свет глазам ее

собеседника, которые были такими трагически мрачными на-кануне его отъезда.

— Что ж! Отчасти я и горд! Она ведь в своем роде чудо — моя ненаглядная женушка... Так вот, наша женитьба состоялась по всем правилам. С одной стороны присутствовал дед, с другой — тетка, а это не такие уж дальние родственники, — так что мы соблюли положенные приличия. Мы были так поглощены друг другом, что уже никак не могли врозь. Вот и поженились.

— Но когда, где, как? — нетерпеливо вопрошала Джо.

— Шесть недель назад, у американского консула. Было очень скромно и строго — даже в счастье мы не могли забыть о нашей дорогой Бет.

Когда он сказал о Бет, Джо взяла его за руку, а он с нежностью погладил маленькую красную подушку, которую хорошо помнил.

— Но почему вы нам не сообщили? — через минуту спросила Джо, успокоившись.

— Мы хотели сделать вам сюрприз... Сначала сразу после свадьбы мы хотели отправиться домой, но дедушка вдруг замешкался с отъездом и предложил нам где-нибудь провести медовый месяц по нашему усмотрению. Эми когда-то назвала Вальрозу «райем для медового месяца», так что мы отправились туда и были так счастливы, как никогда в жизни. Наша любовь просто утопала в цветах.

Увлеченный рассказом, Лори на время забыл о Джо, и она была этому рада. То, что они беседовали так просто и весело, убеждало ее, что он все простил и забыл. Она попыталась забрать свою руку, но он, угадав ее подспудную мысль, не захотел выпускать рукой и сказал с мужской серьезностью, которой Джо от него никак не ожидала:

— Джо, давай поговорим в последний раз о том, на чем надо поставить точку. Помнишь, я недавно писал в письме, что Эми ко мне добра, но я не перестану любить тебя. Однако мои чувства изменились. Проще говоря, вы с Эми поменялись местами у меня в сердце. Наверно, это с самого начала было суждено. Но я выбрал тебя... Я был упрям, порывист, да что говорить —

ты сама все знаешь. Там, в Европе, мне долгое время казалось, что я люблю вас одинаково — тебя и Эми. Только в Швейцарии вдруг в один миг все прояснилось. И вот теперь я могу честно поделить сердце между любимой сестрой и любимой женой. Ты веришь тому, что я горячо люблю вас обеих? Как я хочу, чтобы все было по-прежнему, как в доброе старое время.

— Я верю тебе, Тедди, но пойми — мы уже не мальчик и девочка. Мы взрослые мужчина и женщина, у каждого из нас много обязанностей. Я ощущаю в тебе перемену, и ты скоро увидишь, что и я стала другой. Но я буду любить в тебе того мужчину, которого хотела в тебе увидеть и уже вижу. Я больше тебе не подруга детских игр, но помощница и сестра.

Он взял протянутую ему руку и прижался к ней щекой. Он чувствовал, как на обломках юношеского увлечения поднимается прекрасная, крепкая дружба, которой они оба будут гордиться. И Джо, чтобы не опечалить ему час возвращения, сказала самым беспечным тоном:

— Все равно вы оба для меня еще дети, и я не могу представить, что вы будете вести свое хозяйство. Кажется, еще вчера я застегивала Эми передник, колотила тебя валиком... Боже, как летит время!

— Один из детей старше тебя — поэтому нечего изображать тетушку. Льщу себя надеждой, что я «взрослый джентльмен», как говорила Пеготти о Дэвиде Копперфилде. А когда ты увидишь Эми, то поймешь, что она тоже выросла из детского передничка, — произнес Лори, слегка усмехаясь материнским замашкам Джо.

— Ты старше меня годами, Тедди, но не чувствами. Женщины взрослеют раньше. А я после этого тяжелого года чувствую себя сорокалетней.

— Бедная Джо! Мы свалили все на тебя, а сами отправились развлекаться. Да, ты выглядишь старше: вот морщинка, вот еще... И когда ты не улыбаешься, у тебя грустные глаза. Вот здесь, на подушке, следы твоих слез. Сколько ты перенесла — и все одна! Какая же я себя любивая тварь! — и Лори дернул себя за волосы в порыве раскаяния.

Джо быстро перевернула предательскую подушку и ответила, успокаивая и ободряя:

— Все не совсем так. Мне помогали папа и мама, и малыши-близнецы тоже утешали меня. И мысль, что вы с Эми оба счастливы, также была для меня великим утешением. Иногда мне, конечно, было одиноко, но и это пошло мне на пользу...

— Ты больше никогда не почувствуешь себя одинокой, — сказал Лори, обнимая ее, как будто защищая от невидимого врага. — Мы ведь с Эми и впрямь очень неопытны, так что нам не обойтись без твоих советов. Приходи почаше помочь «детям» по хозяйству, а мы найдем, как тебя развлечь и побаловать. У нас будет счастливая дружба, Джо.

— Да, я всегда рада помочь — только бы мне не оказаться вам помехой... Ты знаешь, я вдруг ощутила себя юной, и все заботы словно куда-то делись. Это потому, что вы вернулись. А ты, Тедди, всегда был моим утешителем, — Джо склонила голову ему на плечо, совсем как несколько лет тому назад в тот день, когда Бет лежала больная.

Лори смотрел на нее, гадая, случайно ли было это движение или она тоже помнит этот день. А Джо не думала ни о чем — вся тяжесть забот и правда куда-то исчезла с его приездом.

— Ты все та же Джо: плачешь, а через минуту смеешься. Мне показалось, ты о чем-то хочешь спросить.

— Хочу. Вы ладите между собой?

— О, мы точно ангелы на небесах!

— Но все-таки кто из вас верховодит?

— Я не возражаю, чтобы она... По крайней мере, я позволяю ей так думать, и она очень довольна. Наверно, потом мы поменяемся ролями. Что делать? Семейная жизнь отнимает права и добавляет обязанности.

— Не обольщайся. Как началось, так и будет потом. Эми всю жизнь будет править тобой.

— Что ж, она это делает так ненавязчиво, что я в общем-то и не против. Это даже мило: она вьет из тебя веревки, как из мотка шелка, а кажется, будто тебе делают одолжение.

— А моя участь глядеть, как муж блаженствует под жениным башмаком! — Джо воздела руки к небесам.

В ответ на ее слова Лори расправил плечи, мужественно улыбнулся и ответствовал чуточку свысока:

— Она слишком хорошо воспитана, а у меня все же есть некоторый характер. И вообще мы с ней не такие люди, чтобы тиранически драть друг друга.

Джо отметила, что ему к лицу это чувство собственного достоинства, но в сердце закрадывалось крохотное сожаление, что мальчик так скоро превращается в мужчину.

— Да, я знаю. Эми не любит ссориться. Она солнце, а я — ветер. И солнце лучше властвует людьми.

— Как сказать. Я видел Эми в роли настоящей бури. Знаешь, какой нагоняй я получил от нее в Ницце! Куда до него твоим невинным выговорам! Она даже сказала, что презирает меня. Но вот взяла и отдала сердце этому презенному и никуда не годному.

— Как ей не стыдно! Если такое повторится, жалуйся мне — я буду твоей заступницей.

— О мой рыцарь, приди и спаси меня! — рассмеялся Лори, вставая в театральную позу, но выражение его лица внезапно переменилось, когда за дверью послышался голос Эми:

— Где же она? Где моя Джо?

И явилось все семейство; все долго обнимались и целовались, пока наконец не расселись вокруг стола, усадив на почетные места двух путешественников. Все смотрели на них, все ими восхищались. Мистер Лоренс помолодел и приободрился после заграничной поездки; ворчливость его куда-то исчезла, а старомодная учтивость обрела европейский лоск. Приятно было видеть, как он улыбается «своим детям» — юной супружеской паре. Еще приятнее было замечать, с какой нежностью относится к нему Эми, на старости он обрел юную дочь. Но приятнее всего было смотреть на Лори, который не отрывал глаз от идиллической картинки добрых отношений старика и прелестной молоденькой женщины.

Мег, поглядывая на младшую сестру, невольно сравнивала себя с ней и отмечала, с каким парижским шиком смотрится Эми,

а вот ее платье... и даже Салли Моффат не сравнится теперь с Эми в элегантности и умении держаться.

«Какая пара!» — мысленно воскликнула, глядя на молодых, Джо. Да, прелестная, хорошо воспитанная Эми благоустроит для Лори семейное гнездо лучше, чем неловкая Джо, и будет его гордостью, а не причиной для огорчений и досады.

А миссис Марч радовалась тому, что ее младшая дочь не только преуспела, но и познала истинное счастье.

Не осталось и следа от былой холодной чопорности Эми, ее пленительную женственность не омрачало более никакое жеманство и мелочное притворство. Очаровательная сердечность сделала ее той истинной леди, какой когда-то она и мечтала стать.

— Да, любовь преобразила мою малышку, — проговорила с нежностью Марми.

— Всю жизнь у нее был перед глазами добрый пример, — прошептал мистер Марч, с любовью глядя на стареющее лицо жены в обрамлении седых волос.

Маленькая Дейзи не сводила глаз с «красивой тети» и сопровождала ее повсюду, словно верная собачка обворожительную хозяйку замка. Пока маленький Деми изучал новых родственников, Лори достал привезенный для него сувенир — семейство деревянных медведей, приобретенных в Берне.

— Молодой человек, — Лори напустил на себя суровый вид, — при нашей первой встрече три года тому назад ты посмел ударить меня по лицу. Теперь я требую удовлетворения.

И он принялся подбрасывать племянника вверх и бороться с ним, и вскоре не только развеял его настороженность, но и привел в восторг мальчишескую душу.

— Вот так наша Эми! Вся с головы до ног в шелках, все теперь зовут ее миссис Лоренс, — бормотала себе под нос Ханна, разглядывая юную пару и забывая поддерживать стол в надлежащем виде.

А сколько разговоров было! Говорили наперебой и хором, пытаясь припомнить в подробностях все, что произошло за минувшие три года. Если бы не крепкий чай, подоспевший как раз вовремя, они, наверно, охрипли бы и выдохлись.

И вот веселая процессия направилась в столовую. Впереди шествовал мистер Марч, с гордостью ведя «миссис Лоренс». Марми опиралась на руку «сына». А старик Лоренс подал руку Джо и, с печалью посмотрев в пустой угол возле камина, сказал, что теперь она должна будет заменить ему «его милую девочку», и Джо дрожащими губами прошептала в ответ: «Да, сэр, я постараюсь».

Для близнецов наступило поистине золотое время. Взрослые были заняты друг другом и предоставили им полную свободу, чем они и воспользовались с преогромной радостью. Они оппились чая, обелились имбирными лепешками и горячими сдобами, попытались втиснуть в карманы куски фруктового торта, которые, увы, крошились и разваливались, являя непреложную истину, что мучные изделия так же бренны и хрупки, как человеческая душа. Опасаясь, как бы зоркая тетушка Додо не заметила спрятанную добычу, маленькие грешники присоседились поближе к дедушке, который был без очков. Эми, с которой всем хотелось пообщаться, оказалась на пару с мистером Лоренсом, отчего Джо осталась без спутника. Впрочем, она не обратила на это особого внимания и пошла помогать слегка растерявшейся Ханне.

— Значит, теперь Эми будет ездить в карете и получит в приданое серебряный сервиз, который матушка отдавала в ломбард? — полюбопытствовала старая служанка.

— Наверно, у нее будет шестерка белых лошадей, и кружева, и бриллианты, и золото. Тедди считает, что всех сокровищ на свете для нее мало, — с величайшим удовлетворением ответила Джо.

— И точно, уж такая она красавица!.. А что лучше подать на завтрак — мясо с подливкой или рыбные котлеты? — спросила Ханна, переходя с поэзии на прозу.

— Ах, право, все равно!

И Джо направилась к двери, чувствуя, что думать о еде в такие минуты она не в силах. Войдя в гостиную, она глянула на веселую компанию, на озорника Деми в клетчатых штанишках, на радостные лица родителей, и вновь на нее нахлынуло чувство одиночества. Она долго озиралась вокруг затуманными глазами, ища поддержки и опоры, но все будто забыли о ней, даже Лори.

«Ладно, успею наплакаться, когда заберусь в постель, а сейчас надо казаться веселой!» — подумала Джо.

О, знала бы она, что спасение уже буквально в дверях! Только она провела рукой по глазам, как мальчишка-подросток, никогда не знающий, где носовой платок, едва успела вернуть на лицо подобие улыбки, как в парадную дверь постучали. Она сама пошла открывать дверь и на пороге увидела — уж не призрак ли? Высокий бородатый мужчина поклонился ей, сверкая ослепительной улыбкой в темноте, словно солнце в полуночи.

— Мистер Баэр! Как же вы кстати, и как я вам рада! — восторженно воскликнула Джо, втаскивая его в прихожую, словно боясь, что темнота может его поглотить.

— О, я рат фидеть мисс Марч, но я не фофремя — у фас гости! — профессор смолк, прислушиваясь к звукам веселых голосов и топоту пляшущих ног.

— Никаких гостей, все свои! Просто моя сестра с мужем только что вернулись из странствий. Так что милости прошу в нашу компанию!

Мистер Баэр, хоть и был общительным человеком, уже твердо решил про себя, что следует любезно откланяться и зайти какнибудь в другой день. Но Джо тем временем у него за спиной закрыла дверь на ключ и отобрала шляпу. И потом ее лицо! Она совершенно не могла скрыть радость при его появлении. И как это согрело сердце одинокого человека. О, такой прием превосходил все его самые смелые ожидания.

— Ну, если я не буду в роли Monsieur de Trop¹, что ж, я рат со фсеми познакомиться! Ах, да фы не заболели? — неожиданно спросил он: когда яркий свет упал на лицо Джо, профессор заметил, как она изменилась.

— Нет, я здорова, но только устала и опечалена. Наша семья пережила большое горе.

— Да, я слышал о смерть фашей сестры и глубоко огорчен.

Он сочувственно пожал ей руку, и какое еще утешение могло сравниться с этим теплым рукопожатием и добрым взглядом?

¹ Букв.: господин Чересчур (фр.).

— Папа, это мой друг, профессор Баэр! — объявила она с безудержной радостью и гордостью, и это выглядело примерно так, как если бы она распахнула двери и протрубила в трубу.

Прием новому гостю был оказан самый сердечный, и вся его застенчивость вскоре прошла. Сначала его привечали главным образом из-за Джо, а потом он сам снискдал общее расположение. У него словно был какой-то волшебный ключик, открывавший сердца окружающих, а тем, что он был беден, Баэр притягивал к себе людей даже еще сильнее. Ведь в присутствии бедного человека люди среднего достатка сразу начинают ощущать себя богачами. Мистер Баэр чувствовал себя тем самым пилигримом, который постучал в незнакомую дверь, а когда она открылась, обнаружил, что попал к себе домой.

Дети налетели на него, как пчелы на горшок с медом; каждый устроился на «своем» колене и крутил его часы, теребил бороду и рылся в карманах. Женщины одобрительно переглядывались, а мистер Марч, обретя в госте родственную душу, открыл ему самые сокровенные мысли и замыслы. Джон молча прислушивался к их беседе и испытывал подлинное наслаждение. Даже старик Лоренс встрепенулся, пробудившись от дремы.

Джо на время забыла о Лори, но если бы она теперь взглянула на него, то ее, наверно, позабавило бы его поведение. Не то чтобы ревность, но некое смутное подозрение заставило юного супруга поначалу отстраниться от гостя и наблюдать за ним издалека. Впрочем, это продолжалось недолго. Незаметно для себя он тоже втянулся в мужскую беседу, так как мистер Баэр в столь дружественной обстановке явил редкостное красноречие и вообще показал себя с самой лучшей стороны. К Лори он обращался редко, но при взгляде на него слегка грустнел, как будто вид человека в расцвете сил вселял в него грусть о своей ушедшей молодости. Порой еще более печальный взгляд он устремлял на Джо, но она не отвечала на его немые вопросы. Она предусмотрительно запаслась вязанием, чтобы весь вечер сидеть, опустив голову, и изображать примерную незамужнюю тетю.

Лицо Баэра утратило обычное выражение рассеянности, он казался не только оживленным и заинтересованным, но даже

обаятельным, почти красивым – настолько, что Джо даже забыла сравнить его с Лори, а это всегда было невыгодное для других мужчин сравнение. Потом оба упомянутых господина затеяли спор, и хотя его тема была несколько мрачной – погребальные обряды древности, – они спорили горячо и увлеченно.

Когда Тедди признал себя побежденным в споре, Джо испытала нечто близкое к гордости и, глядя на вступившего в беседу отца, подумала: «Вот если бы профессор жил где-нибудь поблизости и они с папой могли бы беседовать каждый вечер!» И надо сказать, что Баэр сейчас мало походил на прежнего чудаковатого профессора. В новом черном костюме он выглядел вполне джентльменом. Его густые волосы были тщательно приглажены щеткой, однако вскоре вновь торчали во все стороны, потому что он не оставил привычки ерошить их в минуту волнения. Но Джо это скорее даже нравилось: у него был красивый лоб и, когда волосы грозно топорщились, это придавало ему некоторое сходство с Юпитером. Смиренно потупив голову, Джо следила за каждым движением Баэра, в душе буквально возвеличивая этого простого человека. И, конечно, от ее внимания не ускользнули золотые запонки на ослепительно белых манжетах.

«Если бы он явился делать предложение, то не мог нарядиться изящнее», – вдруг подумала Джо, и жутко покраснела от этой мысли и, чтобы спрятать лицо, уронила клубок на пол.

Однако маневр не удался. Потому что профессор, стоя у воображаемого погребального костра, в этот самый момент сделал вид, что уронил факел, и нагнулся за маленьким синим клубком Джо. И тут их лбы встретились, столкнулись, так что у обоих из глаз посыпались искры, а клубок так и остался пылиться под столом.

Расходиться никто не собирался, но было уже поздно, и Ханна увела из комнаты малышей, раскрасневшихся от веселья, как два пунцовых мака, а мистер Лоренс отправился домой отдыхать. Остальные расположились у камина и долго еще беседовали.

Наконец Мег, вообразив, что Дейзи без ее пригляджа непременно свалилась с кровати, а Деми, балуясь спичками, поджег на себе рубашку, встала, чтобы уйти.

— По старому добруму, обычаю на прощание нам надо спеть, потому что мы снова все вместе! — предложила Джо, думая о том, что в громком гимне сможет выплеснуть хоть капельку переполнявшего ее ликования.

И хотя теперь у камина они собрались уже не все, никто не счел слова Джо бес tactными. Бет продолжала незримо присутствовать в доме, и даже смерть не могла разрушить семейный союз, скрепленный нерасторжимыми узами любви. Любимое кресло Бет по-прежнему стояло в уголке, по-прежнему пребывала на полке корзинка с шитьем, которое она оставила, когда «иголка стала тяжела», на прежнем месте стояло ее пианино, за которое теперь редко кто садился, а сама Бет смотрела на них с фотографии, ласково улыбаясь, совсем как в былые дни, как бы говоря: «Я с вами. Будьте счастливы».

— Сыграй нам что-нибудь, Эми. Пусть послушают, как ты теперь умеешь, — не без гордости за жену сказал Лори.

Но Эми лишь покрутила вращающийся стул у пианино и, отводя в сторону глаза, полные слез, сказала:

— После, не сегодня, я не могу сейчас.

Но потом она запела любимые песни Бет, да так проникновенно и нежно, что глубоко тронула сердца слушателей.

И нет такого горя на земле,
Что не унес бы ангел на крыле! —

допев эти завершающие строки, Эми с грустью склонила голову на плечо Лори. Единственное, чего не хватало ей для полного счастья в этот день, — поцелуй Бет.

— А кончим мы песней «Миньоны», — предложила Джо, — ее очень хорошо поет мистер Баэр.

Гость, слегка прочистив горло, подошел к ней:

— А вы споете со мной? Помнится, у нас хорошо получалось вместе.

Скажем прямо, Джо не блестала музыкальными талантами. Но даже если бы он предложил ей спеть целую оперу, она бы тут же согласилась и заливалась от души, не обращая внимания на мелодию и ритм. Впрочем, надо признать, она не очень испор-

тила песню. Баэр пел как настоящий немец, с глубоким чувством, а Джо лишь тихонько подпевала, прислушиваясь к мягкому голосу, который несомненно обращался к ней одной.

Ты знаешь ли край, где цветет лимон?

Это была любимая строка профессора – ведь речь в ней шла о Германии. Но теперь он особо выделил другие слова.

Туда, ах, туда, я мог бы с тобой,
Любимая, вместе уйти.

Каким восторгом затрепетало сердце Джо. Ей хотелось сказать во всеуслышание, что да, она знает этот край и готова отправиться туда вместе с певцом, когда ему будет угодно.

Но несколько минут спустя певец, совершенно забыв о различиях, устремил восторженный взор на Эми, которая надевала перед зеркалом шляпку. Просто до этого времени он не знал, что это «миссис Лоренс», Джо представила ее просто как «сестру». Лишь под самый конец Лори исправил положение, любезным тоном сказав на прощание профессору:

– Мы с женой очень рады знакомству с вами. Будем признательны, если вы посетите и нас.

Баэр, засияв от счастья, так горячо благодарил его, что Лори нашел его самым непосредственным человеком из всех, кого он когда-либо знал.

– Вынужден проститься, но охотно пришел бы еще раз, поскольку приехал по делам и пробуду в вашем городе еще несколько дней, – сказал, уходя, профессор, обращаясь одновременно и к миссис Марч, и к Джо.

– Я полагаю, что он умный человек, – высказался мистер Марч довольным тоном, когда гости разошлись.

– И к тому же добрый, – прибавила Марми, заводя каминные часы.

– Я знала, что он вам понравится, – только и сказала Джо и отправилась спать.

Перед тем как заснуть, Джо долго гадала, каким образом Баэр оказался в городе, и решила, что, видимо, его чествовали где-нибудь неподалеку, но он по скромности умолчал об этом.

Знай она, что в это время тот, о ком она думала, рассматривал у себя в комнате фотографию юной леди с копной пышных волос и непреклонным взглядом, — может, она и уяснила бы истинную причину его появления в городе, особенно когда он, погасив лампу, в темноте поцеловал портрет.

Глава XXI

МИЛОРД И МИЛЕДИ

— Прошу вас, матушка, одолжите мне на полчаса мою жену? Дело в том, что прибыл багаж, я переворотил все ее парижские наряды — но нужная вещь так и не отыскалась, — взмолился Лори, войдя на следующий день в гостиную семейства Марч, где миссис Лоренс сидела на коленях у Марми, точно опять стала «крошкой Эми».

— Да, разумеется. Иди, моя девочка. Я и забыла, что у тебя теперь есть другой дом, — Марми поцеловала холеную руку, украшенную обручальным кольцом, как бы прося прощения за неделикатность.

— Простите, что вас потревожил, — продолжал в свою очередь извиняться Лори, — но без этой женщины я все равно что...

— Флюгер без ветра, — подсказала Джо, видя, что он затрудняется подобрать подходящее сравнение.

С возвращением Тедди и появлением в городе еще одного человека к Джо вернулась прежняя живость.

— Да, вот именно. Эми все это время обращала меня на запад с небольшим, правда, уклонением к югу. Про восточный ветер я не слышал ни разу со времени моей женитьбы, а вот северный... Тут я тоже ничего не имею против, это здоровое и благотворное веяние. Не так ли, миледи?

— Пока я наслаждаюсь тихими днями, но учусь не бояться бурь и всегда дежурю у штурвала. Ты, наверно, ищешь ту штукку, без которой трудно снять сапоги? Я угадала? Но почему для этого

тебе понадобилось рыться в моих туалетах? Ах, мама, до чего же мужчины беспомощны! – проговорила Эми, напуская на себя важность почтенной дамы и приводя тем самым в восторг молодого мужа.

– Вот устроитесь вы на месте – а потом? – спросила его Джо, застегивая на Эми плащ, как когда-то застегивала ее переднички.

– Если ты думаешь, что я буду бездельничать, то ошибаешься. Я уже вхожу в курс дел дедушкиной компании, и скоро он поймет, на что я годен. Словом, я начинаю быть мужчиной.

– А что намерена делать Эми? – поинтересовалась у него миссис Марч, довольная тем, что Лори проявляет энергию и решительность.

– Сначала мы совершим массу визитов и поразим всех своими шляпками, а потом станем поражать город великолепием и гостеприимством нашего особняка. Надеемся собрать под своей крышей общество, которое окажет влияние на мир в целом. Вы к этому готовы, мадам Рекамье? – спросил Лори, добродушно поддразнивая Эми.

– Поживем – увидим. И не шокируй мою семью своими проектами, – заметила Эми, думая, что прежде ей надо стать хорошей женой и хозяйкой, а салон пока подождет.

«Счастливые!» – с легкой грустью подумал мистер Марч, которому все труднее становилось погружаться в своего Аристотеля.

– Я верю, они будут счастливы, – в ту же минуту сказала миссис Марч уверенным голосом лоцмана, который благополучно привел корабль в назначенный порт.

– Да, Эми создана для счастья! – Джо вздохнула, но тут же заулыбалась, увидев в окно, как Баэр нетерпеливо дергает калитку.

Когда приспособление для снятия сапог благополучно отыскалось и Эми занялась развесиванием своих рисунков, Лори подозвал ее к себе:

– Я кое-что хочу вам сказать, миссис Лоренс.

— Милорд?

— А ведь этот приезжий намерен жениться на нашей Джо.

— А вы что-то имеете против?

— Вообще-то он славный малый в прямом и переносном смысле слова, вот только хотелось бы, чтобы он был помоложе и побогаче.

— Ну, Лори, не привередничай! Женщины не считаются с возрастом, когда любят. И никогда не выходят замуж из-за денег, даже если поначалу намереваются это сделать.

— Да, мне как-то приходилось слышать от одной девицы, что она собирается поступить именно так. Ты, кажется, раньше почитала своим долгом сделать выгодную партию, но почему-то остановила свой выбор на таком никчемном человеке, как я.

— Фу! Не говори так. Я и не думала о твоем богатстве, когда говорила «да». Мне иногда хочется, чтобы ты был беден, — тогда я показала бы всем, как сильно я тебя люблю. — Эми, умевшая быть очень величественной в свете, но очень ласковая дома, стала всячески заверять его в своей искренней любви. — Скажи честно, тебе никогда не приходит в голову, что я осталась такой же корыстной? Если ты в это продолжаешь верить, то разобьешь мне сердце. Знаешь, если бы ты был просто перевозчиком на Женевском озере, я с радостью согласилась бы всю жизнь грести с тобой в одной лодке.

— Да неужели я такой дурак или мерзавец? Ты отказалась человеку вдвое богаче меня. И не позволяешь мне тратить на тебя столько, сколько я хочу. Всякая девушка из небогатой семьи мечтает поправить свой достаток — в этом нет никакого греха. Но ты — дочь своей матери. Когда я вчера сказал об этом Марми, она просияла, словно я подписал ей благотворительный чек на миллион. Да, я вижу, что вам разговоры на эту тему прискутили, миссис Лоренс!

Лори умолк, потому что у Эми в самом деле был отсутствующий взгляд, хотя ее глаза и были устремлены на него.

— Да, я любуюсь ямочкой на твоем подбородке. Признаться, я горжусь своим замужеством больше потому, что мой избранник хорош собой, а не потому, что он богат. Где еще можно

найти мужчину с таким носом? – прикоснулась она к его классической формы носу с восторгом художницы.

Лори готов был посмеяться над странными признаниями жены, однако от удовольствия у него приятно вскружилась голова. Дальнейший разговор позабавил его не меньше.

– Можно задать тебе вопрос?

– Да.

– Тебе приятно будет, если Джо выйдет замуж?

– Ах, вот что тебя беспокоит. А я думал, что-то не так с моей ямочкой. Да что же я – собака на сене? Ты сомневаешься, что я буду танцевать на свадьбе у Джо с легким сердцем?

Эми была довольна; остатки ревности прошли, и она поблагодарила его с выражением любви и доверия на лице.

– Давай подумаем, что бы такое сделать нам для этого профессора. Представь: некий его богатый родственник очень во время умирает в Германии и оставляет ему в наследство имение! – рассуждал Лори, прогуливаясь с женой по просторной студии, как некогда они прогуливались с женой в саду швейцарского замка.

– Джо это не понравится. Она очень гордится им и находит, что бедность – это прекрасно.

– Ну, когда у нее будет муж-литератор и дюжина профессорят, она станет думать иначе. Нет, я что-то должен для нее сделать. Я отчасти обязан ей своим образованием и намерен честно оплатить долги.

– Как это хорошо, когда имеешь возможность помогать другим! Это всегда было моей мечтой, и вот благодаря тебе мечта сбывается.

– Мы с тобой сделаем много добрых дел, не сомневайся. Есть такая бедность, которой особенно хочется помочь. Нищим всегда кто-нибудь подаст на пропитание, а вот бедные благородные люди сами ни у кого не попросят, а богатые не смеют унизить их, предлагая помочь. Но ведь существует множество окольных, деликатных путей. И я всегда охотнее помогу бедному гордому джентльмену, нежели попрошайке с вкрадчивым

голосом. Возможно, я не совсем прав, но я выбираю более сложный путь.

— Да, чтобы поступать так, надо самому быть джентльменом, — согласилась Эми, которая подумала, что муж ее заслуживает восхищения сверх всякой меры.

— Спасибо, но я не стою такого комплимента. Просто за границей я видел, что в то время, пока я бездельничаю, множество талантливых молодых людей перебиваются с хлеба на воду ради осуществления своей мечты. Таким людям, без друзей, без денег, но даровитым и целеустремленным, поверь, хочется хоть немного посодействовать. Оказать им помощь — очень благородное дело. Потому что если при этом удастся сберечь и поддержать талант, то это будет дар обществу, а если окажется, что большого таланта все же нет, — что ж, это будет помочь молодой чистой душе.

— Да, я сама была среди таких бедняков, пока ты меня, золушку, не сделал сказочной принцессой. И мне тоже, когда вижу девушек, которые сами пробивают себе дорогу, всегда хочется им чем-то помочь.

— Конечно, ты им поможешь, мой ангел! — Лори стал говорить о возможности стипендий для бедных женщин с художественными талантами. — А еще я думаю, что лучше тратить свои доходы при жизни и видеть, какие они приносят плоды, чем копить деньги и оставлять кому-то в наследство. Будем жить хорошо и делиться с другими. Согласна ли ты взять корзину и пойти по свету, моя маленькая Тавифа?

— Согласна, если ты станешь Святым Мартином, готовым отдать бедняку свой плащ!

— Так по рукам — и к победе!

Они пожали друг другу руки и довольные собой продолжили обсуждать прекрасные планы, твердо веря, что в их доме станет еще уютнее, когда они благоустроят другие дома; и что они увереннее пойдут по своему усыпанному розами пути, если помогут сгладить ухабы на чужих дорогах. Им было радостно оттого, что их любовь не забывает об участии тех, кто обделен счастьем.

ДЕЙЗИ И ДЕМИ

Я не исполню до конца своих обязанностей скромного историографа семьи Марч, если не посвящу хотя бы одну главу самым дорогим и самым важным ее членам. Мы подошли к тому времени, когда Дейзи и Деми стали уже способны отвечать за свои поступки, ибо в наш стремительный век трех- или четырехлетние дети уже умеют предъявлять миру взрослых свои права и при этом способны многое добиться, что, надо признать, далеко не всегда получается у самих взрослых. Дейзи и Деми Брук были, наверно, самыми избалованными на свете близнецами. Хотя, надо сказать, они были детьми во многом просто удивительными.

В восемь месяцев они уверенно ходили, в год бойко болтали, а в два держались за столом до того самостоятельно, что это очаровывало всех и каждого. В три года Дейзи попросила, чтобы мама дала ей «иголотку», и, положив вкрай и вкось четыре стежка, объявила, что у нее вышел мешочек. В четыре — она запросто являлась хозяйничать на кухню и настолько умело зажигала маленькую плитку, что вызывала необыкновенное умиление Ханны.

Ее брат тем временем под руководством дедушки изучал алфавит. Буквы изображались при помощи рук и ног, и такой способ обучения обеспечивал одновременно тренировку ума и тела. К восторгу папы и огорчению мамы Деми рано заинтересовался техникой, и действие любого механизма, попавшего ему на глаза, он тоже пытался объяснить не словами, а руками. В детской постоянно царил ужасающий беспорядок. Веревки и табуретки изображали «свойную масинку», колеса всевозможных агрегатов, увиденных где-то или рожденных воображением, должны были вращаться беспрерывно, а однажды, соорудив подобие кронштейна, Деми попытался в корзине поднять с полу на кровать свою сестренку. Слава богу, что все закончилось лишь синяками и ссадинами, девочку долго успокаивали, а Деми не менее долго слезно умолял не разрушать его «леливатор».

Характеры у близнецовых были совсем разные, но это не мешало им хорошо ладить друг с другом — во всяком случаессорились они не чаще трех раз на дню. Конечно, Деми порой нещадно тиранил сестру, но зато защищал ее от других тиранов, так что Дейзи добровольно отдалась ему в рабство и видела в нем лучшего мальчика на всем белом свете.

Розовощекая, пухленькая, улыбчивая Дейзи могла покорить любое сердце. Она словно была создана для того, чтобы ее постоянно целовали, миловали, наряжали, а по торжественным дням и вовсе выставляли напоказ, точно какую-нибудь маленькую богиню. Она была так мила и хороша, что можно было подумать, будто это не девочка, а ангел, если бы не вполне человеческие проказы. В окружающей жизни Дейзи видела только хорошее. Не важно, светило ли солнце или шел проливной дождь, — она все равно кричала со своего устроенного на подоконнике сиденья: «Холосий день!» Ее певучий голосок заставлял заглядывать в детскую даже закоренелых холостяков, а те, кто был хоть немного чадолюбив, просто не чаяли в Дейзи души.

— Я люблю всех-всех! — воскликнула она однажды, раскрывая объятия с ложкой в правой руке и кружкой в левой, словно желая и обнять, и напитать весь белый свет.

Она подрастала, и Мег начинало казаться, что и впрямь их «голубятню» благословило присутствие души воистину голубиной. Чем-то эта малышка напоминала другого человека с такой же голубиной душой, совсем недавно делавшей уютное родовое гнездо Марчей еще уютней. О, только бы не случилось беды, подобной той, что унесла от них того ангела. Дедушка иногда по ошибке звал ее Бет, а бабушка зорко следила за внучкой, словно пытаясь загладить какой-то совершенный ею в прошлом грех, о котором не знал никто, кроме нее самой.

Ну а Деми рос настоящим янки. Он был неистощимо любознателен, желал знать обо всем на свете и причинял немало хлопот, добиваясь ответов на множество «почему?». В нем, к удовольствию дедушки, даже стали открываться философские наклонности. Во время ежедневных «сократовских прогулок» не по летам

разумный ученик порой ставил в тупик своего старого учителя, чем доставлял немалое удовольствие женской части семейства.

— Дедушка, а кто так сделал, чтобы ноги ходили? — приставал внук, обозревая эти нарезвившиеся и утомленные части своего тела после дежурного ритуала укладывания в постель.

— Это сделала твоя маленькая душа, Деми, — отвечал мудрый наставник, ласково поглаживая светлую головку.

— А что это такое «душа»?

— Это и есть двигатель твоего тела. Помнишь, я тебе показывал, как работают часы? В них есть пружинка, и она вращает колесики.

— А во мне тоже есть пружинка? Открой меня — я хочу посмотреть.

— Этого нельзя сделать. Люди заводят часы, а людей заводит Господь Бог. Он завел тебя — и ты будешь ходить, пока Он не остановит.

— Правда? — по мере того как Деми постигал эту новую идею, глаза его становились большими и блестящими. — Значит, Бог берет меня и заводит?

— Но только я не могу показать тебе, как Он это делает. Это бывает тогда, когда никто не видит.

Деми некоторое время ощупывал свою спину в надежде отыскать там крышку, а потом заметил с необычайной серьезностью:

— Бог делает это, когда я сплю?

В ответ дедушка затянул очень пространные объяснения, а внук слушал их до того внимательно, что решила вмешаться бабушка:

— Дорогой мой, едва ли это разумно — говорить о таких вещах с младенцем. Он так и будет все время морщить лобик и придумывать вопросы, на которые нельзя ответить.

— Ну, если он уже умеет поставить вопрос, то заслуживает, чтобы ему дали серьезный и правдивый ответ. Я ведь никаких новых мыслей не вкладываю ему в голову, я только помогаю проявиться тем, которые там есть. Имей в виду: дети умнее нас. У меня нет никакого сомнения, что он из моих речей понимает все до единого слова... Ну-ка, Деми, скажи бабушке, где твоя душа?

Если бы Деми ответил ему словами Алкивиада: «Клянусь богами, Сократ, я не могу сказать», мистер Марч совершенно не удивился бы. Но мальчик постоял немножко на ноге в позе задумчивого аистенка и ответил убежденно: «Душа у меня в животике». Бабушка и дедушка рассмеялись в один голос, и урок философии был завершен.

Все это могло бы беспокоить маму, если бы Деми не подтверждал на каждом шагу, что он не только подающий надежды философ, но и обыкновенный мальчишка. Иной раз после глубокомысленной дискуссии, когда Ханна уже зловеще прорицала, что Деми не жилец на этом свете, мальчик сразу спешил успокоить ее страхи какой-нибудь из тех озорных выходок, какими домашние баловни обычно и огорчают, и восхищают старших.

Как ни старалась Мег быть строгой с близнецами, но перед хитростями маленьких плутов она часто устоять не могла.

— Деми, хватит таскать изюм, а то тебя будет тошнить, — выговаривала она юному помощнику, который вызывался помогать ей именно в те дни, когда готовили пудинг.

— Я хочу, чтобы тошнило!

— Зато я не хочу. Ступай, помоги Дейзи лепить пирожки.

Деми уходил, но ему требовалось не много времени, чтобы придумать, как перехитрить маму.

— Ну вот, сегодня вы хорошо себя вели, и я могу заняться с вами, чем вы хотите!

Мег собиралась увести своих помощников наверх, пока пудинг булькал в кастрюльке.

— Честно, мама? — деловито переспросил ее Деми, и блеск в его глазах выдал, что под его напудренной мукой шевелюрой уже вызрел коварный план.

— Да, честно! — ответила простодушная мама, думая уже о том, какие они сейчас будут петь песенки и в какие игры играть.

Тут-то Деми и загнал ее в угол:

— Тогда пойдем на кухню и съедим весь изюм!

Но главным товарищем детских игр и особо доверенным лицом была, конечно, тетя Додо. Когда она появлялась в «голубят-

не», они втроем переворачивали все буквально вверх тормашками. Тетю Эми близнецы до самого недавнего времени знали только по имени; тетя Бет успела превратиться в доброе, но довольно смутное воспоминание; и только одна тетя Додо была живой реальностью — при любой возможности близнецы всецело завладевали ею, она же была польщена и очень благодарна им за это.

Однако с приездом мистера Баэра Джо совсем забыла про своих маленьких подопечных, чем вызвала в их маленьких душах глубокую скорбь. Бедная Дейзи! Кому же будет теперь дарить она свои поцелуи? Бедный Деми! Тетя Додо теперь больше любит играть с «дядей медведем», чем с ним. Тем не менее вызвать на поединок соперника наш маленький герой не решался: ведь в одном кармане его жилета всегда были залежи шоколадного драже, а в другом — часы, которые можно было вынимать из футляра и заводить с благосклонного позволения хозяина.

Деми не считал даваемые ему привилегии подкупом или чем-то в этом роде. Он искренне верил, что «медведь» его полюбил. Дейзи вела себя осторожнее и не сразу доверились ласкам странного дяди, но уже дня через три она рассматривала его плечо, как свой королевский трон, его руку — как прибежище от всех зол, а его дары — как лучшие в мире сокровища.

Случается, что женихи намеренно балуют юных родственников своих невест, но такое неискреннее чадолюбие обычно тяготит и детей, и невесту, и самого жениха. Нет, любовь мистера Баэра к племянникам совершенно не зависела от его чувства к их тетушке. Он любил повторять, что любить и судить надо честно. С детьми он чувствовал себя совершенно свободно, и было одно удовольствие наблюдать со стороны контраст между их маленькими ребячими лицами и его большим, умным лицом. Что за дела удерживали его в городе, об этом никто не ведал, но день проходил за днем, а он, казалось, не торопился уезжать. Редкий вечер обходился без того, чтобы он не заглянул к Марчам. Обычно он спрашивал мистера Марча, и отец семейства

не без гордости полагал, что ему удалось завоевать дружбу этого интересного иностранца. Он и дальше упивался бы долгими философскими диспутами, если бы однажды более проницательный внук не открыл ему глаза.

В один из вечеров, ступив на порог кабинета, мистер Баэр застал весьма необычную картину. На полу, задрав к потолку свои почтенные ноги, лежал мистер Марч, а рядом с ним Деми — точно в такой же позе, подняв и расставив в стороны свои ножонки в красных чулках. Оба были увлечены и не заметили гостя. Приглядевшись, мистер Баэр от души расхохотался, и Джо крикнула возмущенно:

— Папа, папа! Профессор пришел!

Отец семейства поднял с половика седую голову и проговорил с невозмутимым спокойствием:

— Добрый вечер, мистер Баэр. Подождите одну минуту, пока мы кончим занятие. Ну, Деми, какую мы сделали букву?

— Я знаю! Если я один поднимаю ноги, то это буква «ви», а если мы вдвоем — тогда это «дабл-ю»!

— Ты находчив, как Сэм. Помнишь, был такой слуга у мистера Пиквика? — засмеялась Джо.

Потом дедушка поднялся на ноги, а племянник попытался сделать «колесо», выражая таким способом радость от завершения урока.

— Ну а кроме «дабл-ю», что ты еще сегодня делал, малыш? — спросил Баэр, покачивая на руках гимнаста.

— А еще я ходил в гости к Мери.

— Вот как? И что вы там делали?

— Я ее поцеловал.

— Ого! Не рано ли? Что же тебе сказала маленькая Мери? — высматривал Баэр юного грешника, пока тот обследовал карманы его жилета.

— Ей понравилось. Я уже целовал девочек много раз. Разве мальчики не должны любить девочек? — невозмутимым тоном спросил Деми, набивая рот драже.

— Откуда у тебя такие мысли, цыпленок? — поинтересовалась Джо, с явным удовольствием выслушивая опасные признания.

— Это не мысли, а только слова. Они тут, во рту! — и он высунул язык с налипшим на нем шоколадом.

— А интересно, ты оставил что-нибудь для твоей старшей подружки? — продолжил разговор Баэр, протягивая тем временем несколько шоколадных конфет Джо, которая приняла их поистине как дар богов.

А Деми, заметив, как они переглянулись, простодушно ответил вопросом на вопрос:

— А большие дяди тоже любят больших девочек, да, профессор?

Подобно юному Вашингтону, профессор «не мог солгать» и потому ответил несколько смущенно, что такое тоже иногда случается. Его несколько странный тон заставил мистера Марча отложить платяную щетку и посмотреть в глаза Джо... Так «цыпленок» навел его на мысли, одновременно сладкие и горькие, каковые сами, вероятно, не пришли бы ему в голову.

Почему же тетя Додо, застав Деми в шкафу со сладостями, вместо того чтобы хорошенъко ему всыпать, обняла и расцеловала, да еще вручила кусок хлеба, намазанный вареньем, — над этой проблемой Деми долго ломал голову, но так и не сумел ее разрешить.

Глава XXIII

ПОД ЗОНТОМ

Пока Лори и Эми прогуливались по мягким коврам, благоустраивали свой дом и строили планы счастливой супружеской жизни, Баэр и Джо предавались прогулкам иного рода — по грязным дорогам и заболоченным полям.

«Ведь я всегда по вечерам отправляюсь гулять. Не отказываться же мне от прогулок только потому, что по дороге я стала

часто сталкиваться с профессором?» — сказала себе Джо после двух или трех случайных встреч. От дома Марчей к «голубятне» вели две разные дорожки, но какую бы Джо ни выбрала, она все равно обязательно встречала мистера Баэра.

Он всегда шел быстро и как будто бы даже не узнавал ее, пока они не сталкивались нос к носу. Если выяснялось, что она идет к Мег, то Баэр сразу вспоминал, что ему нужно кое-что отнести в подарок Деми и Дейзи. Если же она направлялась домой, то оказывалось, что он на минутку вышел прогуляться к реке перед тем, как наведаться к ним в гости. И потому он может прямо сейчас составить компанию Джо, если, конечно, он им не очень надоел.

Что еще оставалось делать Джо, кроме как отвечать вежливостью? Даже если иной раз она и уставала слегка от его визитов, то мастерски это скрывала, и всякий раз напоминала Ханне о том, чтобы к ужину был кофе, потому что «Фридрих — я хотела сказать мистер Баэр — не пьет чай».

Через неделю Джо так переменилась, что все сомнения были отринуты, но домашние продолжали делать вид, будто ничего не замечают. Никто не расспрашивал, почему она за работой начинает петь, почему по три раза на день укладывает волосы и почему вечерами возвращается с прогулок такая сияющая. И каждый сохранял бесстрастное выражение лица, хотя прекрасно видел, как профессор, беседуя с отцом о высоких материалах, преподавал дочери урок любви.

Правда, строптивая Джо не была готова к тому, чтобы с покорностью отдать свое сердце. Она изо всех сил старалась погасить и задавить свои чувства, а когда поняла, что ничего из этого не выходит, заволновалась. Она боялась, что теперь все начнут посмеиваться над ней, припоминая многочисленные патетические декларации независимости, исходившие в разное время из ее уст или из-под ее пера.

Особенно робела Джо перед Лори, но благодаря своей новой руководительнице он вел себя с исключительным достоинством. Ни разу на людях он не назвал Баэра «славным малым», ни разу

не поделился с кем бы то ни было относительно перемен во внешности Джо, ни разу не выразил никакого удивления по поводу того, что видит шляпу профессора в передней Марчей буквально каждый день. Хотя в семейном кругу он бурно радовался и даже готовил свадебный подарок — герб с изображением медведя и королевского жезла.

Неожиданно объявившись, в течение двух недель Баэр наведывался к Марчам с постоянством искателя руки, а потом столь же неожиданно исчез. Все насторожились и заволновались. Джо вновь стала задумчивой, а потом и очень раздражительной.

«Наверно, я чем-то ему досадила, вот он и отбыл так же внезапно, как приехал. Мне, разумеется, все равно. Но пapa с мамой так радушно его принимали! Мог бы зайти и попрощаться, как подобает джентльмену», — говорила она себе через три дня, поглядывая за калитку и собираясь выйти на прогулку, несмотря на пасмурную погоду.

— Если уж ты решила выйти, то захвати свой зонтик. Может пойти дождь, — посоветовала мать, глядя, как она надевает новую красивую шляпку.

— Хорошо, Марми. Кстати, тебе ничего не нужно в городе? А то я хочу зайти в магазин — у меня опять кончилась бумага.

Джо повернулась к зеркалу и стала завязывать бант на шляпке — так, чтобы не встречаться с матерью глазами.

— Ты знаешь, да. Купи мне диагоналевой ткани, иголки — девятый номер и пару ярдов сиреневой ленты. Ты не забыла, что надо надеть ботинки и что-нибудь теплое под плащ?

— По-моему, нет, — рассеянно ответила Джо.

— Да, вот еще. Если ты случайно по дороге встретишь мистера Баэра, приведи его к ужину. Мне хочется видеть этого милого человека, — завершила разговор миссис Марч.

Джо никак не отозвалась на эту последнюю реплику, но подумала с теплотой и благодарностью: «Какая она у меня чуткая! Как плохо тем девушкам, у которых нет мамы, чтобы помочь в трудную минуту».

В этой части города были сосредоточены бухгалтерские конторы, банки, оптовые биржи, — все то, что привлекает и притягивает мужское общество; галантерейных магазинов в таких местах обычно не бывает; однако Джо, забыв о материнском наказе, устремилась сюда. Прогуливаясь взад и вперед, как будто бы в ожидании встречи, с неженским интересом разглядывая инструменты плотника в одной витрине и образчики шерсти в другой, она споткнулась о какой-то бочонок, едва не угодила под спускаемый сверху тюк, а какие-то мужчины весьма грубо оттолкнули ее с дороги, как будто говоря про себя: «И какого черта она сюда затесалась?»

Упавшая ей на лицо капля дождя переключила ее мысли с разбитых надежд на некупленные ленты. Будучи не только влюбленной девушкой, но и просто девушкой, без всяких эпитетов, Джо вдруг подумала, что если сердцу уже ничем не поможешь, то новую шляпку еще можно попытаться спасти.

Надо же! Мама прямо-таки втискивала ей в руку зонтик, а она ухитрилась его оставить. Теперь надо к кому-то зайти и одолжить зонтик — иначе промокнешь до нитки. Она посмотрела вверх на сгустившиеся тучи, вниз — на красный бант, уже испещренный темными точками, вперед — на грязную улицу, а потом, помедлив в растерянности, оглянулась назад. «Хоффман, Шварц и К°» — гласила надпись на двери закопченного склада.

«Так тебе и надо! — с укором сказала Джо самой себе. — Вырядилась и бесстыдно отправилась искать профессора! Мне стыдно за тебя, Джо! Ясно, что ты теперь замышляешь. Пойти к этим немцам, одолжить у них зонт и заодно проведать, где Баэр. Ничему этому не бывать! Дождь или не дождь — а ты пойдешь и выполнишь мамины поручения. Возможно, ты сляжешь в постель, умрешь и погубишь свою дивную шляпку — но это тебе по заслугам!»

Вынеся себе столь суровый приговор, она стремглав бросилась через улицу и чудом не угодила под колеса нагруженного фургона. Потом, сама не понимая как, оказалась в объятиях чопорного господина, который пробормотал с видом оскор-

бленного достоинства: «Прошу прощения, мэм!» Придя в себя от ужаса, Джо поспешила набросила носовой платок на свою бедную шляпку, видимо, надеясь хоть так уберечь ее от дождя, и побрела дальше, чувствуя, как все больше промокает, и глядя на снующие мимо зонтики. Однако один большой мужской зонт, синий и довольно потрепанный, маячил над нею уже подозрительно давно. И вот, решившись наконец поднять глаза, она увидела, что на нее взирает мистер Баэр.

— Кажется, я узнаю отважную леди, которая столь отважно бредет прямо перед носом лошадей по колено в грязи! Как фы тут оказались, мой друг?

— Я за покупками.

Мистер Баэр улыбнулся и обвел глазами ближайшие строения, от кожевенной фабрики до конторы по заготовке мехов, потом сказал вежливо:

— У фас нет зонтика. Потому позвольте мне сопрофождать фас и нести покупки.

Ей не оставалось ничего другого, как поблагодарить его. Щеки Джо пылали, подстать пунцовой ленте на шляпке. Она представляла себе, что он думает о ней. Но через минуту-другую ей было уже все равно, она шлепала по лужам под руку со своим профессором и чувствовала себя совершенно счастливой женщиной.

— Мы подумали, что вы уехали, — поспешило проговорила Джо, почувствовав на себе его вопрошающий взгляд.

У шляпки были не очень широкие поля, и она боялась, как бы он не заметил и не счел нескромной радость, написанную у нее на лице.

— Как фы могли такое подумать? Уехать, не простившись с теми, кто был так замечательно добр ко мне?

Услышав в его голосе легкую укоризну, она сообразила, что обидела его своим предположением и поспешила исправить ошибку:

— Нет, я не думала... Я знала, что у вас дела. Но нам вас так не хватало — особенно папе и маме.

— А вам?

— Ну, я всегда тоже рада вас видеть, сэр.

Боясь выглядеть чрезмерно пылкой, Джо поневоле приняла очень холодный тон, а слово «сэр» в заключение фразы совсем уж остудило профессора. Улыбка исчезла с его лица, и он сказал бесцветным голосом:

— Я признателен вам всем, и, конечно, я еще зайду к вам перед отъездом.

— Вы все-таки уезжаете?

— Да, я сделал все дела, все кончено.

— Хотя бы успешно? — спросила Джо, услышав в его словах какую-то горечь.

— Да, у меня открылась возможность дополнительной работы. Так что заработаю себе на хлеб и побалую немного моих *Jünglings*.

— Прошу вас, расскажите поподробнее... о работе и особенно... о мальчиках.

— Мне приятно, что вы интересуетесь. И я с удовольствием отвечу на ваши вопросы. Мои друзья хлопотали мне место в университете, и я буду преподавать, как в Германии. Моего жалофана хватит, чтобы привлечь в люди Франца и Эмиля. Есть за что благодарить судьбу, не правда ли?

— Еще бы! Так замечательно, что вы будете заниматься любимым делом, а мы теперь чаще сможем видеть вас и ваших сыновей! — воскликнула Джо, цепляясь за Франца с Эмилем, как за предлог для радости, которой она не могла скрыть.

— Пожалею... К сожалению, нет. Этот университет не здесь, а на Западе.

— Так далеко! — Джо даже отпустила подол своего платья — для нее теперь уже не имело значения, что будет с ее красивым нарядом да и с ней самой.

Мистер Баэр мог читать на нескольких языках, но увы, он не умел читать женские сердца. До сих пор ему казалось, что он знает Джо достаточно хорошо — и вдруг такая противоречивость и переменчивость. За время прогулки ее настроение менялось

раз пять. Встретив его, она нескованно удивилась, хотя, с другой стороны, чего еще она могла искать в этих кварталах, как не встречи с ним? Когда, раскрыв над нею зонт, он подал ей руку, она одарила его чарующей улыбкой, и он был просто на седьмом небе. Но стоило ему спросить, скучала ли она о нем, как его окатили ледяной водой. До чего сухо, казенно она ему отвечала! Потом, услышав о его удаче, она нескованно обрадовалась. Нужели дело в мальчиках? Но стоило ему сказать, что придется уехать на Запад, она произнесла «так далеко!» с таким отчаянием в голосе, что опять вознесла его на вершины надежды. Но в следующую минуту она вновь свергла его с заоблачных высот, заметив с очень сосредоточенным видом:

— Мне надо сюда. Вы зайдете со мной? Это ненадолго.

Джо всегда считала, что она умеет делать покупки. Но теперь, от возбуждения все у нее не клеилось. Она опрокинула поднос с иголками, купила не диагоналевую, а продольную ткань, а за сиреневой лентой обратилась в отдел ситцев. Мистер Баэр наблюдал за ней со стороны и все больше начинал убеждаться, что иногда поведение женщин, как и сновидения, нужно толковать наоборот.

Когда они вышли из лавки, он заметно повеселел и шлепал по лужам так, будто был в высшей степени удовлетворен.

— Не зайди ли нам еще во фруктовую лавку? — спросил он. — Купим что-нибудь для малышей и к столу... Надо устроить прощальный пир, коли уж я в последний раз иду к вам в гости.

— Что мы купим? — Джо оставила без внимания заключительную часть его фразы и с притворным восхищением втягивала в себя вкусные запахи.

— Им можно апельсины и инжир? — с отеческим видом спросил профессор.

— Изредка им покупают...

— А вы любите орехи?

— Еще бы! Как белка.

— А вот там стоит гамбургское вино. Будет повод выпить за Отечество!

Джо пожурила его за расточительность и, смеясь, предложила купить еще корзину фиников, бочонок изюма и мешок миндаля. Вытащив свой бумажник, Баэр заказал еще горшочек фиалок и увесистую посудину с медом. Затем он рассовал по карманам многочисленные свертки, раскрыл свой старый зонт и они отправились дальше.

— Мисс Марч, могу я просить фас об одном одолжении?

— Да, сэр!

Сердце Джо застучало с такой силой, что она испугалась, как бы он не услышал.

— Несмотря на дождь, я осмелюсь фас беспокоить, потому что фремени у меня обрез.

— Да, сэр!

Джо стиснула в руках горшочек с цветами, едва его не раздавив.

— Надо купить платье для Тины, но я плохо разбираюсь ф этих вещах. Мне нужен фаш совет.

— Да, сэр. — Джо почувствовала, как спокойствие и холод охватили ее, да так внезапно, словно она шагнула в холодильник.

— И еще надо делать подарок матери Тины. Она так часто стала болеть. Хорошо бы фыбрать теплую, плотную шаль.

— Я с удовольствием вам помогу, — сказала Джо, а про себя подумала: «А он с каждым шагом становится все милее».

И вот они с завидной энергией принялись за дело. Выбрав красивое платье для Тины, она попросила показать шали. Продавец решил, что семейная пара делает покупки для себя и детей.

— Ваша супруга, я думаю, предпочтет вот эту: у нее и хорошее качество, и подходящий цвет, одним словом, скромно и элегантно, — развернув серую шерстяную шаль, он набросил ее на плечи Джо.

— Вас это устраивает? — спросила она, поворачиваясь к Баэру спиной и радуясь возможности спрятать лицо.

— Мне нравится, мы возьмем ее, — отозвался профессор.

Пока он платил за платье и шаль, Джо продолжала деловито осматривать прилавки.

— Ну, теперь домой? — спросил он так, словно ему доставляло удовольствие проговаривать эти слова.

— Да, уже поздно и я устала! — голос Джо прозвучал капризнее и жалобнее, чем ей самой хотелось.

Промокшие ноги уже побаливали, да и сердцу было неуютно и холодно, как, впрочем, и остальному телу. Итак, она для мистера Баэра просто друг. Скоро он уедет, — что ж, чем скорее, тем лучше. С этими мыслями она замахала подъезжающему омнибусу, и фиалки выпали из горшочка на тротуар.

— Этот омнибус не идет к нашему дому! — с этими словами профессор сделал знак вознице ехать дальше, а сам стал подбирать пострадавшие цветы.

— Простите, я не рассмотрела номер... Но я могу и пешком. Я уже привыкла по грязи.

Она часто заморгала, но носовой платок оставался лежать в кармане; Джо скорее умерла бы, чем воспользовалась им сейчас.

Но мистер Баэр все уже заметил и, наклонившись к ней, спросил очень многозначительно:

— Моя девочка, почему вы плачете?

Будь это не Джо, а кто-то другой, ответ прозвучал бы как-нибудь хитро, — скажем, придуман был бы насморк или что-то еще. Но, совершенно забыв о достоинстве и продолжая всхлипывать, она выпалила:

— Потому что вы уезжаете.

— Ну, так фсе замечательно! — воскликнул Баэр, и не будь у него зонта в руках, захлопал бы в ладоши. — Джо, я ничего не могу предложить вам, кроме моей большой любви. И фот я приехал, чтобы узнать, нужна ли вам моя любовь — или я для вас фсего лишь добрый друг. Так скажите мне, найдется ли в вашем сердце место для старого Фрица?

— О да!

Она обхватила обеими руками его руку, как будто говоря, что рада будет идти с ним рядом, даже если у них не будет иного укрытия, кроме его старого зонта, — лишь бы только он всегда держал его над нею.

Надо сказать, что редкое объяснение происходит в столь невероятно трудных условиях. Из-за грязи мистер Баэр не мог встать на колени и не мог предложить руку иначе как на словах, потому что обе его руки были заняты. К тому же на глазах у прохожих он не смел изливать свои чувства. Зато лицо его сияло так, что Джо показалось, будто в капельках дождя на его бороде играют маленькие радуги. Не люби он Джо уже давно, едва ли он мог бы влюбиться в нее теперь, когда все на ней было в плачевном состоянии, а шляпка — та и вовсе безнадежно испорчена. Но, к счастью для обоих, он продолжал считать ее лучшей женщиной на свете, а сам он на фоне хмурого неба еще больше напоминал ей громовержца Юпитера.

Редкие прохожие наверняка сочли их парой безобидных сумасшедших — так беззаботно прогуливались они под дождем, не замечая грозно сгустившихся сумерек и тумана. А их мало заботило, что о них могут подумать. Ведь они переживали тот единственный в жизни час, когда старость чувствует себя молодостью, невзрачность — красотой, бедность — сказочным богатством и когда каждому человеку чудится, что он в раю.

Вид у профессора был такой, словно он завоевал королевство, и весь мир уже не может предложить ему большего блаженства. Джо шагала рядом с ним, и ей казалось, что ее место только возле него и нигде более; было даже странно, что когда-то она могла примерять к себе иную будущность.

Она первая решилась возобновить разговор. Не будем здесь приводить невнятных восклицаний, последовавших за «о да!», обратимся лишь к сказанному ими обдуманно и осмысленно.

— Фридрих, отчего бы...

— Боже! Она называет меня по имени. С тех пор, как не стало Минны, ни одна жифая душа не обращалась ко мне так, — профессор остановился посреди лужи, не сводя с нее благодарного и восторженного взгляда.

— Мысленно я давно зову вас по имени, но если вам не нравится...

— Мне не нраffится? Да что может быть для меня слаще? Разве только если мы станем говорить друг другу «ты»...

— Так сразу? Пожалуй, это немного сентиментально.

— Так федь это прекрасно! Сентиментальность! На этом стоит немецкий дух. Благодаря ей мы сохраняем нашу молодость. Я так устал от ледяного английского «фы»! — у Баэра был вид скорее романтического студента, чем солидного профессора.

— Так почему ты не предложил мне этого раньше? — смущаясь, спросила Джо.

— Послушай, я теперь хочу открыть тебе свое сердце. Ты федь отныне принимаешь на себя заботу о нем. Послушай, моя Джо — ах, какое это феселое, забавное имя! Я хотел много сказать тебе уже в Нью-Йорке, но мне показалось, что твой красивый друг... что он помолвлен с тобой. А если я сделал бы тебе предложение еще тогда, ты согласилась бы?

— Не знаю. Вряд ли. Дело в том, что тогда у меня вообще не было сердца.

— Что за чепуха! Я не могу в это пофериТЬ. Просто твой сердце дремал, пока не пришел прекрасный принц и не разбудил его. Да, конечно, «Die erste Liebe ist die beste», но уж на это чудо мне не следовало рассчитывать.

— Согласна, первая любовь — лучшая. Но прежде я еще никогда не любила. Тедди был тогда просто мальчишкой. А теперь он нашел то, что ему нужно, — ответила Джо, желая поскорее вывести его из заблуждения.

— Теперь я совсем спокоен. Я знаю, что ты отдала мне фсе. Просто когда мужчина долго ждет, он становится себялюбиФым. Увы, ты скоро это заметишь, госпожа профессорша.

— Мне нравится такое обращение! Но скажи, что привело тебя сюда именно в тот момент, когда я больше всего хотела тебя видеть?

— Фот это, — мистер Баэр вытащил из кармана жилета потрепанный газетный листок.

Джо развернула его и увидела... свои собственные стихи. Она отправляла их в газету, платившую за стихи.

— Но как?..

— Это попало ко мне случайно, а по именам и инициалам подписи я догадался, кто автор. Эти стихи звали меня, понимаешь? Прочти их мне вслух! А я послежу, чтобы ты не попала в лужу!

И Джо послушно стала читать:

НА ЧЕРДАКЕ

Ящички — четыре штуки,
Пылью все занесено...
Четырех девчонок руки
Их наполнили давно.

Вот — ключей четыре связки,
Моль тесемки пожрала...
Вспомнить были, вспомнить сказки
Вновь я на чердак взошла.

Начертали озорницы
Сверху имена свои;
Тайны юной четверицы
Позапрятаны внутри.

Их фантазия парила
Под рефрен дождя живой.
Вновь склоняюсь на перила,
Слыша дождь над головой.

Аккуратно, безупречно
Выведено имя «Мег»,
Всяк подумает, конечно,
Вот достойный человек.

Средь бумаг хранится сказка,
Два коротеньких стиха
И военных писем связка
От отца и жениха.

Но постойте! Где же куклы?
Их успела доломать
Девочка ручонкой пухлой —
Дочь, похожая на мать.

Спит она на «голубятне»
Под рефрен дождя живой,

В тихой детской – нет приятней
Слушать шум над головой.

«Джо» – на следующей крышке
Можно разобрать с трудом –
Буквы пляшут, как мартышки...
Так и в жизни – все вверх дном!

И смешались в беспорядке
Иглы, ленты, мишурा,
Прозы и стихов тетрадки –
Пробы глупые пера.

В этом всем одно не глупость:
О большой любви мечта,
И полна глубокой грусти
Строчка эта вот и та.

Слушаю, склоняясь устало,
Мелодичный шум живой.
«Заслужи любовь сначала!» –
Дождь поет над головой.

«Бет» – смотрю на почерк милый,
И слеза туманит взор.
Не святая ли всходила
На чердак нам всем в укор?

Нет ее на белом свете,
Но снесенные под кров
Милые вещицы эти
Оживляют к ней любовь.

Шаль, сорочка, колокольчик,
В дни страданий звавший к ней,
Ноты, вышитый камзольчик,
Книги – радость грустных дней.

Если б в шум дождя вплетало
Небо голос твой живой,
С радостью бы я кричала:
«Дождь шумит над головой!»

Рыцарь ставит ногу в стремя,
Буйный конь стрелой летит, —
И, конечно, имя «Эми»
Под картинкою стоит.

Бальныи башмачок, колечко,
Веера и фалбалы,
Тут же конская уздечка,
Живописцев похвалы.

Пусть не вышла в Рафаэли,
Все же гордость для семьи —
Статуэтки, акварели,
Скетчи легкие твои.

И под сводами усадьбы
Шум блаженный, звук живой —
Словно колокольцы свадьбы,
Дождь шумит над головой.

Ящички, четыре штуки,
Пылью все заметено;
Много в радости и муке
Взято и обречено.

От родительского крова
Судьбы увлекают нас,
Но и смерть не столь сурова,
Чтоб разрушить нашу связь.

Но оставить мир чудесный
Каждой предстоит в свой миг —
И тогда Отец небесный
Каждый отомкнет тайник.

И, когда с улыбкой юной
Мы воскреснем в мир иной,
Пусть, как ласковые струны,
Дождь шумит над головой!

— Как все тут слабо, какие плохие рифмы!.. Конечно, я писала то, что чувствовала. Мне было одиноко в тот день, и я ушла плакать на чердак. И зачем только мне надо было выставлять

себя на посмешище?.. – Джо разорвала на мелкие кусочки вырезку, которой так дорожил профессор.

– Пусть так... Эти стихи фыполнili свое назначение. Но у меня еще есть твоя коричневая книжка со стихами и разными заметками, – с улыбкой произнес Баэр, глядя, как ветер уносит газетные обрывки. – Когда я читал эти стихи, мне думалось: «Ей грустно, ей одиноко, но она могла бы найти себе утешение в настоящий любовь. Вот мое сердце, полное нежных чувств к ней. Если это не слишком жалкая вещь в сравнении с тем, что я хотел бы просить фзамен, – фот, пусть она берет его, ради Бога!»

– Ты приехал сюда, чтобы раз и навсегда узнать, что твое сердце никакое не «жалкое», а дорогое и необходимое мне сокровище! – чуть слышно проговорила Джо.

– Сначала я не осмелился так думать, хоть ты и сделала мне радушный прием. Но потом у меня поселилась надежда, и я сказал себе: «Добьюсь своего – даже если придется пожертвовать жизнью. Она будет моя!» – он горделиво вскинул голову, словно штурмуя подбирающуюся к ним завесу тумана.

Джо казалось, что он был великолепен в это мгновение, хотя и не гарцевал перед нею на коне в пышном одеянии.

– А почему ты вдруг надолго исчез? – спросила она чуть погодя.

Ей нравилась эта игра в доверительные вопросы и искренние ответы.

– Мне трудно было решиться. Как я могу увести тебя из фашего чудесного дома, федь у меня нет даже свой угол? Мне надо долго трудиться и ждать, прежде чем у меня будет свое гнездо. Пока я лишь бедный старик, у которого за душой нет ничего, кроме некоторой образованности.

– Вот и хорошо, что ты беден. Богатый муж – это не для меня, – решительно сказала Джо. – Не надо бояться бедности. Я со временем научилась ее не бояться и быть счастливой тем, что могу работать и помогать всем, кого люблю. И потом, какой ты старик? Разве сорок лет – это старость? Даже будь тебе семьдесят, я все равно тебя полюбила бы.

Теперь уже профессору впору было лезть в карман за платком, но Джо предупредила его, достав свой. Потом она забрала у него из рук пару свертков.

— Что ж, ты только что отдал себя моим заботам. Мне теперь осушать твои слезы и нести с тобой общую ношу. И с завтрашнего дня я тоже берусь за труды — мы будем сообща зарабатывать на свой дом. Соглашайся — иначе я никуда не пойду, — заявила она, не позволяя ему забрать свертки назад.

— Но хватит ли у тебя терпения? Я уеду далеко, и тебе придется ждать. Федь сначала я должен помочь мальчикам, потому что даже ради тебя я не могу нарушить слово, данное Минне. Сможешь ли ты простить мне это и жить без душевных терзаний длинные дни нашей разлуки?

— Да, я уверена в себе, потому что мы любим друг друга, а это поможет нам перенести все остальное. У меня тоже есть и работа, и долг перед моими близкими — то, чем я не могу пренебречь даже ради тебя. Так что будем работать — ты на Западе, я здесь. Ну а все остальное в руках Всевышнего.

— О Боже! Ты даешь мне надежду и фселяешь мужество, а что я могу тебе дать, кроме переполненного сердца и пустых рук?

Джо никогда, никогда не умела вести себя прилично. Она не нашла ничего лучшего, как, стоя уже на ступенях дома, вложить в его ладони свои, сказав: «Вот, теперь не пустые».

А потом... Потом она поцеловала его, стоя под зонтом. Правда, свидетелями этой неприличной сцены были лишь одни мокрые воробы. Но скажу вам честно: если бы каждая из этих птиц была человеческим существом, Джо сделала бы то же самое, потому что она уже зашла так далеко, что не могла думать ни о чем, кроме собственного счастья.

И хотя эта минута застигла их в столь прозаической обстановке, она стала главной в жизни каждого из них, — та минута, когда из мрака, одиночества и дождя они сделали шаг к уюту, теплу и покою, когда с веселым: «Добро пожаловать домой!» Джо ввела своего возлюбленного в прихожую и затворила дверь.

ВРЕМЯ ЖАТВЫ

Целый год Джо и ее профессор провели в трудах и ожидании, они продолжали любить и надеяться, время от времени встречались и писали друг другу такие длинные письма, что подорожание бумаги, по замечанию Лори, всякий раз сказывалось на их бюджетах. Следующий год начался довольно тихо, поскольку никаких радужных перспектив не рисовалось перед их мысленными взорами, к тому же неожиданно скончалась тетушка Марч. Но когда печаль стала угасать (а печаль была, потому что тетушку все же любили, несмотря на ее сердитые замечания), вдруг оказалось, что есть повод порадоваться: по завещанию к Джо переходил Плумфилд, а это вселяло надежду на благополучие.

— Красивое старинное имение, которое принесет вам не менее красивую сумму, если, разумеется, вы захотите с ним расстаться, — сказал Лори спустя несколько недель, когда у них зашел разговор о будущем Плумфилда.

— Нет, я его не продам, — решительно отвечала Джо, лаская толстенького пуделя, взятого в память о его прежней хозяйке.

— Уж не собираешься ли ты там поселиться?

— Вот именно.

— Но, дорогая моя, это же необъятное поместье. Знаешь, сколько сил и денег в него нужно вложить? Тебе понадобятся, по меньшей мере, один садовник и два огородника, а Баэр — какой из него фермер?

— А мы попробуем.

— Вы что, намерены жить плодами земли? Но это только звучит как райская идиллия, а на деле это адская работа.

— Мы намерены снимать другой урожай, — рассмеялась Джо.

— И что же это за урожай, мэм?

— Мальчики! Я хочу открыть школу для маленьких мальчиков. Такую, в которой им будет весело и они будут чувствовать себя как дома. Я займусь их воспитанием, а Фриц — обучением.

— Ну, это только Джо могла придумать. Кому еще такое могло бы прийти в голову? — изумился Лори, обращаясь к другим членам семьи, которые тоже были удивлены.

— Мне нравится этот план! — одобрила миссис Марч.

— И мне тоже, — поддержал отец семейства, уже думая о том, как он в стенах этой школы будет практиковать обучение сократовским методом.

— А его ты тоже к себе возьмешь? — спросила Мег, глядя по голове своего единственного, но многообещающего сына.

— Мне кажется, что эта нелегкая задача Джо по плечу. Идея замечательная, но расскажи подробнее, как ты будешь ее осуществлять, — вступил в разговор мистер Лоренс, горя желанием помочь влюбленным и при этом понимая, что они откажутся от его помощи.

— Я знала, сэр, что вы меня поддержите. И Эми тоже на моей стороне, хотя ей, как всегда, сначала нужно все взвесить. Так вот, поймите, — объясняла Джо, — это не воздушные замки, я давно вынашивала этот план. Задолго до нашего знакомства с Фрицем я часто представляла себе, что если разбогатею и буду не слишком нужна дома, то соберу вокруг себя мальчишек-сирот и попробую помочь им устроить нормальную жизнь, пока еще не поздно. Сколько их гибнет только потому, что никто не пришел им вовремя на помощь! Мне кажется, я понимаю их характеры, я способна сочувствовать, я смогу заменить им мать!

Марми протянула Джо руку, и дочь с улыбкой ее пожала. Она вновь заговорила с тем юношеским задором, которого так давно не ощущала.

— И Фрицу мой план по душе. Он еще раньше говорил, что как только мы разбогатеем, так сразу... Впрочем, ему не дано разбогатеть. У таких, как он, деньги долго не задерживаются. Так что огромное спасибо тете, которая любила меня гораздо больше, чем я того заслуживала. Дом в Плумфилде — это уже готовая школа. Там хватит места для сотни мальчишек. Дом очень уютный, живописные места. А воспитанники будут нам помощниками и в саду, и в парке, и в огороде. Это даже полезно для их

здоровья. Фриц будет главным учителем, а папа — его помощником. А мы с мамой будем их кормить, баловать и наказывать, если понадобится. Представляете, как весело мы будем жить, когда получим Плумфилд и сотню мальчишек в придачу.

В заключение своей речи Джо выразительно всплеснула руками и так восторженно ахнула, что все заулыбались. А мистер Лоренс разразился таким смехом, что все перепугались, как бы его не хватил удар.

— Ничего тут нет смешного! — Джо пыталась перекричать его смех. — Почему бы профессору не заняться преподаванием, а помещице не поселиться в своем владении?

— Это она сочиняет новый роман! — Лори никак не хотел принимать ее слов всерьез. — Хорошо, но скажи, на какие средства вы будете содержать свое заведение? С бездомных оборвышей велик ли доход? Что вы скажете на это, миссис Баэр?

— Как же тебе хочется отравить мне радость! Разумеется, я возьму и богатых учеников. Даже большинство будут богатые, а к ним я добавлю нескольких оборвышей. Не думай, что все богатые так уж счастливы! Их чаще всего или бросают на попечение слуг, или выставляют напоказ, как дрессированных зверушек. И потом я знаю богатых вдовцов, которые совсем не умеют воспитывать своих детей. Отрочество для мальчика — самая трудная пора. Сколько любой из вас вынес обид и насмешек прежде, чем превратился в обаятельного и уверенного молодого мужчину? Дети редко жалуются, но они много страдают. Я сама переживала подобное. Мне очень хочется приласкать таких неуклюжих медвежат, показать, что их неловкие движения и сумбурные мысли не мешают мне видеть добрые, чистые, возвышенные сердца! К тому же у меня есть опыт. Разве благодаря моему воспитанию некий мальчуган не стал честью и гордостью своей семьи?

— Во всяком случае, старания ты приложила, это я готов свидетельствовать, — сказал Лори с благодарностью во взгляде.

— И, заметь, я преуспела. Ты ученый, солидный молодой человек, копишь не деньги, а добрые дела и знаки человеческого признания. При всем этом ты еще изящен, разбираешься в ис-

кусстве и умеешь ценить красоту в жизни. Словом, я горжусь тобой, Тедди, и намерена своим будущим ученикам ставить тебя в пример.

Бедный Лори не знал, куда глаза девать от смущения, и покраснел, как мальчишка.

— Я всегда буду тебе признателен и приложу все старания к тому, чтобы тебе не было за меня стыдно. Правда, в один прекрасный момент ты бросила меня на произвол судьбы, и за то, что я не сбился тогда с пути истинного, нужно благодарить вот этих двоих! — он ласково положил одну руку на седую, как лунь, голову дедушки, а другую — на белокурую головку Эми.

Теперь они все время держались вместе, втроем.

— Семья — это лучшее, что есть на свете, — воскликнула Джо, по-прежнему пребывая в приподнятом настроении. — И когда я обзаведусь своей семьей, то постараюсь, чтобы она была такой же хорошей, как ваши. Жаль, что здесь нет ни Джона, ни моего Фрица!

С этими словами Джо удалилась к себе в спальню; ее сердце было переполнено счастьем, и лишь одно умерило на время его радостное биение — вид пустой кровати сестры и нежные воспоминания о Бет.

Это был замечательный год, когда все намеченное осуществлялось. И вот уже Джо сделалась женой Баэра и обосновалась с мужем в Плумфилде. Появились и мальчики, сперва их было пять или шесть, а потом мистер Лоренс стал приводить отпрысков каких-нибудь обнищавших семей, умолять Баэров «сжалиться над детишками». Оплату за новичков он брал на себя. Таким образом он перехитрил гордячку Джо, отыскав для нее именно таких воспитанников, о которых она мечтала.

Разумеется, трудились они на первых порах что называется в поте лица, и Джо совершила множество самых нелепых ошибок, но мудрый профессор в конце концов вывел корабль в спокойные воды, сумев «одомашнить» даже самого неукротимого из маленьких дикарей. Джо радовалась, заполучив под свою опеку такую внушительную ватагу, но, Боже, как сокрушалась

бы милая бедная тетушка Марч, глядя на то, как обживают чинный, образцовый Плумфилд всевозможные Дики, Гарри и Томы! Впрочем, поэт сказал бы, что восторжествовала справедливость: ведь покойная хозяйка была грозой всех мальчишек на несколько миль в округе; а теперь эти отверженные жадно обрывали прежде запретные сливы, безнаказанно вытаптывали гравий на дорожках и играли в крикет на лугу, который при тетушке оберегался однорогой коровой, отпугивавшей всех, кроме разве самых отчаянных.

Так создавался этот мальчишеский рай, который Лори прозвал Баэргарденом, что можно было понимать и как сад Баэров, и как медвежий уголок.

Постепенно Школа Баэра стала фешенебельным заведением, хотя профессору и не довелось нажить на ней состояния. Зато у мальчишек появилось надежное пристанище, где они получали и знания, и доброжелательную опеку. Вскоре в каждой комнате в доме обретался новый жилец, а каждое дерево в саду, каждая делянка обрели своего садовника. Скотный двор и сараи едва вмещали всех двурогих, какими обзавелось имение, и Джо три раза в день появлялась за длинным столом в окружении веселых и доверчивых лиц — для мальчишек не было большей радости, как пообщаться с «матушкой Баэр».

Она почти не уставала от них, хотя большинство были далеко не кроткого нрава и приносили изрядные хлопоты профессору и профессорше. Верить, что каждый ребенок от рождения добр, и прощать «до семижды семидесяти раз» — вот были главные принципы воспитания. Детские искренние порывы, головокружительные планы, забавные или трогательные секреты, покаянное кряхтение и сопение, даже их явные недостатки и неудачи — все было дорого Джо в ее питомцах.

Были среди них и бесполковые, и нескладные, и бесхарактерные, и необузданые, двое косноязычных и трое хромых. Вопреки всем предписаниям она приняла в школу маленького квартерона, и ничего плохого от этого не произошло.

Итак, Джо была счастлива. Мальчишки-воспитанники вытеснили из ее сердца честолюбивые помыслы о писательском

поприще, хотя среди питомцев Плумфилда было немало восторженных поклонников ее таланта.

Шли годы, и рождение собственных сыновей дополнило ее счастье. Старший Роб рос рассудительным и во всем походил на дедушку Марча, а беспечный Тедди унаследовал жизнелюбие отца и деятельную натуру матери. Бабушка и тети причитали над ними, предсказывая, что их затравят и забьют в этом медвежьем углу, но мальчишки росли, словно одуванчики весной, под верным присмотром простых женщин, взятых им в няни.

В Плумфилде отмечалось невероятное множество праздников, но самым замечательным был день сбора яблок. Этот день Марчи, Лоренсы, Бруки и Баэры всегда проводили вместе. Особенно запомнился всем яблочный праздник, состоявшийся на пятый год замужества Джо. Был теплый октябрьский день; воздух нес в себе бодрящую свежесть, которая поднимала настроение и заставляла кровь веселее бежать в жилах. Старый сад стоял по-праздничному нарядный: золотарники и астры приникли к замшелым стенам; в сухой траве резвились кузнецы; наигрывали, словно сказочные флейтисты на пиршестве, сверчки; белки занимались сбором плодов к зиме; птицы в придорожном ольшанике распевали свою прощальную песню; и каждое дерево готово было, едва лишь его потрясут, обрушить на землю град румяных и золотых плодов.

Все были в саду и смеялись и пели, залезали на деревья и шлепались вниз; все утверждали в один голос, что еще не было такого замечательного дня и такой веселой компании; все беззаботно предавались простым наслаждениям, забывая, что есть в мире тяготы, горести, беды.

Мистер Марч, взяв под руку мистера Лоренса, водил его взад и вперед по дорожкам, цитируя на ходу Тассо, Каули, Колумеллу и вкушая «плодов земных пьянящий сок». Профессор, словно тевтонский рыцарь, штурмовал проходы между деревьями, держа шест на манер копья, а мальчишки, похожие на команду пожарников с лестницами и баграми, совершали чудеса акробатического искусства на ветвях и на земле.

Лори взял на себя заботу о малышах — таскал в большой корзине свою крошечную дочурку, показывал Дейзи птичий гнезда и все время следил за тем, чтобы «этот отчаянный» Роб не сломал себе шею. Миссис Марч и Мег сидели в окружении яблок, словно две Помоны, раскладывая их по сортам, а между тем плоды все прибывали и прибывали.

Тем временем Эми, с прекрасным материнским выражением на лице, зарисовывала в своем альбоме портреты и колоритные сценки. Бледный подросток, положив на траву костьль, позировал ей, не сводя с прелестной художницы восторженного взгляда.

А Джо была такой, как обычно: платье подколовано булавками, шляпа где угодно, только не на голове, ребенок чуть ли не под мышкой — и вся ожидание: вдруг приключится что-нибудь невероятное? За маленького Тедди она почти не опасалась: этот сорванец был поистине неуязвим. Джо совершенно не тревожилась, когда один из подопечных мальчишек втаскивал его на дерево, другой угощал зеленым яблоком, а третий катал на спине. Немецкий папа тоже не возражал против зеленых яблок, полагая, что детский желудок может переварить все: квашеную капусту, гвозди, пуговицы, башмаки. И родители только ожидали назначенного часа, когда невредимый, румяный, спокойный и чумазый Тедди снова окажется у них в объятьях.

В четыре часа наступило затишье. Корзины валялись на траве пустые, а сборщики яблок латали прорехи на своей одежке и обрабатывали ссадины. Джо и Мег, призвав на помощь старших детей, накрывали ужин на траве: чаепитие на открытом воздухе было вершиной всех удовольствий. Земля в буквальном смысле источала молоко и мед, так как детям разрешали не садиться за стол, а вкушать яства там, где им заблагорассудится. Ведь лучшая радость для мальчишеской души — свобода. И вот одни из них на спор пытались выпить молоко, стоя на голове, а другие придумали награждать куском пирога за каждый удачный прыжок в чехарде. Весь луг был усеян печеньем, как зер-

ном, а яблочные пирожки красовались на ветвях взамен сорванных яблок. Девочки устроили чаепитие отдельно, а Тед бродил от стола к столу, получая тут и там желанные лакомства.

Когда все наелись досыта, профессор предложил выпить за покойную тетушку Марч: «Да благословит Господь ее душу!». Добрый человек никогда не забывал той, кому был обязан своим счастьем. И мальчики, наученные чтить память о старой хозяйке, пили свой яблочный сок в полной тишине.

— Ну а теперь выпьем за бабушкино шестидесятилетие. Долгих лет и ура! ура! ура!

«Ура!» повторялось многократно, а далее последовали еще тосты за здравие каждого: от мистера Лоренса — почетного покровителя школы до случайно забежавшей на скатерть морской свинки. Затем Деми как старший внук стал вручать «новорожденной» бабушке подарки, изготовленные детскими руками. Этих даров было такое множество, что их привезли на тачке. О, как дороги были бабушке все эти вышивки, платочки, обувные ящички. И самой прекрасной страницей в роскошном альбоме, подаренном Эми, для матушки Марч оказалась та, где неровными печатными буквами ее внучка вывела: «Дорогой бабушке от младшей Бет».

В конце концов бабушка не выдержала и расплакалась, а Тедди начал вытираять ей глаза своим передничком. Но куда же подевались остальные мальчики?

И вдруг профессор поднялся и запел, а с деревьев ему вторили голоса невидимого хора. Все было придумано заранее. Джо написала слова поздравительного гимна, Лори положил их на музыку, а профессор замечательно отрепетировал с мальчиками. Заздравная песня имела невероятный успех, и виновница торжества захотела пожать руку каждой «птахе», от долговязых Франца и Эмиля до маленького квартирона — обладателя лучшего голоса в хоре.

Потом мужчины и мальчики разбрелись, продолжая развлекаться, а миссис Марч осталась с дочерьми под пиршественным деревом.

— Теперь меня не назовешь неудачницей, — сказала Джо. — Ведь мое лучшее желание исполнилось, — и миссис Баэр отбрала у Тедди кувшин с молоком, в котором он взбивал пену.

— А помнишь, какие мы строили с тобой воздушные замки? Где они теперь — великая романистка и Рафаэль в юбке? — спросила Эми, наблюдая за тем, как Джон и Лори играют с мальчишками в крикет.

— Помню, но жизнь, о которой я мечтала, теперь кажется такой унылой, эгоистичной и бесчувственной. Но я не оставила надежды написать настоящую, хорошую книгу. Ведь у меня теперь такой большой опыт и столько ярких, живых примеров! — Джо широким жестом обвела все семейство: резвящихся мальчишек, отца и мужа — священника и профессора, увлеченных совместной прогулкой и беседой, свою Марми с почти не постаревшим, добрым лицом, сидящую, как на троне, в окружении любимых дочек и с внуками на коленях.

— А мой воздушный замок был более приземленным, и теперь у меня есть именно то, о чем я мечтала: маленький домик, любимый друг и хорошие дети, — сказала Мег и с нежностью погладила по головке подросшего Деми.

— А мой замок совсем не похож на то, о чем я мечтала. Но, как и Джо, я не собираюсь отказываться от своих прежних надежд. Недавно я начала лепить детскую фигурку, и Лори находит, что это лучшая из моих работ. Скоро я буду делать ее в мраморе и, по крайней мере, сохраню образ моей малышки Бет.

И вдруг большая слеза покатилась на головку девочки, уснувшей на руках у Эми. Младшая Бет, как и Бет старшая, была слаба здоровьем, и страх потерять ее омрачал счастье Эми. Однако эта тревога сильнее сплачивала родителей малышки. Красота Эми обретала новую глубину и нежность. Лори становился серьезнее, решительнее и сильнее. И они оба постигали на собственном опыте, что ни красота, ни молодость, ни богатство, ни даже сама любовь не могут уберечь от забот и страданий, от горестей и утрат, ибо

Даже жизнь, исполненная счастья,
Может ли пройти без дней ненастья?

— Разве ты не видишь, что она стала гораздо крепче и здоровее? Надейся и не падай духом! — ободрила ее миссис Марч, а ласковая Дейзи потянулась с ее коленей, чтобы припасть щекой к щеке своей маленькой кузине.

— Я не впадаю в отчаяние. У меня есть ты и Лори, и вы помогаете мне нести мое бремя. Лори так мил и терпелив со мной, и он так любит Бет, что я вслед за сестрами могу повторить: я счастливая женщина.

— А я могу и не говорить того, что ясно без слов, — опять вступила в разговор Джо. — Казалось бы, все не так уж и весело — Фриц седеет, полнеет, стареет, мне тридцать лет, богатства нам ждать неоткуда, Плумфилд в любой день или ночь может сгореть дотла — этот неисправимый Томми Бенгз так и не прекратил курить под одеялом, хотя уже трижды устраивал пожары и сам чудом уцелел. Но, несмотря на все это, мне никогда в жизни не было так хорошо.

— Да, Джо, ты снимаешь славный урожай! — в раздумье проговорила миссис Марч и смахнула с подола большого черного сверчка, который начал пугать маленького Тедди.

— Но нашим урожаям, мама, еще так далеко до твоего. Великое тебе спасибо за все, что ты посеяла и пожала! — воскликнула Джо, так и не сумевшая с годами избыть своей девической горячности.

— Пусть с каждым годом будет больше зерна и меньше плевел, — добавила Эми.

— Надо иметь твое большое сердце, Марми, чтобы вместить богатый урожай, — с нежностью в голосе проговорила Мег.

И, растроганная до глубины души, миссис Марч раскрыла объятья, как будто желая прижать к себе всех дочерей и внуков, а потом произнесла с материнской любовью, смирением и благодарностью:

— Живите так, как вы живете теперь. Я не могу пожелать вам большего счастья.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Посплетничаем...	3
<i>Глава II.</i> Первая свадьба	16
<i>Глава III.</i> Попытки творчества.....	24
<i>Глава IV.</i> Уроки литературы	35
<i>Глава V.</i> Обретение опыта	43
<i>Глава VI.</i> Визиты	59
<i>Глава VII.</i> Последствия	72
<i>Глава VIII.</i> Письма из-за границы	84
<i>Глава IX.</i> В поисках выхода	96
<i>Глава X.</i> Дневник Джо	107
<i>Глава XI.</i> Друг	119
<i>Глава XII.</i> Муки любви	135
<i>Глава XIII.</i> Тайна Бет	145
<i>Глава XIV.</i> Новое впечатление.....	150
<i>Глава XV.</i> В заточении	161
<i>Глава XVI.</i> Лежебока Лоренс	173
<i>Глава XVII.</i> Долина теней	187
<i>Глава XVIII.</i> Наука забывать	193
<i>Глава XIX.</i> Совершенно одна	204
<i>Глава XX.</i> Сюрпризы	211
<i>Глава XXI.</i> Милорд и миледи	228
<i>Глава XXII.</i> Дейзи и Деми	233
<i>Глава XXIII.</i> Под зонтом	239
<i>Глава XXIV.</i> Время жатвы	256

Олкотт Л.

053 Маленькие женщины замужем / Пер. с англ. А. Шараповой; худож. А. Власова. – М. : ЭНАС, 2009. – 272 с.: ил. – (Маленькие женщины).

ISBN 978-5-93196-956-5

На страницах этой книги читатели вновь встретятся с известными во всем мире героинями – четырьмя сестрами семейства Марч, и узнают об их дальнейшей судьбе, живо и увлекательно рассказанной знаменитой американской писательницей Л. Олкотт.

**УДК 82-31(73)
ББК 84(7)**

Литературно-художественное издание

Маленькие женщины

Для старшего школьного возраста

ЛУИЗА ОЛКОТТ МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ ЗАМУЖЕМ

Редактор *М. Л. Жданова*

Художник *А. Ю. Власова*

Художественный редактор *Е. Г. Земцова*

Технический редактор *Ж. М. Голубева*

Компьютерный дизайн *Г. В. Комляровой*

Компьютерная верстка *С. П. Моргун*

Корректор *Г. И. Эрли*

Подписано в печать 07.03.09. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 15,5.

Тираж 10 000 экз. (2-й завод – 5001–8000 экз.)

Изд. № 579/1. Заказ № 1526.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953. Д.004684.05.08 от 08.05.2008 г.

ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС».

115114, Москва, Дербеневская наб., 11.

Тел. (495) 913-66-30. E-mail: secr@enas.ru <http://www.enas.ru>

Отдел реализации издательства «ЭНАС»:

115114, Москва, Дербеневская наб., 11.

Тел. (495) 913-66-20. E-mail: adres@enas.ru, inout@enas.ru

Фирменный магазин «Специалист»:

115201, Москва, Каширский проезд, 9, стр. 1.

Тел. (499) 619-48-09. E-mail: magazin@enas.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Ордена Октябрьской революции

Ордена Трудового Красного Знамени

«Первая Образцовая типография».

115054, Москва, Валовая, 28.

Маленькие женщины

Л. Монтгомери АНИЯ С ФЕРМЫ «ЗЕЛЕНЫЕ КРЫШИ»

В далекой Канаде на ферме «Зеленые крыши» живут уже немолодые брат и сестра Мэтью и Марилла Кутберт. Однажды они решили взять из детского приюта мальчика, чтобы он помогал им по хозяйству. И каково же было их изумление, когда вместо мальчика к ним прибыла маленькая рыжеволосая девочка – Аня...

С. Джемисон ЛЕДИ ДЖЕЙН

Одна из самых знаменитых книг дореволюционной «Золотой библиотеки» – о приключениях маленькой девочки, оставшейся круглой сиротой и попавшей к недобрым людям. Увлекательная и сентиментальная повесть со счастливым концом.

С. Кулидж ЧТО ДЕЛАЛА КЕЙТИ

Вот уже более ста лет повесть «Что делала Кейти» остается одной из самых любимых книг для детей.

Кейти – простодушная, искренняя и порывистая – живет, мечтая о том дне, когда станет «красивой, всеми любимой и милой, как ангел». Казалось, неудачное падение с качелей разрушит ее надежды на будущее, но Кейти сумела преодолеть свое несчастье.

Маленькие женщины

Э. Портер ПОЛЛИАННА

Читателям многих стран уже давно полюбилась «Поллианна», книга известной американской писательницы Элинор Портер. Это удивительная история девочки-сироты, которая способна при любых обстоятельствах радоваться жизни.

Э. Портер ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛЛИАННЫ

Продолжение истории о жизни и любви удивительной девочки Поллианны, жизнерадостность которой не только помогает ее самой, но и изменяет жизнь окружающих.

Ф.Бернетт ТАИНСТВЕННЫЙ САД

Героиню знаменитой повести Фрэнсис Бернетт «Таинственный сад» никто не любит, да и она терпеть не может чуть ли не весь белый свет. А тут еще болезнь лишает ее обоих родителей. Кажется, ничего хорошего для нее в этой жизни уже не будет. Но будто сама судьба протягивает героине книги спасительную руку и выводит на тропинку, ведущую в прекрасный Таинственный сад...

Маленькие женщины

Ф. Бернетт

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

Повесть замечательной американской писательницы Фрэнсис Бернетт (1849–1924) рассказывает о судьбе девочки, внезапно потерявшей отца и все состояние. Нелегко оказаться в таком положении, когда тебе всего одиннадцать лет.

Сара Кру выходит из этого поединка с жизнью несомненной победительницей, потому что обладает чистым сердцем и проницательным умом.

Э. Мид-Смит

ЧУДЕСНЫЙ ЗАМОК

Три сестры – Примороз, Джесмин и Дэйзи – остались круглыми сиротами, когда им было 17, 13 и 10 лет.

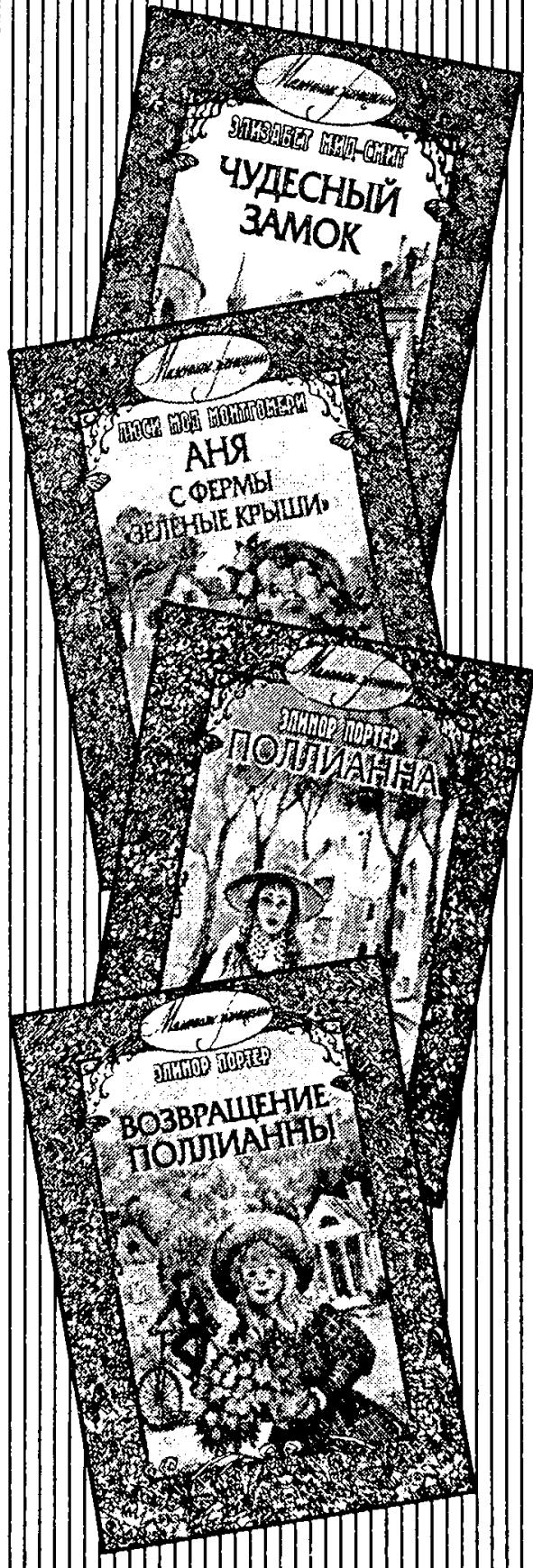
Поняв, что на пенсию им не прожить, а страховке скоро придет конец, Примороз берет в банке остаток денег и, гордо отвергнув помочь друзей, решает ехать с сестрами в Лондон, чтобы зарабатывать себе на жизнь...

Н. Боден

ДОЧЬ КОЛДУНЬИ

Героиня повести – девочка с таинственным именем Утраты, которую все считали дочерью колдуньи. Еще в младенчестве она осталась сиротой, ее взяла на воспитание одинокая женщина, жившая высоко в горах. Первыми друзьями Утраты становятся слепая девочка и ее брат, приехавшие в горы на каникулы. В один прекрасный день ребята неожиданно оказываются втянутыми в водоворот удивительных и опасных событий...

Маленькие женщины

The
Seattle
Public
Library

0010073739541

В серию "Маленькие женщины"
вшли лучшие произведения
отечественной и зарубежной
литературы, рассказывающие
о непростой поре взросления
и поисках счастья, о любви
и дружбе, о необычайных девичьих
судьбах. Адресованы они в первую
очередь девочкам, которые, читая
о жизни своих сверстниц, смогут
найти для себя немало интересного
и поучительного.

Книги эти переведены на языки
многих народов мира, по ним
сняты популярные кинофильмы
и телесериалы.

ISBN-978-5-93196-956-5

9 785931 969565

Olkott, Lujza

Malenkie zhenshchiny zamuzhem

26177618

857763B

Country of origin Russia
East View Information Services
books@eastview.com
www.eastview.com